

Анри Коломон

**ФРАНСУА
И МАЛЬВАЗИ**

II ТОМ

Анри Коломон
Франсуа и Мальвази. II том

«Издательские решения»

Коломон А.

Франсуа и Мальвази. II том / А. Коломон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749732-3

Действия романа разворачиваются на фоне общеевропейской войны за Испанское наследство в начале 18-го века по Рождеству Христову. Несмотря на затронутые многие места Европы и даже Магриба, основное повествование происходит в диковатом разбойничьем углу острова Сицилия, куда волей случая занесло наших героев.

ISBN 978-5-44-749732-3

© Коломон А.
© Издательские решения

Содержание

Книга III. Глотки Мальвазии	6
Часть I. Огонь и Воды...	7
Глава I. Война за Испанское Наследство	8
Глава II. Менорка	14
Глава III. От чего проснулись на следующее утро	19
Глава IV. Схватка в проходе	22
Глава V. После штурма	27
Глава VI. За решёткой	32
Глава VII. Неудавшийся побег	34
Глава VIII. Карцер	40
Глава IX. Граф д'Олон	41
Глава X. Встреча старых друзей	45
Глава XI. Сицилия. Вилла Фаворите. За круглым столом	50
Глава XII. Сицилия золотая	55
Глава XIII. Прибытие новых	59
Глава XIV. Выход из положения	63
Глава XV. Через две ночи	65
Глава XVI. Друзья Франсуа	68
Глава XVII. Именины графа Д'Олона	72
Глава XVIII. Неугомонный полковник Беккендорф	77
Глава XIX. Не передумали бежать, сэры?	79
Глава XX. Открытое море	90
Глава XXI. Штиль	97
Глава XXII. Огни Св. Эльма	101
Часть II ...И Медные Трубы	107
Глава XXIII. Впереди Сицилия!	107
Глава XXIV. «Арчибальд»	111
Глава XXV. Пещеры Корсаро	117
Глава XXVI. Шандади	122
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Франсуа и Мальвази

II том

Анри Коломон

© Анри Коломон, 2019

ISBN 978-5-4474-9732-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга III. Глотки Мальвазии

Часть I. Огонь и Воды...

Как жили мы борясь
И смерти не боясь
Так впредь отныне жить:
– Тебе и мне!

В бессмертной вышине
И в знойной низине
В живой волне
И в яростном огне!

И в яростном – огне!

Глава I. Война за Испанское Наследство

Из всех внутренних и внешних затруднений, которые испытывала Франция в начале царствования Людовика XIV, ее могла вывести только уверенная в своих возможностях, сильная королевская власть. Поэтому установившийся режим абсолютизма был необходим и в известном смысле прогрессивен.

Однако весьма скоро стали обнаруживаться и его отрицательные стороны. При абсолютизме – централизованности государства, не могло быть людей двигавших свои инициативы. Их не стало. По словам герцога Сен—Симона – представителя знатной родовой аристократии, выдающегося просветительского деятеля: «абсолютный без возражений, Людовик искоренил в стране всякую инициативу, не исходящую от него самого».

Суть такова: что один король не допускал чтобы это делал кто другой, не мог все двигать вперед сам, по стереотипу сложившемуся у королей с былых времен, да и самого Людовика после фронды и суперинтенданства Фуке, видеть в каждом выдающемся и деятельном человеке: соперника и врага способного со временем покуситься на власть в королевстве, что было вовсе не реально. Не так уж окрепла центральная власть, еще о многое она спотыкалась. Нередко противились суды, парламент. Хотя уже после фронды принцев, дворянство, как единая сила, сошла с политической арены, оставалось много прежних хлопот. И самое государство было далеко не полным в нынешнем видении. Независима Лотарингия, глубоко врезающаяся и находящееся посреди территории независимое Авиньонское графство. Лишь со временем присоединились Эльзас со Страсбургом, Франш – Конте, и другие территории. Большие части Дофине и Прованса оставались за линией рубежа. Корсика была Генуэзской.

Кроме того значительны были владения дворян и в самой Франции, где в некоторых областях состоятельные аристократы все еще оставались заправилами местной провинциальной жизни. У большей части различных слоев дворянства был в моде дух умеренного, позитивного фрондерства.

Но в противовес всему, что умирало основную часть дворянства непосредственно, и косвенно остальную, являлось то, что оно целиком и полностью с материальной стороны зависело от ренты и служения; и втянулось в жизнь на подачки короля, считавшиеся знаком особого благоволения и положения в обществе. Доходные звания, должности. Чины, титулы, награды, пенсии, а так же земли и денежные подачки, и наконец сильная полиция и тюрьмы, все служило тому, чтобы наставить на путь пресмыкания перед властью, а молодое поколение воспитать в том же духе.

Вернемся же к королю – солнцу, вначале своего правления, как достиг возраста совершеннолетия, обещавший стране изобилие и блеск. Именно упоение властью, после горемычных скитаний с королевой—матерью и другим регентом кардиналом Мазарини во время Фронды, когда за него как короля ничего не ставили, в резком контрасте породило в нем слова: «Государство – это я», ставшие девизом абсолютизма.

Со временем король сдерживал свои желания все реже и реже, проявляя их во внешней политике, как например 1681 году без объявления войны заняв имперский город Страсбург с прилегающими к нему Эльзасскими землями.

Конечно пути присовокупления земли были разными, и по степени законности, но и в самых мирных из них полностью проявлялась сущность первого абсолютистского короля. Людовик хотел закрепить свои южные границы /как раз там где находятся неполные Дофине и Прованс/, путем покупки за сто тысяч экю маркизата Салуццо с городом у одного итальянского князя, через его первого министра Маттиоли. Тайный договор был уже заключен, сам министр получил за это конечно же богатые подарки... как тот же Маттиоли продает секрет Австрии, Савойе, Испании. Разгневанный Людовик XIV, приказывает заманить хитреца

во Францию схватить и бросить до конца жизни в Пиньероль. Как никак первого министра итальянского княжества, прямое оскорбление всему ему. Примечательно что король Испании Карл II, всячески потворствовал решению французского короля.

Беззастенчивые захваты чужих владений втянули Францию в бесконечные кровопролитные войны, какой являлась война за Мантуанское наследство. Но самой тяжелой и разорительной для народа и страны стала так называемая общеевропейская война за Испанское Наследство, начавшаяся в 1701 году и окончательно закончившаяся через долгие тринадцать лет, вызванная длительной борьбой Бурбонов с австрийскими Габсбургами за гегемонию в Европе, а так же выступлением на политической арене молодых капиталистических государств – Англии и Голландии, тоже преследовавших свои цели.

Причиной борьбы за наследство и как следствие войны послужило отсутствие мужского потомства у короля Испании Карла II Габсбурга. В 1700 году он умер бездетным. Основными претендентами на престол Испании, обширные владения в Америке и Европе¹, выступили монархи, имевшие детей от браков с испанскими принцессами, сестрами умершего короля это: французский король Людовик XIV Бурбон, на основании прав своей покойной жены Марии – Терезии, рассчитывавший получить корону для своего внука Филиппа Анжуйского и император Священной Римской Империи Леопольд I Габсбург, женатый на другой сестре Маргарите – Терезии, выставивший кандидатуру своего сына Эрцгерцога Карла.

Англия и Голландия же, стремясь использовать начавшийся упадок Испании в своих интересах, не допуская при этом усиления империи, и в то же время Франции, настаивали на разделе испанских владений.

Людовику Бурбону, с помощью французской дипломатии при мадридском дворе и Папы Римского, удалось добиться того, что в завещании Карла II, его корона передавалась по наследству принцу Филиппу Анжуйскому, который в том же семисотом году сразу же и стал испанским королем под именем Филиппа V.

Англия и Голландия согласились с этим при условии независимости Испании от Франции и не допущения какой – либо унии между ними. Но вышло совсем наоборот: французский король через своего внука стал фактически управлять страной, со всеми ее владениями. Это именно в то время возникла, и Людовику XIV принадлежит фраза: «Нет больше Пиренеев!»

Мало того, в феврале семьсот первого, он объявил Филиппа V своим наследником, выявив тем самым намерение добиться объединения двух государств под одной короной, что противоречило интересам Англии и Голландии². Обеспокоенные чрезмерными притязаниями на Испанию они выступили на стороне Леопольда I Габсбурга. Причиной тому еще послужило то, что ранее они безуспешно добивались предоставления им торговых привилегий в колониях – права Метто...

В Гааге 7 сентября того же 1701 года Англия и Голландия заключили союз с императором Священной Римской Империи против Франции, составив тем самым антифранцузскую коалицию, или Большой Альянс и в мае следующего... семьсот второго года объявили войну, хотя сама империя начала военные действия годом раньше, в северной Италии за Миланское герцогство, где Евгений Савойский разбил французов в битве при Кьяри.

Позднее к антифранцузской коалиции присоединились Бранденбург, Пруссия, Дания и большая часть других германских княжеств. На самом южном участке региона стран войны, Англия денежными субсидиями сманила Португалию /первоначально союзник Франции/, воспользовавшись финансовыми затруднениями двора. К тому же выдающийся политический деятель, первый министр португальского короля маркиз де Помбал с самого начала был за это.

¹ В Европе у Испании имелись: Фландрия, Миланское герцогство, герцогство Тоскана, Сардиния, Неаполитанское королевство.

² Последняя была непосредственно задета разрастающимся влиянием Версаля. Голландские гарнизоны были изгнаны из крепостей испанских Нидерландов.

Объединенными усилиями, и главным образом португальскими войсками удалось выиграть сражение под испанским городом Кадисом, благодаря чему Английский флот в 1704 году захватил Гибралтар.

Другой союзник Франции Савойя, примкнула к антифранцузской коалиции уже в 1703 году. У Франции остались лишь Испания, Бавария и ряд других мелких государств в Германии. Даже архиепископ Кёльнский, заявивший о своем нейтралитете, проявлял некоторые отхождения от слова в пользу Большого Альянса. Силы постоянного и могущественного союзника – Швеции, были надолго отвлечены войной с Россией³.

Франция оказалась фактически в полной европейской изоляции. Необходимо было разрезать нависшие тучи либо успехами, либо мирными договорами. Выбор пал на войну.

Военные действия повелись одновременно: в Испании, испанских Нидерландах или Фландрии, южной Германии, Италии и на морях, от чего по обширности театра военных действий эту войну воистину называют общеевропейской.

Во главе англо – голландских войск стоял герцог Мальборо; имперских – принц Евгений Савойский. Французский маршалы К. Л. Виллар, Н. Катина, Л. Вандом, Виллерау, совершили ряд грубейших просчетов, переоценив свои силы и потерпев несколько поражений. Удачно начавшееся наступление в Баварии окончилось поражением в битве при Гохштедте в 1704 году сведя на нет успехи прошлогоднего сражения в этом же направлении.

Победа союзников у Рамильи что в тринадцати милях северней Намюра привела к тому, что были потеряны весь север и восток Фландрии. Битва началась 23 мая 1705 года между 62 тысячами армии герцога Мальборо и 60 – тысячами французов Франсуа де Нефвиля, герцога де Виллерау. С приказом от Людовика XIV вступить в сражение, французская армия достигла равнины у городка Рамильи, но неразумно растянула одной линией длиной в четыре мили весь центр от Рамильи до Офуса. Сильная группировка атаковала левые силы французов, не давая подтянуть подкрепления из центра. Мальборо не разрешил своей кавалерии поддержать эту атаку из-за болотистых почв. И половина батальона из этого фланга промаршировала необнаруженной французами к центру, поддерживать финальную стадию концентрировавшейся группировки нападения. Это сокрушило растянутую армию французов потерявшую 17 тысяч убитыми, ранеными и сдавшимися в плен, / против 5 тысяч солдат противника/, к следующему утру вынужденную поспешно отступить назад.

Потерпев поражение под Турином от Евгения Савойского, французскому маршалу Н. Катина пришлось вывести войска из Северной Италии. В тоже время высадившиеся в испанской Каталонии, при поддержке Английского флота, австрийские войска во главе с эрцгерцогом Карлом взяли Барселону 9 октября 1705 года. Победно захватив Каталонию и Арагон ставленник императора на испанский престол провозгласил себя королем, вторым по счету. В 1706 году им был даже на короткое время захвачен Мадрид, но проигранное сражение заставило сдать город. Продвижение на юг так же закончилось поражением в битве при Альманса 1707 год.

В Средиземном море английский флот напал на важный в стратегическом положении остров Менорку с его городом-портом Маоном.

На французского маршала де Вандома была возложена осада города Ауденарде, когда подошли армии Альянса под командованием герцога Мальборо и принца Евгения Савойского. После массированных маршей и форсирования Шельды, изнуренные отряды атаковали сходу, от начала до конца блестящим мальбороовским маневром и сражение стало выиграно с тяжелыми потерями французов.

³ Северная война (1700 – 1724 гг.)

Победив при Ауденарде союзники перенесли военные действия с Фландрии на землю самой Франции и скоро снова выиграли сражение под Лиллем.

11 сентября 1709 года, но уже во Фландрии в районе селения Мальплаке, что между Монсом и Валансьеном, произошло новое и грандиозное сражение между французской армией К. Виллара, тяжело больного после ранения, что дало ему потом возможность говорить о своей непричастности, и англо—австро—голландскими войсками Евгения Савойского и герцога Мальборо, насчитывавшими 117 тысяч против 90 тысяч.

Савойскому удалось охватить левый фланг противника и отвлечь на себя его резервы. Тогда герцог Мальборо атаковал центр и правый фланг французов, которые после упорного сопротивления потеряв убитыми и ранеными 14 тысяч человек были вынуждены отступить к Валансьенну.

Вскоре в октябре союзники овладели важной крепостью Монс. Сражение за Монс, явившееся для них так же победным, является типичным для периода господства линейной тактики и примером полководческого искусства генералиссимуса Евгения Савойского.

После разгрома при Мальплаке и Монс положение Франции оказалось окончательно безвыходным; военные действия велись уже в глубине ее территории, а все крепости во Фландрии, с которых вначале войны были изгнаны голландские войска оказались в руках союзников. Еще в ...шестом году Людовик XIV был согласен пойти на большие уступки, а в семьсот десятом, в голландском городе Гертруденберг вынужден был добиваться мира даже ценой отказа от испанского трона.

Но изменения международной обстановки внесло существенные изменения в позиции разных участников Большого Альянса. В Англии вигов, являющихся активными сторонниками продолжения войны с Францией, сменили тори, после известия о полной победе России под Полтавой над Швецией. Являясь сторонниками сближения с Францией ставили себе целью борьбу с Россией, за ее невыход в Балтику и присоединение исконно русских земель. Обострились противоречия с Голландией. Вступление на имперский престол Карла VI Габсбурга в 1711 году, сделало реальной возможность объединения в руках Габсбургов австрийских и испанских владений, что грозило повторением времен Карла V, когда под его властью подпало пол – Европы. Это же содействовало отходу от империи многих ее союзников. Их положение, некогда блестящее, еще больше усугубила победа Виллара над войсками Евгения Савойского при Денен.

Денен, город северной Франции в районе которого 18 – 24 июля 1712 года произошло сражение. Французы насчитывали 108 тысяч; австро – голландцы 122. Ввиду двойственности политики Великобритании, где правило тори, не желавшее воевать, тем более в таком изменившемся положении, не в свою пользу, английские войска не участвовали, и Евгений Савойский отказался от решительных действий, втянулся в борьбу за крепости, чем и воспользовался маршал Виллар, 18 июля, форсировав реку Шельда и демонстрацией 22 – 23 числа наступления на Ландреси, которая была осаждена, французы вынудили противника перебросить значительные силы на свой левый фланг, после чего главные силы нанесли удар на Денен, где находились коммуникационные переправы союзников. Уничтожив восемь тысяч из находившихся здесь двенадцати, сами потеряли только две. После потери Денена и как следствие своей военной базы Маршьенна, Евгений Савойский снял осаду с Ландреси и отступил к Монсу и Турне. Сражение при Денен шло так же характерно для тактики и стратегии того века – нанесения ударов по коммуникациям, а не живой силе противника.

Победа при Денен способствовала заключению Утрехтского мира, после которого Голландия, вновь получила право держать свои войска в семи крепостях и городах Фландрии для самозащиты... вновь, после почти такой же как близнец общеевропейской же войны только тогда /за 5—6 лет перед/, ведшейся не с Большим Альянсом, а Аугсбургской Лигой, на тех же самых фронтах, направлениях, тех же почти театрах морских действий, почти с теми же

самыми участниками, с той лишь существенной разницей, что там где прежде тянулась цепь неудач, потом шли победы, и даже так же под занавес короткая измена фортуны. А, впрочем, все войны былого напоминают одна другую.

Война с империей продолжалась до – 14-го года и после ее неудач в Испании, где проявились таланты Филиппа V, закончилась подписанием Раштатского мира... Однако, все это было потом /и снова/, а пока все в том же первом году изгнания шевалье д'Обюссон и граф де Гассе только отправляются в свите маршала Катина в Испанию, спешащего оказать свое содействие Филиппу V. Который уже успел сдать Мадрид 26 июня сего года. Так что в Мадрид они не попали по случаю воцарения там нового короля. За него и отличную мадридскую жизнь, на которую они рассчитывали пришлось повоевать и уже только после возвращения столицы и по случаю возвращения мадридского двора на свое прежнее место они разместились сначала при дворце во флигелях, неся ночную дворцовую службу, а затем уж перебрались в город, желая как можно подальше отдалиться и от маршала и от въедливого церковника, которого он взял с собой в роли советника ли?

Близость с ними не предвещала ничего хорошего и друзья считали что правильно поступили, что потерялись из поля зрения, неся караульную службу во дворце, когда галереи темнели тусклым светом, освещая ковровые дорожки, портьеры на стенах и драпировки... Шумный двор стихал, отходил ко сну, вместе с маршалами, дьяконами, придворными и королем. И им так же предоставлялась возможность вздремнуть поочередно.

Со второй половины утра они отправлялись к себе на городскую квартиру, после ужина еще урывая утреннюю тишь, прекрасно разморившись доспать в самом приятном состоянии, какое только может возникнуть в процессе отдыха. Весь остальной день до самого вечера оставался за ними и они отлично проводили время несравнимое ни с какой другой военной компанией. Холодное время и светлая южная весна несравненны с зимой и весной с холодными дождями в той же Фландрии, да и Мадрид это совсем не то же самое, что тот же Лилль, особенно если уметь пользоваться временем. Д'Обюссон отставал в этом отношении от своего друга графа и поэтому ему частенько выпадало прогуливаться по улицам одному, по дороге и находя себе занятия. Так же он прохаживался в тот приметный изо всех остальных день на котором остановится наше внимание. Шевалье от нечего делать беспечно прогуливался и заплутал куда—то слишком в сторону, оказавшись на ремесленной улице оживленной и освеженной от пыли после прошедшего дождя. Заметил как молодой лицеприятный бедолага с котомкой на палке через плечо (видно с деревни) стоял и смотрел как у конюшни взнуздывают лошадь, и зная в этом толк не выдержал.

– Да как ты... Не так. Дай покажу.

– Катись восвояси – грубо оборвал его грузный подмастерье.

– Тебе не нужен работник? – спросил он тут же, самовольно прицепляясь к ремням.

– А ну катись отсюда покуда цел!

И вслед за словами схватив парня двумя ручищами сзади отпихнул его с такой силой, что тот по его намерению свалился прямо в мутную лужу. Вставая парень назвал заскоружлого грубияна висельником, от чего подмастерье не выдержав, схватился за дрыну, пошел дубасить и уже чуть не начал, как Франсуа обнажил свою шпагу и преградил дальнейший путь рассвирепевшему подмастерью. Сие вмешательство возымело действие на обоих так как подмастерью пришлось бросить дрыну и спастись от того, что увечья пришлось бы получить ему не будь в ногах проворства и отменного заднего хода. Парень же спокойно в это время отрехнулся от воды и поднял котомку.

– Спасибо, синьор. – поблагодарил он шевалье д'Обюссона, – Без вас бы мне этот придурок жизни все косточки переломал бы.

Он мало что понял из сказанного молодым испанцем, но как только смог постарался спросить его имя.

– Фернандо. А вы никак француз. Я чуть-чуть по – французски могу.

– А по—итальянски?

– И по – итальянски немного умею...

Шевалье д'Обюссон что-то решив насчет этого парня вынул из кармана кошелек с большим количеством медяков, исключительно мараведи и сентаво: часть выданного жалованья с казны, предпочитавшей рассчитывать этим.

Сменяй на дублоны. Сегодня в ...трактире «Пять тростников» в пять.

И повернувшись пошел дальше. Д'Обюссону нужен был слуга, одного Рамадана им уже не хватало, тем более, что Фернандо был бесценен в смысле языка.

Точно пять, ударил колокол близстоящей церквушки. Сзади к Франсуа, сидящему на стуле в трактире подошел Фернандо, честность и расторопность которого была доказана намятыми и принесенными деньгами.

Однако вскоре такая жизнь для шевалье и графа кончилась, как только снова настал критический момент. Маршал Катина и въедливый дьячок отправляясь на юг, туда где снова создалась угроза соединения австрийских войск с португальскими, отнюдь о них не забыли и прихватили с собой, но уже отправив в действующую армию.

Еще не закончилась весна и впереди еще целое лето невыносимой ужасающей жары, от которой не удалось отделаться ни на кусок под городской тенью Мадрида. И наоборот, события развернулись так, что лето, в кое они попали сразу по началу похода, урвало часть прекрасного весеннего времени.

Дорога лежала на юг к морю. Причиной похода являлось то, что там их поджидали английские, португальские и испанские силы эрцгерцога Карла и 25 апреля под Альманса состоялось сражение в котором армия Филиппа V ... снова победила! Можно было считать удивительным тот факт, что д'Обюссону и де Гассе выпадали всегда победные сражения из сонмища всех тех поражений, которые были и которые еще предстояло понести.

Но так или иначе, помаявшись еще в Испании довольно долгое время, несмотря на то, что напряженная обстановка там спала и они привыкли к этой стране, шевалье и граф наведались однажды с визитом к своему непосредственному начальнику и сославшись на то, что при переходе через Иберийские горы граф де Гассе простудился легкими, попросили чтобы их отправили на Менорку.

Глава II. Менорка

Этот живописный по берегам островок: второй по величине из группы Балеарских – тоже Испания и населяют ее такие же испанцы, и не совсем такие же, если принять во внимание постоянную оторванность от страны и резкую очерченность в овальных границах побережья, которое никогда не удерживало за собой мужчин всех возрастов и положений в семейной иерархии, независимо от нее всегда есть и остающихся главными добытчиками: рыбаками и жемчугоголовцами, ибо всхолмленная поверхность острова, который без затруднений можно назвать скалистым, или каменистым, не давала возможность земледельцу развернуться; разве что на узких прибрежных низменностях или же зажатых долинах внутри, которые ни за что не возможно предположить, глядя в середину острова из одной из многочисленных лодочных бухточек, поверх сгущающихся к горизонту шапок белесых холмов.

Но несмотря на такие виды, ко времени сбора перца с полей они замечались порой в самых неожиданных местах тем красным маревом, которое непременно привлечет внимание под негустую оливковую рощу, на возделанную ложбинку или же наваленные в сплошные кучи – ряды, отменно – красные стручки этой огненной специи, без которой немислимы на вкус многие приготовленные здесь блюда.

Балеарские острова – это западное Средиземноморье, находясь же северней, этот овальный ломтик суши был открыт на южные французские берега и находился в непосредственной близости от берегов Испании и частности Барселоны, что делало Менорку важным местом на перекрестке путей, к чему выгодно добавлялась врезавшаяся с юга – востока в самую глубь острова узкая и удобнейшая гавань, в которой почти у самого ее изначала раскинулся длиннейший, какой себе только можно представить в здешних водах маонский порт, являвшийся перевалочным пунктом, главным образом для сугубо военных перебресок.

Да, мировая война наложила свой непосредственный отпечаток на видах аккуратного залива, с лазурными берегами по утрам и приятными для глаз заросшими экзотической растительностью видами при ярком дневном свете... всю эту райскую прелесть охранял постоянно дрейфующий в акватории порта и на входе в воды гавани какой – нибудь фрегат, один из двух – трех постоянно охранявших менорский порт и город, следующий сразу за портом. Но и рассказ о самом городе не может начаться без описания ворот в него и на весь остальной остров, то есть порта, приспособленного и для военных целей.

Будучи некогда сугубо рыбацким и лишь отчасти обслуживая торговые дела, он и сейчас был заполнен множеством рыбацких фелук и лодок, под парусом и без, торговых судов, заходящих на время. Но какими бы крупными по размерам не появлялись представители последнего вида судов, над их мачтами всегда много выше возвышались устремленные ввысь мачты военных французских фрегатов и бригантин, стоящих у причалов с краю, дабы своими длиннейшими корпусами не мешать мелкой портовой жизни.

Стояли военные суда только лишь в отведенных для них местах: отстроенных в камне и цементе причалах, появившихся не так давно и в связи с возросшей надобностью. У одного из таких причалов, расположенного вблизи к самому главному месту, растянувшейся длинной линии порта, все свободное пространство было замощено под площадь перед лицевой стороной триединого портового замка, называемого местным фортом Сан – Фелипе.

Сей форт, отстроенный до крепости, с последней войной приобрел важное значение, являя собой в первом головном корпусе некое подобие ратуши, или по крайней мере здание, где располагались штаты военной администрации всего города и острова и куда переместились службы с губернаторского особняка, так как и губернатором острова сделался военный.

Средняя часть портового замка представляла собой, выдающаяся основная серо – красноватая масса крепости, в которой непосредственно размещались казармы не менее полуторы

сячного гарнизона города и на крыше которого располагалась сильная дальнбойная батарея. Своим мощным пристрелянным огнем при поддержке военных судов способная уничтожить все, что бы ни попало в воды залива вражеского.

Третий и самый дальний корпус в какой – то степени даже разъединенный глухой стеной, являл собою городскую тюрьму для немногих нашедшихся и здесь преступников закона, хотя, впрочем, нужно поправиться, найденных совсем не здесь, а в Барселоне, значит еще когда она была у Филиппа.

Окружена тюрьма была густым садом, в понижении обнесенным полуразвалившейся оградой, потихоньку приводимой в порядок новыми хозяевами и на свой манер. Уж коль на складах решеток имелось предостаточно и не было совсем никакой необходимости наглухо отгораживаться от морского бриза с берега моря, который отстоял от зарослей сада совсем недалеко и был завален глыбами осколков невесть откуда взявшихся возле края пристани. У того места где ограда сада сходилась со средним корпусом, являвшимся военно – казарменным, и мощеная булыжником площадь перед его фасадом, отгороженная уже с двух сторон, использовалась как плац, на котором каждое утро на утреннее построение выгоняли два отряда испанцев, в основном и составлявших весь гарнизон, в соединении с крупной частью морского десанта на военных судах.

Если порт был воротами в город и вообще на остров, то сам город Маон – сердцем и столицей Менорки. И как всякая столица в городском подобии был обнесен укрепленными стенами.

Маон, как город со стенами, приобретал большую значимость и для всей провинции. Теперь уже губернатор острова не подчинялся властям Пальмы, но делил мирскую область с военным комендантом и начальником гарнизона, которые и составляли военную администрацию. Власть на Менорке, хоть и не закрепленная за военными никакими ордонасами делилась между собою и губернатором, тоже военным, и в добавление начальником порта и комендантом портового замка, что называется, полюбовно. Но канцелярские службы все же располагались в головном корпусе, где «как у себя» чувствовали себя не все.

Сей административный корпус, огороженный сзади продолжением садовой ограды, огораживавшей задний внутренний двор, торцом и фасадом выглядывал на общую площадь: новую часть от пристани с бригом и до старой площади обращенной к пристаням порта фасадами главной городской церкви св. Фелиции и дома наместника. Но главное почему вечерняя жизнь города переместилась с Рыночной площади сюда: это лишь благодаря тавернам и прочим увеселительным заведениям, открывшимся поблизости к клиенту.

Те же таверны, которые действовали или открывались на Рыночной площади – прямом продолжении Старой: непременно разорялись, или же поспешно продавались под торговые лавки и небольшие магазинчики, торгующие привозным. Здесь так же располагались торговые ряды, которые и составляли рынок от самых причалов и складов. Днем, по возвращению рыбаков здесь может быть и могло быть людно, но ночью после закрытия рынка площадь выглядела просто зловеще и редким прохожим, попадавшим туда если они были не с парой, оставалось лишь с опаской покидать темную площадь.

Еще что тянуло жителей города к Старой площади, прибавим набожных жителей, это церковь св. Фелиции, где местный падре давал дивные проповеди, на которые любили собираться не только старшие по возрасту, и церковь всегда была переполнена до отказа, а возле ее выхода постоянно обретались нищие, просившие подаяния «ради Христа».

Но пожалуй самым кульминационным всего и вся были не воскресные проповеди, не шумные пирушки, особенные в те вечера, но когда, всего один раз в неделю к набережной подходили группы женщин и девушек и не стесняясь любопытных взглядов в едином порыве скидывали с себя одежды, перед тем как устремиться в ласковые воды.

Это было что-то будоражаще-необычное даже для завсегдаев таверн, которые всегда затихали... Что было говорить о только что прибывших с Пиреней графе и шевалье, совершенно неожиданно представших перед таинственным интимным действием, свершаемым на глазах у всех. Естественно что этот интимный вечерний эмоцион омовения в их глазах придавал тому месту куда они попали, ту восторженную загадочность, которую скрывал в себе неизведанный город, населенный южанками с такими нравами.

И действительно, городок довольно приятный на вид днем мог убедить любого, что главная его красота и прелесть заключается в красивых темпераментных испанках, живо прохаживающихся по улицам по делам, или без ничего в руках, просто так. Оставалось только благодарить судьбу за то, что она ниспослала на жительство сей райский уголок, на котором с удовольствием можно провести и остальные года изгнания.

Невысокие, выдержанные по форме дома, очень часто белились известкой, что придавало узковатым улицам ощущение простора, свободы, от ослепительной белизны, которую излучали стены домов при ярком солнце. Улицы были составлены компактно, настолько, что последние крайние дома тех улиц, что упирались в берег гавани своими фундаментами буквально находились в воде, словно это было в Венеции.

После осмотра города, который состоялся после утренней поездки за город, которая в свою очередь следовала после вчерашнего прибытия на быстроходном парусном баркасе, шевалье д'Обюссон и граф де Гассе отправились в портовый замок, прежде отпустив от себя Рамадана и Фернандо, которым совсем нечего было там делать. Встретил их и принял капитан де Фретте, как временно замещающий начальника гарнизона.

Занимательно было поговорить со своим новым патроном, да еще у него в кабинете с огромными окнами, примерно на высоте четвертого этажа /нижние поперечные мачты выделялись как раз на одном уровне/. Что же касается самого капитана, то он представлял собой образчик командира: – отца своих солдат, то есть человека степенного в годах, что для них сулило приятные дивиденды. Они конкретно не состояли ни в какой части, были лишь частью французского офицерского состава, а по сему утренние построения на плацу их как будто не касались, раз уж капитан де Фретте вводя новоприбывших в курс всех дел лишь упомянул про плац, но в обязанностях, которые им вменялись по долгу службы, не значившийся.

Вдали и в тиши от войны на острове создавался благоприятствующий режим несения службы, и самое основное, что надлежало им неукоснительно выполнять это патрулировать в составе патруля, набранного из таких же как они: сначала по улицам города, затем по запущенной загородной дороге в Сьюдаделу, на другой конец Менорки. Назывались эти рейды «молиться», потому как ничего другого более примечательного в том небольшом селеении не могло быть кроме древнего готического собора, неизвестно из-за какой такой великой набожности выстроенного в величественнейшем исполнении в такой глуши – задворках Европы. Был еще так же старинный дворец, но он был не для всех, а лишь в крайнем случае для одного.

Но так или иначе, а совершать ранне-утренние поездки в холмистой и дикой местности, где даже дорога во многих местах принималась заростать было весьма и весьма приятно и еще более приятно было после езды слезть с коня на площадке у дверей собора и пройти в прохладный полумрак, создаваемый тяжелыми готическими сводами, кому помолиться, преклонив колени на подножках лавок, а кому и просто посидеть, отдохнуть облокотившись на спинки лавок, вздремнуть в гулкой явной тиши, чуточку очиститься... духовно, после посещения бранных мест.

Для того чтобы объяснить себе загадку места с дьявольским ухищрением, Франсуа долго допытывался и от себя и у знающих местных, что бы это могло быть? Тонкая вытесанная в высоченный столп скала, на вершине которой словно молот на комле помещен гигантских размеров так же скальный брус, на каждой из граней которого мог бы поместиться целый отряд.

Ощущение сверхъестественной постановки, грандиозности усиливалось еще больше когда д'Обюссон, заключив пари с графом де Сент – Люком, сумел залезть на самую верхнюю грань, площадку открытую со всех сторон и небу и окружающему горизонту. И место величественному каменному построению было выбрано самое возвышенное, откуда просматривались большие пространства, вплоть до самой синевы Средиземноморья.

Остров Менорка имел древнюю историю, с той самой поры и перед тем как он был захвачен карфагенянами Ганнибала у финикийцев и тот основал у удобной гавани город, назвав его в честь своего брата – Маго. Меноркой овладели римляне, вандалы, мусульмане, но внимание стоит заострить на предыдущих всем тем, и отстроивших загадочный монумент Друидам, либо на тех кто жил перед финикийцами.

Но жизнь на Менорке состояла конечно же не из одних патрулирований. Частенько, сославшись на недолеченную болезнь легких у графа, от очередного рейда друзья отпрашивались у капитана де Фретте и уезжали на побережье, иногда нанимая для поездки на воде быстроходные тартаны; когда знали что знакомое им семейство снова уехало к себе на виллу, которая находилась в ложбине холмистого берега, но в том месте песчаного, и своим месторасположением, окруженным со всех сторон хвойным лесом, как нельзя более подходила для отдыха. Места там конечно были поразительно приятны, начиная от вида самой виллы с незаметным фасадом, от которого уступами и ступенями уходили вниз к самому песку и воде дорожки и площадки, обставленные декоративной зеленью.

Все было настолько аккуратно и красиво что даже небольшой лодочный пирс несколько вдававшийся в крохотную бухточку резко выделенную телами каменистых холмов, даже этот пирс удачно вписывался в песчаную полосу, на которую волны, если их так можно назвать, наплескивались, словно то было на берегу реки.

От лежащих на берегу морских выбросов постоянно избавлялись, дабы вся эта растительность не прела на солнце и не пахла. А воздух здесь был действительно такой, что его стоило беречь: смешанный морской бриз с ароматным хвойным ветерком представлял собой что-то изумительное.

Забрав с собой Рамадана и Фернандо по их желанию д'Обюссон и де Гассе отправлялись поплавать на лодке по берегам южного побережья острова⁴, и как-то раз в заинтересовавший их скалистый уголок с гротами.

Что же касается охоты, то она с самого начала была обречена на неудачу, ибо что можно было настрелять на подчас отвесной крутизне холмов с зарослями паквиса и фриганы, состоящие из вечно зеленых колючих кустарников фисташки, мирта, дикой смоковины, сухой травы, можжевельника. Сыпучие известняки, из которых состояли холмы, только способствовали распространению только такой растительности и на них могли прижиться только кролики, или в лучшем случае козы.

Благосклонностью к гостеприимству и радушием владельца не стоило злоупотреблять, но и в тот последний раз, когда они покинули виллу, провели в этом прекрасном уголку природы почти пять дней.

Холодное время года давало о себе знать и дождями, но установившаяся прохладная погода была лишь относительно холодна. По французским понятиям теплая и к тому же солнечная.

В то время как наши друзья шевалье и граф въезжают за ворота города необходимо известить читателя еще об одном событии произошедшем в тихой медленной изгнанческой жизни Франсуа, события которое позволило ему еще меньше чувствовать и ощущать разрыв с домом: приехал Рено с толстенным письмом от отца и аббата. А привезший сие послание он посмотрел-посмотрел /как он сам потом говорил/ как они здесь живут и решил остаться: Париж его

⁴ северное побережье представляет собой исключительно голый, дохлый вид, где пасутся дикие козы и ослы

более не прельщал, скукота. Конечно, на его месте лучше было заняться делом, а не шарлатанствовать консьержем, и сейчас Рено стоял на страже ворот и приветливо встретил возвращающихся сообщением приятной весты: к ним собирался приехать Капече Ковалоччо! Не понятно как он разыскал их, но важен сам факт того, что было передано в записке. Он застрял в Марселе и никак не может попасть на Менорку, разве что только смог отправить о себе весточку.

Уже вечерело и четверо конников поспешили как можно быстрее добраться до своих квартир где их ждала записка от Ковалоччо и домашняя обстановка. Квартиры располагались на последнем, втором этаже небольшого здания на улице внутри городских кварталов перед самой Старой площадью, но ее не могло быть видно, хотя и было всего полторы сотни туазов, так как улица слегка изгибалась, стороной, дальней от расположенного на правом краю площади портового замка, который вследствие сего обстоятельства, как бы не был высок и своей темно —коричневатой громадиной не возвышался над городком, с той стороны, которой они пользовались для подъезда к своему дому виден не был.

Глава III. От чего проснулись на следующее утро

Обычно те, кто размещался на городских квартирах, пробуждались чтобы идти на построение от ударов церковных колоколов, звонивших к мессе в точное, определенное время. Вместе с военными на Старую площадь к утренней мессе стекались и горожане. Несколько позже, с расчетом настолько, чтобы те успели собраться и прийти, звучал горн на построение на плац, а для казарм в то же время на подъем.

В то же утро, еще задолго до мессы в раннеутренний час город проснулся внезапно, от глухих пушечных разрядов и стрекотни ружейных выстрелов, несшихся со стороны порта.

Проснувшись все разом, Фернандо и Рамадану нехотя пришлось последовать за господами, еще стараясь понять что их это может не касаться. Поэтому натянув на себя наскоро свой камзол и прочее, шевалье д'Обюссон не стал дожидаться непривычного к этому слугу, схватив со стены в одну руку карабин с патронной сумкой на плечо, другой надевая шляпу с загнутыми полями устремился к выходу, выскочив на лестничную площадку, куда так же выходили де Гассе с Рамаданом.

Откуда столько пушек? /выстрелы продолжали звучать/.

Будем надеяться, что это идут ученья. – ответил граф, устремляясь по лестнице вниз.

Надеяться на то, что австрийцы, по которым стреляли, были чисто умозрительны или по крайней мере фетишны, им приехавшим вчера, было можно и чтобы окончательно ввести себя в курс событий все четвером сбежали вниз к выходу.

Между тем глас артиллерии превратился уже в настоящую кононаду. А вместе с треском и шумом ружейных выстрелов в общий ревущий шквал. Палили с форта и с кораблей, а стреляли уже где-то совсем близко.

На улице светало, хотя еще не так сильно чтобы они сразу заметили, что со стороны площади прямо на них двигается масса людей, но шум от их приближающихся шагов заставил обратить внимание. Присмотревшись они явственно различили красные мундиры из-за которых те и получили презрительное прозвище: «красные раки».

– Англичане? – удивился и только, флегматичный на сегодняшнее утро де Гассе.

То были действительно англичане: высадившийся на остров морской десант, на который Англия давно точила зубки, ибо Менорка представляла из себя для флота поистине лакомый кусочек. После... четвертого года, укрепившись на Гибралтаре и получив доступ в Средиземное море начинающей «владычице морей» необходимо стало иметь и новую базу для стоянки флота уже в глубине моря.

И вот что с недавнего времени назревало и непременно должно было случиться произошло на самом идеальном в стратегическом и чисто политическом отношении острове. Он находился с краю, открытым на берега Испании и Франции, он не был Мальоркой, соседним и самым большим островом в группе, не имел город Пальму, и с его отсутствием в составе испанских Балеар можно было легче согласиться, что потом меньше бы докучало дальновидной политике Великой Британии. И с Менорки... было легче всего и лучше начинать.

Этой ночью английский флот вплотную подойдя к острову у самого устья гавани бесшумно взял на abordаж слишком вышедшую и отрезанную дозорную тартану. Проход по гавани по-видимому до самой последней минуты оставался незамеченным, раз уж первой заговорила корабельная артиллерия англичан, от звуков которой и пробудился весь город, но не портовый замок. Гарнизон был застан врасплох не совсем так неожиданно, как могло бы показаться с первого взгляда. В казармах крепости был уже дан сигнал тревоги, но бастионы с артиллерией молчали. Оборона была застана врасплох и нарушилась цепочка взаимодействия. Фрегат который по замыслу должен был отойти в дальнюю тупиковую часть гавани, дать свободно отстреляться французской батарее и уже затем подойти уничтожить то, что выдержало

огненный шквал; сейчас же стоя у пристани напротив и своим корпусом, а больше присутствием мешал открыть вообще какой – либо огонь. Командир батареи боялся и выжидал либо приказа, либо когда французский фрегат отойдет по намеченному курсу. На нем всю шла подготовка к встречному бою. Буквально перед носом подходящей эскадры забелели паруса.

При дальнейшем рассмотрении оказалось, что англичане зашли намного дальше того, чем казалось. Один большой корабль ушел далее вглубь порта и успел заблокировать выход французского брига, совершенно ни к чему не успевшего подготовиться. Команда брига «Ореол» не успела его даже развернуть правым батарейным бортом.

Подосевший английский линкор обыкновенно взял практически беззащитное военное судно на абордаж с классическим совершенством, каким это умеют делать англичане, когда представляется такая возможность.

Сразу же был высажен и морской десант в количестве нескольких сотен, который поотрядно отправился на штурм портового замка. На Старой площади в продвижении широкой массы англичан произошла заминка. Сверху по ним ударила французская артиллерия, которую успели переориентировать. Били всеуничтожающей картечью, грозя за пару минут превратить сбившуюся толпу в кровавое месиво. Положение наступавших усугубилось и тем, что толпа не могла податься ни назад, ни скрыться за каким-либо укрытием, лишь только по инерции продолжала слегка перемещаться вперед под давлением задних, в то время как передний отряд с каждым все более метким выстрелом терял десятками и пятился.

Но раздалась верная команда и первые два отряда увильнули вправо как раз на ту улицу по которой сейчас отбегали назад двое мушкетеров и их слуг. Офицер, спасший положение вел боевые части в обход.

Отходим через переулок! – крикнул отбегавший впереди всех д'Обюссон вспомнив о небольшом проходе между домами: ближайшем.

Шественно наступавшие под прикрытием улицы англичане конечно же замечали впереди убегавших от них группу людей, но те слишком уж добросовестно при этом жались к домам и выступавшие углы этих домов очень мешали обстрелу. Сочтенные за испуганных горожан ретировавшиеся получили вослед лишь пару потраченных зря разрядов.

Пространство разразилось долгим гулким взрывом. Взорвался защищавшийся фрегат от точного попадания в пороховницу.

С неприятным осадком в душе от зловещего раскатистого грохота над городком граф де Гассе с оглядкой юркнул в темноту проулка последним и выбежав на противоположную более светлую сторону остановился около Франсуа.

Улица, которую они рассматривали, представляла из себя тихую ювелирную улочку, упирающуюся в заделанный под глухой тупик у решетчатой ограды заднего двора крепости, о котором кроме них пока еще никто не знал. Двор и задняя сторона тела корпуса были безлюдны и заброшены в этот развевающийся бурными событиями утренний час. Прорехами тыла, пока тыла, выпало заниматься им.

Необходимо было во что бы то ни стало приостановить победное шествие красных мундиров и именно в этом переулке, иначе замеченные в обратной стороне улицы от портового замка, так же отходившие к нему оказались бы отрезанными.

Свои... – определил шевадьё, всматривавшийся по улице влево, в противоположном от крепости направлении, на бежавших группой людей, и оторвавшись взглядом устремил его на занятие с пороховой сумкой и карабином.

Фернандо, присевший на корточки за углом и за д'Обюссоном принял поставленную перед ним сумку на длинном ремне, и брошенный на зарядку пистолет, добавленный к двум прихваченным единицам огнестрельного оружия, каждое из которых он старался как можно быстрее зарядить, проворно работая шомполом.

– Побыстрее, Рамадан! Ружья, пистолеты, шевелись! – прикрикнул граф на своего разло- жившегося помощника, по другую сторону прохода. Его хозяйство состояло из кучки пороха, белых пыжов, пуль и даже обнаженного кинжала, не говоря уже о пистолетах. Шевалье д’Обюссон заметил сзади, в Фернандо какое-то несоответствие... На голову его была поспешно нахлобучена съезжающая на бок кираса со свисающими незашнурованными шнурками...

...Поспешно надевая сей шлем, который у него остался еще с Фландрии д’Обюссон обер- нулся на подбежавших к ним сзади двух офицеров, так же французов и солдат.

Пока оставалось время, он сказал одному из солдат, надежному на вид, бежать в крепость, подвести людей к задней стороне, которую необходимо будет оборонять.

Тот побежал. Оставались считанные мгновения и принимавшие бой выразительно пере- глянулись между собой. Они уже приготовились и отступить было поздно. Выглянув в про- ход пока никто не показывался в просвете Франсуа заметил еще одну немаловажную деталь: по боковой стороне дома по их углу была выложена небольших размеров цементная планка, для удержания ли угла. Такова уж была архитектура, пошедшая только в пользу против рико- шетов.

После, на миг воцарилась тишина, пока шаги наступающих не стали слышны все явствен- ней. Становилось светлее и менее прохладно. Франсуа пристегнул и поправил кирасу получше.

Глава IV. Схватка в проходе

Нестройные шаги толпы чувствовались уже за противоположным углом, и только сейчас за миг перед тем как уже можно будет нажать пальцем на курок, Франсуа по настоящему задумался о жизни и смерти... что-то с ним будет через минуту после предстоящей перестрелки? Ему так показалось, что не спроста его охватили подобные мысли. Этот бой по всем расчетам должен был быть последним для всех.

Меж тем в просвете уже появлялись силуэты и устремлялись по мощеному булыжником проходу прямо на них, но только первые, издали крик опасности и стали заносить дула ружей на выстрел как раздалось несколько размеренных выстрелов и просвет снова расчистился с последними упавшими.

Шевалье д'Обюссон бросил назад выстрелянный пистолет, прихватил за длинное дуло прислоненный к стене карабин, выглянув вместе с дулом выстрелил не целясь. Полилась перекрестная пальба: в проход затемненный силуэтами и в ответ. О прочную звенящую поверхность кирасы расплющилось и отскочило по меньшей мере две пули, когда заменив карабин на пару принятых пистолетов он выглянул посмотреть.

Получилось так что когда он одновременно выстрелил из пистолетов в одно время с ним выстрелили и все остальные залпом после чего прореженный просвет поспешили покинуть оставшиеся на ногах.

Но почти сразу же, через несколько секунд в проход из-за углов высунулось несколько длинных стволов и для отстрастки стали стрекотать в пустую, что называется махать кулаками после драки, или же готовясь к новой атаке.

Граф де Гассе, беря подаваемый снизу Рамаданом пистолет, вдруг резко с ним в руке обернулся назад, заметив идущего по той стороне улицы какого-то солдата... Одетый не по форме он в то же время имел при себе оружие, но проходил возле них не задерживаясь. По его недоверчивому взгляду можно было легко разгадать, что тот на них смотрит как на самоубийц; и ни за что примыкать к ним не собирается.

– Эй! – окликнул его граф, и уличенный в трусости наглядного дезиртирства с поля боя солдат /впрочем, шедший в крепость, где сейчас было быть может жарче/ остановился, больше от того, что к возгласу был прибавлен невольный жест руки с пистолетом.

– Беги, приставь лестницу на вход, к бойнице. А остальные попытайся поджечь на складе со всем инвентарем.

Удовлетворенный приказом, солдат бегом побежал исполнять приказание. Защитники переулка и сами были непрочь последовать за ним, но было еще рано и поздно... Стоявшие за прикрытием, оставшиеся из перестрелянного авангарда дождавшись значительного подкрепления стали готовиться к новой атаке. Это можно было определить по пропавшим шагам подошедших, и затихающем шуме... и установившейся зловещей тишине.

Д«Обюссон, перед «концертом» по замыслу должным подействовать на нервы, повернул голову на противоположный угол, к коему были приставлены кремневые ружья, как бы удостовераясь в их реальности, а так же двух пистолетов, которые он держал сам. Выглянул за угол, и как раз в этот момент, нарушая тишину, с дикими гиками, с обеих сторон в проход хлынула масса людей с длинными металлическими стволами, не стрелявшими даже у передних. Но отсюда, стреляли, и довольно точно; каждая пуля неминуемо шла в цель и ложилась, сраженного под ноги надвигавшейся массе, от чего быстрота продвижения наступавших была затруднена и спала совсем, когда передние завалились, споткнувшись сначала о прежде оставленные тела раненых и убитых, а затем и друг о друга. Одна овца испортила все стадо.

Атака, так же как и крики сбилась на ответную пальбу. Длинное пространство прохода заволокло белым пороховым дымом, в котором происходило уже неясно что. Желая помочь,

тут даже Фернандо прицелился и выстрелил в пугающую неизвестность, из тяжелого неудобного ружья.

Но все же настойчивое продвижение вперед привело к тому, что красные мундиры несмело вынырнули из дыма и оказались почти совсем близко, хотя и без растерянного напора, с коим ринулись. Разряжая в одного падающего за другим, Франсуа горячо откидывая пистолеты назад Фернандо, выстрелил карабином. Принимая прилетающее иногда в него оружие, сидевший внизу на зарядке работал как механизм. Получилось так, что подавая оба заряженных пистолета в невидящую руку шевалье /тот не мог оторвать взгляда от оказавшегося перед ним англичанина/ заметил и почти в самый последний момент выстрелил в упор, подкосив. Схватился за раненное плечо, от прилетевшей откуда-то пули. Франсуа самому пришлось наклониться вырвать пистолет. Движения Фернандо затруднились, в самый болевой момент показались невозможными. Он сидел зажав плечо.

Предчувствуя катастрофу Франсуа, схватился за шпагу и устремил ее за угол. В какой-то просветный момент когда противник показалось прекратил атаковать, предпочитая залечь в перестрелке с земли, а Фернандо, что называется, снова вернулся в строй и уже успел зарядить пару ходовых пистолетов; повалила основная масса на которую уже пришлось нападать всем врукопашную, одной пальбой уже отделаться было невозможно.

И благо ширина прохода была неширокой и к тому же заваленной пораженными, и десятка, полных отваги отстоять людей, сумели задержать и заставить на шаг отступить, бешено вгрызаясь против отбивавшихся ружей клинками шпаг. Но масса безрассудных напором подалась вперед и прорвалась через центр хотя туда и кинулся Фернандо с пистолетами. Показалось пришел конец; но прорыв англичан не получил дальнейшего развития упершись в новую преграду... подскочивший удивительно вовремя маленький отрядик таких же как и они потянувшихся к фортеции, возвращавшихся со стен. Завязалась ожесточенная схватка. Гибли стой и с другой стороны, но раки, вооруженные частенько одними лишь стволами ружей, после стрельбы, не успевши перевооружиться заняли больше защитные роли и дрогнули... сначала подавшись назад, а затем устремившись по телам своих товарищей всё назад же. Захлебнувшуюся атаку приходилось донимать для порядка еще некоторое расстояние по проходу, пока англичане не откатились настолько, чтобы не повернуться обратно.

Переступив через тело убитого офицера /скомандовавшего войти на улицу/ возвернувшийся, но больше развернувшийся граф де Сент-Люк не мог не обернуться оглядеть все еще раз.

– Браво, настреляли.

Проход снова расчистился от рассеивающего поднимающегося вверх дыма. Граф де Гассе держался за раненную голову.

– Ну что, отходим?! – предложил шевалье д'Обюссон в безвопросительном тоне, – второй раз нам это не пройдет.

При взгляде назад на заднюю сторону портового замка можно было заметить длинную деревянную лестницу, приставленную к одной из ряда зияющих пустотой бойниц. Чем скорее они в ней скроются, тем будет лучше для них же и соединенный отряд не теряя попусту зря времени бегом устремился по улице ювелирных мастерских и лавочек к решетке. Бежали со всем своим огнестрельным скарбом; отстали те кто помогал руками бежать раненному товарищу, а затем и вовсе подхватили его под мышки; быстрее к спасительной крепости.

И только когда трое последних добежали до железной ограды, и стоявший на воротах закрыл за ними сбив с замка щеколду, услышали первые выстрелы, что означало: проход был взят. Только сейчас к откинутому авангарду подошла остальная часть колонны отряда идущего в обход и дабы не создавать пробку пришлось решиться на новую атаку. Преодолев проход заваленный собственными потерями на следующую улицу они вышли совершенно рассверипелыми, и тот час принялись стрелять вдогонку.

Но забирающихся /без рук/ по средненаклоненной лестнице это уже мало волновало, они проникали вовнутрь в каменные укрытия.

Стало достаточно светло чтобы разглядеть заднюю сторону, часть среднего корпуса крепости Сан-Фелипе с опасно большими пустыми глазницами бойниц, или даже окон. Но эти окна или оконные проемы находились не так низко, как могло бы показаться на первый взгляд, если судить по тому, что лестница была наклонена со средним уклоном на первый этаж. Объяснялось все тем, что этот первый этаж находился намного выше классического, первого, но ниже второго, так что до него не возможно было дотянуться, даже если встать на спину помощнику.

Последний из залезавших спрыгнул за окно вовнутрь темной и пустой галереи похожей на вытянутую залу с ансамблем окон. Лестницу сразу же стали заволакивать в свою сторону, дабы она не досталась англичанам и ею не воспользовались. Край уперся в противоположную сторону и далее не пошел как его не загинали. Пришлось сломать.

К внешней стороне решетки подбежали что называется «первые ласточки» и зазевавшийся Фернандо попал в неприятную историю. Пуля попала в деревянный приклад кремневки, расщепив его вдребезги, отчего герой события от испуга ли, или же от воздействия шархнувшись упал на мешки, наваленные в кучу. Д'Обюссон поддержал Фернандо за руку при подъеме, осмотрев нет ли ранения.

– Осторожней нужно!

И показал пример осторожности при выглядывании, когда ему были видны и поверхность новой брусчатки двора и то, что творилось за ней. Английские солдаты широким подобием колонны направлялись на них.

В сырой со сквозняком галерее было холодно; настолько, что переведя дух после бега организм невольно содрогнулся. Не по себе было еще и от того факта, что в галерее кроме них никого не было. На них осталась оборона этой стороны, в то время, как другую защищал весь гарнизон. Доносились и иной раз эхообразно гремели гулкие звуки горячего боя.

Каким бы он не был горячим, как бы не отрывал от себя последние силы, но забыть о тылах, когда туда заходят добрые две сотни! /из прохода все продолжали выходить, растягивая хвост колонны узкой змейкой /. А не задержи они у прохода на десяток минут?... И не будь их вообще здесь?! Тогда практически стал бесполезен бы тот бой, что велся на переднем крае!

Видно слишком ошеломительны своей внезапностью были свалившиеся как снег на голову английские корабли уже идущие на маневр, с разворотом батарейного борта, и слишком силен был штурм крепости, что заставил все позабыть.

Здесь только готовились к отражению нападения, которое пока не представлялось возможным. Сие впечатление сильно увеличивала высота оконных проемов над землей и железная решетчатая преграда. Но как говорится на словах «волна атаки» так и еще хуже чем так бывает и на деле. Все преграды сметаются на пути у людей, все немислимые своей неприступностью бастионы берутся.

Пока же, однако, змея медленно медленно извиваясь приближалась к хрупкой железной ограде. Первые языки, ее уже достигли и остановились, стараясь скрыться за более-менее широкими чугунными столбами и уже оттуда повести прицельный огонь.

– Конец нам. – проговорил кто-то тихо, может быть даже сам себе... но все услышали.

– Там небось и не знают, – подхватил другой.

– Три сотни, скоро узнают.

– А подмога?

– Подмоги разве не будет?

– Сходите кто-нибудь.

Кто-то пошел.

– Третьего отсылаем и все с концами. Что такое я не пойму?! Кто кому из нас должен? – возмутился шевалье д'Обюссон. – Эти испанцы тупостью своей меня уже давно выводить стали.

Граф де Гассе:

– Что ж терпи, не тебя одного...

Он неожиданно замолк после звенящего выстрела пули, отколупнувшего от камня осколки, пришедшиеся по-видимому по графу.

«Опять ему попало» – подумал шевалье д'Обюссон, и в то же время обернулся под радостные крики с которыми встретили не критически настроенные подход подкрепления... Однако же восторженные нотки стали стихать усталыми, и даже разочарованными, когда за капитаном де Фретте вошло не более полтора десятка приведенных им испанцев, под своим главенством, что весьма и весьма удивило д'Обюссона, считавшего, что он командует всем передним краем.

В самое первое ответственное время он и командовал, включая и все организационные вопросы, и повел своих в ответную контр-атаку, когда после первого натиска, силы штурмующих стали откатываться и к пристани стали приставать баркасы с фрегата. Словом, эта атака была взаимно отбита и вернувшись за свои стены, капитан де Фретте вспомнил о чем совсем забыл. Набрав горстку отозвавшихся храбрецов устремился с ними в галерею и сейчас принимая на себя командование и здесь; со знанием дела проходил по небезопасному пути, не взирая на рвущиеся пули: расставлял бойцов по бойницам и приказал:

Задрайте где есть, решетками! Спустите их!

Решетки должны были быть везде, а не только в трех начальных... и подосадовав на элементарную и преступную безответственность, допущенную прежде, сменился на жизнерадостного человека и прежде всего командира, дабы подбодрить боевой дух французских офицеров, к которым подошел и обратился по французски с приветствием.

– Ух, сколько их. И-и-и! – говорил он, поглядывая в оконный проем со стороны. – Однако, к бою, господа! Враг не ждет.

Внимание многих снова обратилось на улицу. Англичане уже не колонной, а боевым строем приближались к решеткам ограды, то есть давно уже находились в поле обстрела. Но тонкие стальные прутья чисто морально воздействовали на противника с той и с другой стороны и подходящие резонно полагали, что лучше всего начать точный прицельный огонь только когда подойдут насколько можно ближе и остановятся. А засевшие защитники считали точно так же, но с той лишь разницей, что их огонь не будет нуждаться в прицеле.

Однако, чтобы хоть как-то уменьшить количество наступающего врага и успеть внести в их ряды смуту капитан де Фретте не дожидаясь, когда англичане дойдут до преграды, приказал открыть бешеную стрельбу, и вмиг, доселе сидевшие и чего-то выжидавшие, как опомнившись, дали волю рукам и оружию, разряжавшемуся в самую гущу инертной массы людей, которые так же в долгу не оставались, особенно когда они подошли в плотную к прутам и уже оттуда повели сильнейший обстрел всякого окна, от чего смогли ранить нескольких, но главным образом сбить свинцовый дождь сверху. Но и не смотря на это сами они продолжали терять куда больше, но как-будто не понимая всю невыгодность и гибельность своего положения, продолжали оставаться в общем плане бездейственными, лишь раздражая свою инфантильность. Всплески эмоций выражались главным образом в спонтанных, неорганизованных попытках нескольких человек перелезть через ограду и устремиться во двор. Однако же пресекались такие попытки тем, что засевшие в галерее защитники, а их было уже не много не мало с четверть сотни, направляли дула своего оружия к тем местам, убивая всякое стремление к начинаниям на корню, то есть и вниз того места, где стоя или в полуприсяде унятые продолжали обстреливаться.

Не скоро и не сразу капитан де Фретте разгадал безынициативность в действиях англичан от самого начала. Они шли на штурм шагом, неразумно, подчиняясь лишь общей стадной инерции. Особенно это явно проглядывалось... через прутья решетки. Старый капитан еще в самом начале заподозрил в действиях англичан неладное. Его опытный глаз не врал: у них не было командующего офицера.

Берегите боеприпасы! – крикнул граф де Гассе, – У нас не хватит пуль!

У нас не хватит пуль?! – переспросил де Фретте удивленно, – Рошен, сбегай на склад. Мешок пуль и боченок пороху!

Рошен собрался было бежать по приказам, но остановился, вопросительно посмотрев.

Я столько не унесу-у. – протянул он с гундосеньем.

А-а! Какой ты глупец! Сошлись на меня, скажи чтоб помогли.

Этим он, капитан де Фретте как будто руки развязал и его ребята еще более увеличили количество выстрелов с их стороны, отвечая на равных. Особенно в этом преуспели пары Фернандо – д'Обюссон, и Рамадан – де Гассе. Первые конечно же заряжали и даже взводили курок, а шевалье и граф стреляли.

Бойницы..., некоторые были настолько большими, что вполне могли бы сойти за низкие двери, и как раз на них, самых опасных местах обороны не было железных намордников, тех самых задвижных решеток, нужду в которых они так остро испытывали. За ними себя просто можно было уверенней чувствовать. И именно через самые большие проемы штурмующие должны были пытаться проникнуть вовнутрь.

В своих размышлениях на предстоящий бой капитан подумывал об этом, глядя на разгорающееся пламя в дымящем дощечатом сарае.

Глава V. После штурма

Английские солдаты, после нескольких пресеченных попыток более не собирались проявлять свою инициативу, но уже и потому ей неоткуда было взяться, когда за спиной командует офицер и уже не один, отыскавшийся.

Офицеры сошлись в группку подальше от поля обстрела, за завесой дыма и сараем; обсуждать тактику и кое-что решив оттянули в свою сторону большую часть, из под обстрела, очевидно собираясь пустить их через боковую сторону, но не сейчас, когда это бы просто ни к чему не привело.

Оставшиеся, тем временем, начали потихоньку разносить ограду. Один пролет был с корнем ли выдернут и опрокинут. Ворота же так и не были открыты. Англичане так или иначе очистили середину, постарались найти себе хоть какое-нибудь укрытие, под основанием ли ограды или даже залезли в соседний дом и оттуда с высоты, несколько большей, чем глазницы крепости повели стрельбу. Некогда блистательного положения засевших осажденных как не бывало, с момента как сержант Теодюль только произведя выстрел, дернулся телом и даже не вскрикнув свалился навзничь. Пуля пробила лоб. О мгновенной смерти говорило еще так же и то, что кровь, выплеснувшаяся на лоб более не сочилась из отвратительно – бурой дыры. А еще только что он смотрел с высоко поднятой головой, как она вдруг невольно приподнимается, как когда возникает желание посмотреть повнимательнее или же задуматься.

Кончались патроны, Рошен все еще не возвращался и капитан де Фретте уже склонен был к решению послать еще одного, но отвлекся наблюдением. Несомненно готовилась атака, ему подсказывало об этом его чутье, опытного, стреляного вояки, по возне определившего не только намерения, но и кое-что конкретно полезное.

Заметно поубавилось пустопорожней пальбы, под завесой все усиливавшегося дыма на ветерок, начались перегруппировки. Откуда ни возьмись, появилась откуда-то притащенная лестница. Дым начинал щипать глаза, когда ветерок дул на крепость.

Кто понимал, что готовится, отчаянно стрелял, стараясь сорвать атаку и внести в ряды противника как можно больше замешательства и урон. Кто воевал, понимает насколько это важно, и, если выразиться вернее, насколько важно чувствовать себя в бою в отношении ослабленного противника, пусть даже во многом превосходящего.

Кто же считал, что это бесполезно оглядывался налево, высматривая в темноте выход. Со склада все еще не возвращались, хотя и пули и порох были экстренно необходимы... на носу штурм. У кого кончались пули, но оставался порох, выстреливали его, хоть и впустую. К приближающемуся ответственному времени все больше становилось тех, кто начинал экономить, или вообще прекратил стрельбу, от чего шум, со стороны осажденных начал стихать. Но кое-кто делился с той непосредственной солдатской взаимовыручкой, которая присуща военному делу и отношению.

Фернандо, запасливый мальч, ни в чем недостатка не испытывал. По-прежнему карманы его штанов оставались набиты различным, чего напихал еще в квартире. И у прохода он мало что оставил: так что обнаружив в своих карманах целый склад столь необходимый в текущий момент, когда пороховая сумка была опустошена и поделена с Рамаданом, принялся вытаскивать все из карманов и даже делиться с теми у кого вообще ничего не осталось.

Вмиг вокруг него собрались берущие без особого на то соизволения. Да и как можно было отказать тянущимся жадным солдатским рукам в порохе. Фернандо только и успел, что вытянуть себе полную жмень. Не сетуя долго на свою неводержанность, принялся за свое прежнее дело, заряжать: углубить в дуло с патроном шомпол и подавать, взводя курок.

От его новой порции пуль выстрелов стало значительно больше, но намного бы их не хватило: и каждый кто это чувствовал понимал насколько безрассудно выстреливать все сейчас,

надеясь на подвоз, и с пониманием возникало желание остановить от пагубного шага, и остановиться самому. Но молчать вовсе было невмочь, выстрел за выстрелом, и вот уже невозможно себя остановить, подчиняясь общей настроенности.

Неожиданно из-под низу появились англичане вместе с лестницей. И в то же время, вставая на каменное основание, подведенное под решетку, «красные раки» как на пружинах запрыгивали выше и держась за шпиль ограда перелазили через него. Чуть только они спрыгивали, сзади них, почти над ними, появлялись дула ружей и старались подавить огонь напротив, но все равно с решеток падали и стрельба еще более усилилась, даже не смотря на то что из-под самого низу уже не давали высунуть и краешек ствола для более лучшего прицела.

Уже приставляли лестницу... Патроны были на исходе и как раз в этот самый момент услышали сзади:

– Патроны!

Рошен и посланный с ним притазились очень не вовремя, немного бы пораньше. И многие растерялись оставшись в нерешительности: то ли стрелять по бегущим, то ли сбегать к мешочку и боченку – запастись. В сей каверзный момент капитан де Фретте вовремя оценил ситуацию и нашелся что крикнуть:

Рошен, разнеси!

Рошену еще предстояло взламывать и разрывать. А что было бы если б сейчас возле него столпились в ожидании? Так же каждый, успокоившись, с остервенением, вызванным при виде бегущих, без сожаления, тратили в них последнее. Количество выстрелов было уменьшившееся до минимума возросло до залпово-шквальной слышимости, да и как было не принажать, когда через решетки уже валом валило. А в пустой пролет между решетками в маршевом беге вносилась двухрядная толпа, несущая вторую лестницу.

Первую же, с большими трудностями, но удалось приставить к большому оконному пролету в самой середине и шевалье д'Обюссон занялся ей. Прислонившись к стене между пролетами, то есть выбрав почти не достигаемое место, оттуда под резким углом, почти прильнув к холодному кирпичу стал прицеливаться по одной из продольных рей лестницы, прогибающейся под тяжестью ступающих ног.

Первым же выстрелом он перебил рею с ближайшего края, но лестница держалась, и заходя по ней смельчаки у самого пролета ввязались в схватку. Предстояло перебить второй дальний и самый неудобный край. Не сразу, но и во вторую ему удалось попасть, от чего английские бои⁵ с треском загremели вниз. Но радость тут же омрачилась подставленной к пролету другой, невесть откуда взявшейся лестницей, которая была словно настил из-за частых перекладин по которым можно было ступать не сомневаясь, и длинны она была такой, что составляла к подоконнику не сильный уклон. Ее конечно же невозможно было разбить пулями, но в невероятных усилиях, рискуя жизнью солдатам ударами прикладов удалось выпихнуть конец лестницы, уже зацепившейся краями, загнутыми для зацепа.

Лестница тяжеловатая упала на политый кровью булыжник... И в рядах или тогда уж ряде испанцев и французов заметно поубавилось людей. Кто был убит как сержант Теодюль, кто тяжело ранен, что даже не мог заряжать.

Скинутую лестницу снова подхватили и сильные руки снова водрузили ее на прежнее место, не понятен был только порыв молодого юноши вставшего, что называется грудью и оттащенного товарищами.

На смену ему и другим встали расправившиеся со своими делами Рошен и кто-то второй, что был с ним. Капитан де Фретте так же устремился к тому самому опасному пролету, организовал защиту, и напрямую, и особенно по боковым бойницам, на которые так же возлагалась большая надежда... они и подстреливали на первом этапе лезущих, насколько им это удава-

⁵ Воу – мальчик.

лось. Но видно все уж англичане любители и знатоки мореходного дела, с выучкой канатолазца кто смог и под сильнейшим обстрелом добежал к самому верху там уже ввязавшись в драку. Того первого ранили, но не так-то просто было совсем свалить. Этот крупный малый казалось со всех сторон принимал на себя выстреленое, но продолжал проворно орудовать шпагой, когда падали другие. Но места тотчас занимались и на смену одному, подстраховав пышногривого удалыца, появлялся другой. Он-то и выстрелил первым в того, кто смело высунулся в окно... Поступок смелый и самоотверженный, но героя сразу же нащипговали свинцом и как всегда с героями бывает, он поплатился жизнью.

И в тот же момент, воспользовавшись неудачей внутри, туда устремились двое – трое со шпагами наперевес. На них в свою очередь так же накинулись и особенно в этом преуспел граф де Сент-Люк, скрестивший шпагу со здоровяком и сильно сбив, проткнул тому живот. Рошен с д'Обюссоном так же налетели на другого и «загнув» накинулись на новых желающих, еще стоявших на лестнице. Несколько прямых резких ударов: скинут один, другой, повалился третий, Фернандо вдобавок выстрелил из обоих пистолетов почти одновременно, и лестницу перевернули, скидывая оставшихся; попытались вообще скинуть, но она была зафиксированна снизу и опять новый ряд взбирающихся: срывающийся вниз, пополз неизменно вверх.

Снова завязалась схватка, защищающиеся старались не допустить противника вовнутрь и прилагали к этому все усилия. Не приводя все подробности, а они были порой ужасны.. для того, кто упал вниз с пронзенным горлом, обратим внимание на то, чем все закончилось. Шевалье наклонившись в очередной раз к Фернандо за заряженным и не дождавшись такового за то время остановился взглядом на одном предмете. И неожиданно сорвался, побежал. По его бегу чувствовалось, что он не сбегает и окончательно де Гассе успокоился, когда его друг схватил полуопорожненный боченок с порохом, в два прыжка оказался у горячей пакли / с ней капитан вошел/.

Неожиданно перед англичанами возник этот самый боченок и факел над ним. Намеревались ли его скатить вниз, сунув в него прежде огонь, что смело бы их и пожалуй на половине двора никого бы в живых не оставив. Паника мгновенно передалась со сбегающих вниз на остальных, от чего двор вмиг очистился. Но в тоже время по бочонку повелся жаркий огонь и его пришлось скатить по лестнице и за нее. Теперь уже можно было и поменяться ролями.

Горстка осажденных выдержала натиск многочисленной английской части. С нижних бойниц портового замка даже прекратили стрелять, переводя дух и оттаскивая раненых, заряжали свое оружие и конечно же внимательно наблюдали за врагом. Их разделяло шербатое ровное булыжное пространство, по которому разложились тела убитых, особенно их много валялось за решеткой.

В этой стороне крепости наблюдалось затишье, не стреляли и англичане, что нельзя было сказать о другой стороне портового замка. Но что там происходило невозможно было понять, а на этой противник как-будто к решительным действиям не готовился. Чего было выжидать? И обман с пустой бочкой раскрылся вместе с тем как деревянную посудину расстреляли до совершенного излома, и посмеивались над тем, как штурмовиков напугали.

Со стороны защитников галерей так же не проявляли никаких признаков, агрессивности, даже наоборот желали чтобы временное затишье продлилось насколько можно дольше; после напряжения всех нервов так приятно было расслабиться. Но вместе с тем нарастало непонятное тревожное чувство чего-то готовящегося за всей этой тишиной.

Вскоре все выяснилось, почему затихли англичане. Те кто наблюдал заметили, что к переднему участку подтащили артиллерийское орудие и поставили как раз так, чтобы стрелять через прореху в ограде, напрямик. И те, кого это непосредственно касалось отпрянули от центральных пролетов. За ними потянулись и некоторые другие, к примеру Фернандо, вкровь изранивший свои пальцы и признаться явно подумывавший отпроситься по причине заячьей болезни.

Капитан де Фретте не сдавался, определяя вид пушки, новенькой, что и вселило в него надежду... Тонкий ствол, который, заряди его неправильно, главным образом переложив пороху, мог разорваться в слабом месте, только бы нанеся большой урон и рассеяв надежду на успех.

Он обернулся и крикнул Рошену: бежать к де Эльяну за подкреплением! И прогремел первый, разразившийся неожиданно рядом, чем объяснялись и снесенные по пути выстрела ворота. Последние надежды рухнули. Пушкарь оказался как будто толковый, раз так, умел не только заряжать, но и точно попадать в цель, в бойницу, которая превратилась в брешь в стене. Со следующим разом брешь угрожала вырасти в пробоину в теле крепости, но дожидаться этого никто не стал; хватая раненых, каждый кто как мог быстрее убежал прочь от возможного кошмара, не только от разрывов, сколько из-за пороха раскиданного по полу, попадание в которого хоть искры, грозило бы неминуемой гибелью.

Но взрыв и возможный обвал потолка мог произойти лишь в дальней части галереи, а в узком проходе куда все забежали их спасли относительно мощные стены, а по сему они и остановились там, наблюдая, что будет дальше. Чувство солдатской ответственности и здесь не покинуло маленький отряд, они наблюдали за тем, когда же в проломе появится лестница и первые люди, а капитан де Фретте пошел даже дальше, сколько его не уговаривали, он с большим риском для жизни наблюдал из ближайших зарешеченных пролетов о передвижении противника. Но все же упустил момент, когда после очередного взрыва, небольшая группа с лестницей пробралась у подножия к брешу...

Лезут! – заметил с коридора, но было уже поздно что-либо делать. Это понимал и капитан, отстреливаясь, отходивший по проходу.

Ну его к черту! – проговорил шеваље д'Обюссон в разочарованном тоне, – Отходим, ребята.

Его обыкновенные слова были восприняты если не как приказ, то побуждение к действию, и захлопнув за собой дверь... и закрыв на задвижку, устремились дальше.

Через дверь стреляли и кто знает, если бы узкий коридор скоро не завернул бы в сторону, чьи бы жизни угасли в темноте прохода из убегающих последними французов.

Ближе к окончанию сего коридора, смахивающего по глухоте больше на тоннель, они столкнулись с Рошеном и еще несколькими, судя по всему отнюдь не являвшимися подкреплением, а так себе... сбившимися и даже безоружными.

Ужаснейшая неприятность:

– Англичане ворвались вовнутрь, многие сдаются, отходите!

Напавшие англичане действительно совершили то, что говорил Рошен. Прodelывая чудеса храбрости и воинской доблести, не дожидаясь зашедших с тыла, обошли без них. После сильнейшего натиска, сметя цепкую оборону переднего края, теперь вырвались вовнутрь и все больше наводняя собой внутренности портового форта вытесняли испанский гарнизон с его позиций.

Нашим «тыловикам» было как раз необходимо туда, в самую гушу, чтобы слиться, смешаться. Противостоять тем, кто их преследовал, словно израненый ими же зверь было опасно, втройне было опасно попасть им в плен; кто знает, чтобы они могли им в отместку устроить? Логическим завершением заваливших двор и улицу тел был расстрел на месте, как часто на войне случается, к стене и все, в расход. В разгоряченном воображении спасающихся рисовались именно эти картины со взбешенными исполнителями; и может быть поэтому держась вместе и поддерживая за руки раненых они группой попали в поток бегущих и на перекрестке, в одном из выходов, столкнулись уже с другими англичанами, с переднего края.

Они сразу же были оттеснены превосходящей численностью противника к углу, но не собираясь так просто и покорно сдаваться, принялись защищаться. Конечно никто из них не ставил специально целью повернуть события вспять, сопротивление было бесполезно, нача-

лась массовая сдача в плен. Но пока нераспалённые англичане «любезничали», можно было продержаться подольше, хотя бы для того, чтобы не сдаться первыми. Поэтому, улучив возможность они даже сами потеснили англичан, получив свободу отступить.

Однако чувствовалось, что долго так продолжаться не могло, судя по тому как рьяно на них стали нападать выбирая из общей массы дворян, которых здорово было обчистить по традиции ли, или закону, установившемуся с давних пор, но с той лишь разницей, что сейчас любой пленный шел в счет общих трофеев. При таком настроении уже необходимо было думать о собственной жизни.

Что касается Фернандо, то тот давно уже за спиной раскидал пистолеты, очистил от пороха и пуль карманы, /но все равно пахло и руки почернели/, стал заниматься удалением черноты и избавлением от запаха. Наконец похлопал руками друг о друга. Все, он не воевал!

Неожиданно раздался сильный голос с акцентом.

– Бросьте дуришь, господа мушкетеры!.. Да я к вам, д'Обюссон, обращаюсь, сдайте оружие.

Д«Обюссон и де Гассе сначала замерли, разглядывая того, кто говорил и разглядев оторопели от самой неожиданной встречи.

– Лорд... Уилтон, или нет бароне...

– Барон. Все равно, сдавайте оружие!

И с этими словами Уилтон, их жертва в заброшенном саду в Лилле недоброй памяти, смело подошел к ним обоим и обезоружил, но шевалье не понадеялся на великодушность старого знакомого, кто знает, что у него на уме. А втыкательным жестом воткнул кончик шпаги в пол, дабы не вкладывать ее в руку врагу. Граф де Гассе последовал его примеру.

И я пожалуй вам сдаюсь, лорд. – проговорил он.

Кто это? – спросил лорд Уилтон у д'Обюссона как у посредника, находя выход своим сомнениям.

Познакомьтесь, граф де Гассе, тогда вы не удосужились как следует познакомиться, сейчас самое время.

Какая удивительная встреча. – проговорил Уилтон сухо, даже с какой-то суровостью или вернее нежеланием. – Не хватает лишь де Колдера, но вы его больше не увидите!

Однако вы здорово улизили!

Как!?!... Спросите потом, у меня сейчас еще продолжается бой, прощайте.

В среднем корпусе портового форта и даже в тюрьме еще продолжали тлеть очаги сопротивления. Но в основном сопротивление уже прекратилось и каждый с легким сердцем сдавался под звуки последних сопротивляющихся.

«Где-то там Рено, убили уже может быть?».

С падением оплота обороны – среднего корпуса прекратили сопротивление и в тюремном корпусе, и засевшие на верхних этажах административной части.

Последних пленных отвели к остальным в средний корпус, где уже оружие безоружных было сброшено в большие кучи, а самих пленных держали под охраной небольшими группами, пока не разберутся с тюрьмой.

С ней разобрались весьма скоро: дабы не смешивать одно с другим, оккупационные власти приняли мудрое решение выпустить весь чистоган воров, мошенников и убийц /так неудобных прежним властям/, все равно потом разыщутся. Главное же, что после амнистии, в освободившиеся камеры стали отводить выборочные группы пленных; и пошли колонны одна за другой.

Глава VI. За решёткой

Они уже довольно долгое время стояли в полутемном коридоре, напоминающий букву «L». Кругом туда-сюда бегали офицеры, ответственные за размещение военнопленных по камерам, но их гулкие шаги не звучали так отчетливо, как звучали здесь прежде шаги тюремщиков... из-за того равномерного обильного говора, наполнявшего пространство.

Говорить не возбранялось и особенно после всего того, что произошло в это утро. И как ни странно, можно было слышать в основном, только французскую речь. Д'Обюссон, если бы не эти обстоятельства, собравшие всех вместе, до этого никогда бы не подумал, что французов могло быть так много. Он внимательно вглядывался в лицо каждого стоявшего, преимущественно по стенам /так было легче надзирать/... и почти каждого он знал, и, в частности Рено, прибывшегося к одной из групп и приветственно махнувшего ему рукой, когда сам посмотрел в его сторону.

Среди всех пленных, содержащихся пока здесь, числом меньше ста, и даже восьмидесяти, было набавлено также испанцев и не только офицеров, но так же и случайно прибывшихся, например таких как Фернандо, крутящихся в их кучке составленной из тех кто находился в галерее, самый костяк. Среди остальных французов преобладали артиллеристы, хозяйством которых наверху сейчас занимались.

Неожиданно оглянулись на подбежавшего к ним сзади поручного... У стоявшего прислонившись к стене Франсуа невольно сердце екнуло, когда ему в один момент показалось, что их разыскивают намеренно. Но им указали отправляться куда покажут, и вместе с ними это было сказано еще кому-то.

Им была приготовлена большая светлая камера, особенность которой заключалась в том, что от коридора она отделялась не глухой стеной, а длинной почти по всей ширине раздвижной решеткой с прутьями, толщиной с палец... Точнее даже двумя решетками, как выяснилось при прохождении через небольшой внутренний коридорик меж ними для надзирателей.

Камера была большой, выкрашенной в белое комнатой и потому кажущейся еще более светлой и просторной, особенно когда смотреть вверх, на высокий потолок. По всей ширине внешней стены повыше были наставлены окна, пропускающие утренний туманный свет. Естественно через решетку. По низу шел непрерывный ряд единого цельного, толстенного кожаного мата, приподнятого над полом и поставленного на ножки, словом, топчан. Граф де Гассе сразу как предстал перед ним, тотчас залез на него с ногами, не снимая обуви, растянулся.

– Как у меня в ушах гудит после этой пальбы!

Франсуа присаживаясь на занятый им край с дальней стороны стал снимать свои сапоги, перед тем как лечь тоже отдохнуть, вынул из нектати разорвавшегося на носочке сапога свой перстень с бриллиантом, но уже не тем, что ему некогда был подарен. Граф, разлегшийся поблизости, заметил эту уловку, позволившую сохранить такую дорогую вещицу.

– Зажал. /Еще через некоторое время/... Меня всего обчистили. Прячь быстрее, заметят. /повернулся в другую сторону/. А славно же мы сегодня, господа, постреляли!..

Побуждение к разговору было охотно поддержано расположившимся на другой стороне графом де Сент-Люком, де Эльяном, де Фретте и прочими. Сначала из уст разговаривающих полились эмоции и обсуждения о происшедшем, что да как, да почему /Франсуа недоспавшись только зевал, не принимая участия в разговоре, но и не собираясь спать на день глядя/. Далее пошли общие рассуждения о будущем, в том числе и о ближайшем, например, захватят сегодня Сюдаделу или ее просто некому защищать. Настаивали на последнем, потому что если кто и остался после захвата Маона, в любом случае отправится лучше в горы, чем туда. А уж тем кто там оказался бы не так сложно было бы спастись совсем. Не стоит и говорить о том, что в головах шевалье и графа, зарождались мысли сожалеющие по поводу того, что

их так неудачно угораздило отлучиться с прекрасной виллы и точно под самый канун высадки на Менорку английского десанта. Но никто ничего не сказал по этому поводу вслух, гораздо интересней было слушать предположения по поводу того что с ними будет, но единственное что можно было подчеркнуть конкретное, так это то, что к французам и офицерам относятся совсем не так как к остальным гарнизонным служакам, иначе бы их не отделили от испанцев, которыми битком набили камеры третьего этажа. Не плохо конечно иметь ввиду тот выход из положения, что их могут обменять.

Шевалье д'Обюссон стал наблюдать за Фернандо и Рамаданом в углу, последний из которых давал первому урок французского, вот уже в какой раз.

Послушайте, друзья! А может вам попробовать отговориться? Ведь в служивые вы не приписаны, только слуги и все.

Этот титул не поможет, раз попались. Но мы попытаемся конечно.

Незаметно воцарилась тишина, каждый из разлегшихся намеревался хорошенько отдохнуть.

Просьпались с ощущением озноба. Наступил вечер и было в самом деле холодно, после теплого дня сморившего на сон. К решеткам с коридора подошли и стали открывать. Прежде чем открыть решетчатую дверь вовнутрь показали рукой находиться всем на своих местах. Они внесли еду, и подсчитав сколько человек примерно находится в камере, доставили к открытому подносу несколько бутылочек местного вина. Лишь после того как англичане удалились, пленники позволили себе обратить внимание на поднесенное. Лежавший на том краю топчана Бажоль немощно поднял свое тело и с кряканьем привстав на ноги с интересом подошел, поднял край накидки.

Картошка в мундирах и зайча... то есть крольчатина! Наверное у них какой-нибудь преддрожественский протестантский праздник?

...Аха, по случаю сегодняшней победы. – проговорил граф де Гассе в полудреме продолжая лежать, ткнувшись лицом на изгиб руки.

– А может английский новый год?! – продолжал гадать все тот же. – Нет, новый год у них по-моему в марте.⁶ – высказался д'Обюссон.

За следующие несколько дней произошла большая реорганизация тюремного населения; всех до единого испанских солдат партиями вывели из портового замка вообще и по мнению некоторых отправили морским путем в Барселону. Но как выяснилось потом у лорда Уилтона, зашедшего с писцом переписывать их имена, отправили только часть, остальные же... на затеянную новыми властями прокладку дороги от города до Сюдаделы.

Их же, постояльцев этой камеры, перевели в другую, освободившуюся на этом же этаже. Третий же, очищенный весь полностью по-видимому под что-то приготовили. Что даже из-под низа перекрыли ход наверх. Но не это так волновало шестерых пленников / в отрыве от Рамадана и Фернандо, оставленных на месте/, когда их в сопровождении лорда Уилтона перепроводили на новое место в длинную, но несколько неширокую камеру с отдельными кроватями расставленными по стенам. Внутренняя разделительная преграда от коридора состояла уже из обыкновенной глухой стены с толстой кованой железом дубовой дверью.

Почти сразу же после водворения, к их братству по несчастью добавился седьмой: доктор д'Оровилл с маленькой кожаной аптечкой при себе, соответствующей его ученой степени. Он до сего времени находился при лазарете и лишь после последних реорганизаций в силу своей односложной частицы, добавленной к имени и почтению вида попал именно сюда.

⁶ * 25 марта, до 1751-го года, пока не был принят Григорианский календарь.

Глава VII. Неудавшийся побег

В следующий раз когда нам стоит обратить к ним свое внимание – это в самый вечер торжества, когда шевалье д'Обюссон, стоя на спинке кровати и уцепившись обеими руками за прутья маленького окошка выглядывал, стараясь оглядеть и запомнить прилегающую местность к гавани, но не ту, холмистую, поросшую на противоположной стороне, и не столько сам порт, сколько недосыгаемую для зрения правую его часть. Доктор д'Орвилл в это время полулежал на близстоящей кровати, пользовался для чтения теми частями света, которые любезно предоставлялись ему, поглядывающему в свои стекла снизу вверх.

Ну, все, готово! – воскликнул граф де Гассе, главный распорядитель сегодняшнего торжества, когда осмотрев каптившуюся в струях дыма сырую тушку в камине резво подошел к накрытому столу, скромно уставленного всем, чем следовало бы для праздничного стола. Потирая руки одну об другую выхватил из общего количества одну стеклянную рюмку, поставив перед собой. Взаяся за горлышко винной бутылки из стекла, черного, как сажа. Начал откупоривать перочинным ножичком пробку сначала от сдерживающей ее проволоочки, затем ее саму.

Так, господа! Прошу всех к столу!../нечаянно срезал верхушку, полез штопором/... Шевалье, доктор, давайте! Докто – ор! /повысил он голос/. Давайте, присаживайтесь за компанию. Хватит свои книжки читать, все равно уже ничего не успеете начитать.

А собственно что я? – проговорил незначаше доктор д'Орвилл. – Давайте наливайте, я всегда успею присоединиться.

Но судя по тому, с каким наплывом стали окружать праздничный стол и бренчать рюмками, доктору нужно было поторопиться и для этого сначала оторваться от заинтересовавшего его места.

Доктор, давайте, прощайтесь со своими книжками. – разнесся приглушенный смешок.

Граф стал наливать каждому в рюмку по весу. Не хватило одной бутылки, той же салфеткой взялся за другую, наплескал полную рюмку присоединившемуся читателю. Наконец, когда с церемонией разлива было покончено, все участники пирушки стояли вокруг стола с поднятыми рюмками, ждали только того, когда граф де Гассе наберется усилий, произнесет тост.

– ...Ну, что, господа... выпить нам придется молодого кисленького винца... Мясо к нему сырое. Все закуски сделаны без женских рук и потому горьки, как и любой хлеб на чужбине. Да и сами мы уже не те. И есть даденный хлеб в нашем положении горше вдвойне...

Но это не беда, друзья мои все потом образуется... главное, что в прошедшем тысяча семьсот восьмом, мы славно пожили, и хоть конец его сильно смазался... самое главное мы все остались живы, а все остальное уходяще-приходяще. И поэтому я предлагаю выпить за наше везение не во всем будущем, а конкретно сейчас... от того как оно сложится, так пойдут у нас дела и дальше... Итак, за удачу, господа! Ну и все же за то, чтобы удачным прошел весь последующий год!

Осушенные рюмки уже стукались днищами о столешницу, как произноситель тоста поперхнулся до выступа слез на глазах, и обопершись в наклоне на руки с ножкой рюмки между пальцев. С минуту он переживал не лучшие мгновения в своей жизни, уперив отсутствующий взгляд в одно место. Наконец его передернуло и он заискал на столе чем бы можно было перешибить свой вкус.

– Ну кислятина, все испанские вина сладкие, это же пойло... Я уже начинаю чувствовать оскомину от первой же стопки этого сока. Вношу предложение его оставить, сполоснуть обязательно рюмки, у нас еще бутылочка какая-то имеется.

– Наверное его нужно пить горячим. – предположил де Фретте.

– Господа, только не это! – запротестовал доктор д’Оровилл.

Де Гассе:

– Мы сделаем лучше... Оставим! Никуда не денутся, соблазняться, вон они на первый взгляд какие...

Каждому разлили понемногу из найденной бутылки хереса /определил капитан де Фретте то ли по запаху, то ли по цвету/ и выпив по-настоящему уселись за стол, к еде, но тут то их и ждало опять некоторое разочарование. Закусок было много: салатов, приправ, но не хватало ко всему этому центрального блюда: голимую кашу с соленой капустой было есть просто отвратительно, даже если все это прихлебывалось пикантным подливом, чем-то по вкусу отдаленно напоминающее мясное. Но наесться было просто необходимо... Впрочем доктор д’Оровилл нашел наслаждение в похлебывании куриного бульона с крутым яйцом плавающим вместо мяса.

– Скверно без антилопы, – выразил всеобщие мысли шевалье, взорвав некоторых неистовыми внутренними приступами, сдерживаемыми набитыми ртами. Обыкновенное, шуточное лишь своей неточностью слово Франсуа явилось той искрой, которая воспламенила скучную обстановку своей однозначностью и полным расхождением с реалиями, после чего завязалась живая беседа, начатая графом де Гассе:

– Ты, Франсуа, молчишь, молчишь, но иногда как что-нибудь скажешь. Просмеяться невозможно...

За столом в разговорах и беседах они так просидели до самой ночи, не заметив и как наступила глубокая ночь.

– Ну что, – вдруг спохватился граф де Гассе, чувствуя, что одни опять читают, а других уж клонит ко сну. – За дело! Уже достаточно поздно. В три часа пьяный вздрезг караул заменят другим, надобно спешить.

– Вот уж во что не верится, в то не верится. А знаменитая английская дисциплина? – спросил его доктор д’Оровилл вопросом с задними помыслами.

– Значит, вам не хочется, дорогой наш доктор, доктор д’Оровилл, в кастровые пещеры? ...До Пальмы девяносто миль!

– Мало?

– По прямой так еще меньше... если от берега до берега. Если боитесь, оставим на берегу.

– Лучше бы отстали вы от меня здесь!

– Ну что так грустно, тем более, что вы хорошо знаете, здесь вы ни за что не останетесь. Без вас мы никуда... и без вашей аптечки. Оттуда так однажды пахло.

Шевалье Франсуа не дожидаясь, пока чесная компания раскачается, пошел в сторону двери и присел перед ней на корточки. Справа чрево маленького каминчика уже больше не дымившего. На квадратно – плиточном полу приложенной к стене лежала куча дров.

– Вы конечно извините, но спиртик ваш нам придется употребить... О! Томпончик! Давайте томпончик!

С этими словами граф де Гассе подошел вместе с доктором к двери и стал обильно смазывать сильным концентрированным раствором из флакончика, нижнюю часть массивной двери, стараясь как можно сильнее пропитать окаменевшее дерево. В перерыве, дожидаясь, когда поверхность просохнет перед следующим разом граф спросил:

– Да, кстати, дорогой доктор, куда в последнее время исчезли три тома вашей медицинской библиотеки?

– А что? – понимая что, недобро спросил д’Оровилл.

– Мы не хотели вас огорчать раньше времени... Но вы и сами должны были догадаться какие жертвы придется принести вам. Вы позволите взять? На толстых картонажных листьях очень хорошо разжигать деревяшки. Другого у нас просто ничего нет.

– Но это же форменное варварство, – попытался возразить вопрошаемый. – Вы разве пойдете на то, чтобы разодрать старинный фолиант по листочкам?

– А?! – оторвался ухом от щели второй собеседник; не поняв о чем ведется речь, ответил невпопад. – Нет, мы никуда ходить не будем, мы разорвем его здесь. А что останется честно вернем вам. И интересно было бы знать что вы сейчас читали только что с таким запоем? / обратился к сидящим/ Принесите пожалуйста все сюда.

Бажоль установку понял и улучив подходящий момент достал из записки доктора д'Оровилла /глубоко под кроватью / другие две книги и добавив к ним лежащую на поверхности с серьезным видом подошел положил стопу для использования. Франсуа как раз говорил графу де Гассе, чтобы он смазал и немного повыше, тем больше шансов, что он проест вокруг себя все.

Спирт, или насыщенный раствор анисовой водки, как и всякая влага имела свойство пропитывать и размокать и с последующим очередным разом она очень скоро пропиталась далее и поверхность дуба почти сразу же стала засыхать. Так бы можно было продолжать до бесконечности, но спирт кончался. С последним разом граф вернул в раскрытую сумочку аптечки использованный пузырек. Томпончик же налепил на дверь.

– Так, посмотрим, что у вас тут интересенького...

Будучи немного подвыпившим и одурманенным парами спирта, де Гассе и вел себя соответственно с легкой припьяненностью в подходе к любому делу:

– Лунатизм? А! Сомнамбула!...

...Слушайте!

– Потихе декларируйте только...

– Болезнь эта чаще всего наследственная... Страдающий ею человек во время сна, при лунном свете, начинает не осознавая этого двигаться, вставать и ходить, а то и лазить по стенам... Часто таких сомнамбул можно встретить на крышах и в прочих очень опасных местах. Если что-нибудь разбудит такого человека, то он скорее всего потеряет устойчивость и свалится. Ну, а если ничего не произойдет, то так же возвратится на свое ложе, укрывается и спит. А на утро уже совершенно ничего не помнит.

– Слушай, ладно! – остановил его сидящий рядом Франсуа с дровиной в руке. – Быстрее рви книгу, приступай к закладке, а то мы так ничего и не успеем.

Он переложил поближе все дрова какие имелись, кои тут же были уложены впритык к двери и напичканы листьями от книги, рвавшимися почти бесшумно.

Со стола принесли свечу и огонь занялся. Вместе со свечой были принесены и салфетки, которые так же полетели в пламя. В костер были задействованы только половина из всех имеющихся дровен. Но и они объяли огнем всю нижнюю часть двери. По мере необходимости подкладывались все новые палки и постоянно накидывали оторванных листков, так больше получалось жару.

В то время, как де Фретте, де Эльян и де Сент-Люк подошли сзади посмотреть, доктор д'Оровилл уже успев глотнуть дымку и почувствовать жар, наоборот пошел в дальний конец. Вскоре и остальные последовали за ним, оставив только двоих, но и там им дым пощипывал уже глаза. Граф де Гассе решил прожечь дверь одним разом так и вернее должно было получиться и побочные явления при сильном костре ощущаются менее заметно. Но наложив все разом, через некоторое время был вынужден позорно бежать от жарового напора и едкого дыма, защипавшего глаза.

Камеру заполнило дымом; д'Обюссон, продолжавший все еще находиться подле, держался лишь благодаря дымоотводу в камине, куда он всовывал свое лицо для вдыхания более-менее свежего воздуха и в это время усиленно надирал страницы книги, отрываясь лишь для того, чтобы подкинуть. Туша, висевшая на вертеле очень мешала и сняв ее он неожиданно обрел еще одну хорошую палку в костер.

Дальше было сидеть уже невозможно и он с режущими глазами с тушкой в руках побежал оттуда к концу.

Зарешеченное оконце основательно облепили любители свежего воздуха, стоя ногами на заправленной постели, но слегка постороились дать глотнуть прохлады и главному поджигателю, впрочем он бы и сам взял, так как полез по спинке; и мало того с его появлением на истоптанной раздавленной кровати чаша ее терпения переполнилась и она провалилась вместе с теми кто не держался за прутья. Еще раз вдохнув полной грудью воздуха... с дымом шевалье прыгнул и не собираясь принимать участия в мерах, которые спешно принимались потерпевшими, обратил вдруг внимание на доктора д'Оровилла, забытого всеми в борьбе за жизнь. Он молча погибал на своей кровати облокотив голову на руку.

– Доктор, вставайте, не лежите, – подскочил к нему Франсуа, пытаясь поднять.

– Честное слово, шевалье, – оторвал тампон от носа со смехом проговорил доктор, – Если мы все здесь удушимся., это будет лежать исключительно на вашей совести.

И снова приложил к лицу сложенный в несколько кусок материи, по всей видимости, снятая с подушки наволочка. В воздухе уже действительно скопилось столько дыма, что облака его начинали угрожающе застаиваться. Насыщенность дымом принимала ужасные размеры и люди, понимая, что им возможно несдобровать, делали все возможное, чтобы только вырваться из этого кошмара. Каждый, подбегая старался хоть как то продвинуть дело и потому вскоре все три книги были изорваны и вместе с корочками спалены. От бумаги главным образом и шел тот черный едкий дым, заполнивший все и вся. Казалось, что от него почернела вся нижняя часть двери. Но это было не так, потому как и огонь делал свое дело. Треск в самом низу усилился, должно быть начала гореть и сама дверь, судя по тому как она начала корчиться и разбухать от выстрелов. До сих пор можно было считать что поджег велся относительно тихо, но когда разгоравшееся дерево расстрелялось искрами, так, что шум можно было сравнить разве что с настоящей стрельбой, казалось, грохот должен бы был переполошить всю тюрьму. Треск расщепляемого дерева с огненными выдувами добавлял нежелательной музыки.

Приблизившийся к огню граф де Гассе делал главный упор на силу пламени извне, нежели надеялся, что некогда казавшееся таким крепким дерево прогорит само. Он подкинул в уголья еще бог невесть что и стал разгребать уголья, пробуждая огонь.

– Месье де Сент-Люк, – обратился он к графу, принесшему черную бутылку вина. — А вас бы я попросил снять ваш «А ля Стеенкерк»⁷. По своему опыту знаю, горят они превосходно.

– Горели в нем? – язвительно спросил тот, кому посоветовали сжечь навязанный предмет, придуманной ему гордости, может быть даже из зависти. – Гораздо будет лучше полить...

– Не надо ничего поливать! – остановил Франсуа занесенную руку с бутылкой. – Вы перегрелись, ваше сиятельство, кто же бражкой костры топит, это же не спирт. После вашего полива на том месте огонь уже никогда не воспламенится! Лучше разгребите мне чистое место.

– Взрывать будешь? – спросил де Гассе, однако сделал то, о чем его просили небрежно ногой.

Шевалье достал белый салфеточный сверток пороха, собранного прежде из остатков в карманах вояк, и сунул как можно глубже под... Де Гассе его еще сильнее впихал далее, и боязливо убрал руку, завидев ярко вспыхнувшие огненные струи, пошедшие снизу вверх и как могло показаться пропитавшие самую нутрь.

Огонь своей разрушительной деятельностью выявил внутреннюю конструкцию двери, состоящей из плотно припаянных друг к другу брусев. Когда же граф де Гассе стал сдирать

⁷ галстук «А ля Стеенкерк» носили французские офицеры названные так в честь победы при Стеенкерк в 1629 году, по которым их могли опознать

скреплявшие их намертво железные планки одна из них потащила за собой и обугленный обломок... дверь тут же стали распиновать; сначала полегоньку, но потом сапог – Франсуа пробил насквозь. Общими усилиями они распинали большую пробоину, далее принялись разгребать и раскидывать по сторонам уголья, расчищая таким образом свободное место для пролезания, но и дыму подняли столько, что невозможно было хорошо открыть глаза.

Достижение успеха оживило и остальных участников злосчастного побега, быстро принесли чей-то плащ и накрыли раскаленные плиты. Пролезая на ту сторону первым, Франсуа на миг замер, прислушался...

– Вылазь ты скорей!

В другое время сообщники с замиранием сердца и сами бы прислушались вслед за ним, но сейчас им было не до этого, побыстрее бы выбраться отсюда.

Образец целеустремленной стойкости, шевалье д'Обюссон чуть не взвыл от ужаса, когда голыми ладонями оказался на угольях. Было бы здорово после стольких приложенных усилий огласить всю тюрьму своими воплями.

Сквозничок из прогорелого места продолжал доносить за собой дым в широкий тюремный коридор и каждый влазивший спешил отойти от дымливой двери подальше. Франсуа прежде уже раскидал красные тлеющие уголья наклонился к очередному, приготовившемуся лезть.

А ягненок?

Несут, несут...

Наконец они все семеро были в сборе по эту сторону двери. Предстояло подумать, что делать дальше и капитан де Фретте, знавший внутреннее строение всего портового замка назубок, на ощупь, живо смекнул куда вести своих товарищей... Под лестницу на третий этаж, где находилась комнатка, где по идее должны были находиться сторожа.

Коридор, как мы помним, представлял собой букву «L»; пройдя длинную его часть вся группа свернула в меньшую и юркнула под кирпичный лестничный пролет, к дверям. Но она-то как раз оказалась закрытой, сколько ни дергали за ручку и не пытались выставить ее плечом, пока не расслышали невнятное мямлянье убитого сном пьяницы. Побудили его еще немного, пока не услышали что-то уже более-менее напоминающее речь, явно английскую. Кажется был задан вопрос.

– ...Аварью. – ответил Франсуа в дверь, затем поправился. – Нет, «Аварьё. Ол – Райт?!»

С ложа встали, пустая бутылка звонко звякнулась об пол... В общем они оказались у открытого окна, смотрящего в сад..., но не нашли веревки, по которой можно было бы спуститься. Прыгать вниз в неизвестную темноту не решился никто, раз не решился капитан, знавший, сколько времени придется лететь. Тем более еще оставалось столько путей!

Граф де Гассе решил не упускать и этого верного случая; вручив ягненка Франсуа, кинулся назад. Оставалось только подсадовать на то, что они ни о чем не думали раньше, хотя и без всяких дум было понятно, что сплести веревку из простыней и одеял было просто необходимо.

Вернулся граф очень быстро и в крайнем волнении: камера была объята пламенем.

Тогда де Фретте решил вести их вниз, но неудача одна за другой преследовали их. То закрыто, то попав на второй этаж с перепугу сбежали на третий. Коридор на втором оглашался безумными криками и стуками в двери, находящихся там арестантов, думающих, что горит тюрьма. С третьего этажа им так же пришлось бежать, чуть не наткнувшись на англичан. В тюремном коридоре им милее всего было скрытое место под лестницей. Там они и оставались в нерешительности, не зная, что им делать дальше.

Особенно нелеп к данной обстановке был обязанный вид доктора, обязанный носиться вместе со всеми по лестницам, за компанию.

– Я чувствую мы их так спалим всех вместе, с портовым замком, – пророчески указуя перстом неожиданно проговорил он, глядя из толпы на Франсуа, которого считал виновником всей этой идиотской истории, в которой у него спалили медицинские книги.

Вышло так, что де Гассе и д'Обюссон оказались стоящими напротив остальных, а граф ближе всех к двери комнатки. Взглянув на нее:

– Ну вы как хотите, а я прыгаю!

Шевалье ничего другого не оставалось, как последовать за другом за дверь. Вслед они обои слышали увещевания старины д'Оровилла, останавливавшего их от подобного шага: пока молодые, побереглись бы вы, потом всю жизнь изувеченные ходить будете.

Граф не слушая особо, прыгнул сразу, как подошел, так что Франсуа, повернув голову, успел заметить только сорвавшиеся с подоконника руки.

Глава VIII. Карцер

Печален был конец их затеи, сразу неподалеку от ограды сада, где проходил патруль. И сейчас графа де Гассе и шевалье д'Обюссона под охраной вели вниз по узкому выделанному красным кирпичом ступенчатому проходу, оканчивающемся маленькой квадратной площадкой, затертой стенами. Влево чугунная дверь, по своей массивности открывающаяся медленно... за порог и дверь закрылась. Карцер – единственный во всей крепости карцер и самое худшее место, по всей видимости не жилое и в ту пору, когда тюрьма была чисто уголовничьей, если судить по тому, как долго в толстой связке подбирался ключ и с какими усилиями офицер открывал тугой замок.

Обманутый в своем великодушии лорд Уилтон отправил их в самое чахлое место, которое могло найтись для усмирения пыла, справедливо принимая шевалье и графа за инициаторов случившегося. Но он бы никогда, сообразуясь лишь с собственным мнением, так явно не поступил бы, зайдя зачинщики в своем рвении дальше всех. И теперь известное дело – карцер: неровный, шероховатый пол, местами землянистый и ужасно холодный, от которого всегда стыли ноги. Но хорошо было уже и то, что крыс здесь не было и не могло быть, на такой глубине. Сюда они просто «недорывались».

Пространство карцера было невелико, но с закутком и с углом, куда был врезан стол с заземленными ножками. На сем столике обычно горела лампадка на масле; единственное, что освещало сонливый полумрак. Когда же не освещало: это значило – ночь и неминуемый сон, единственное облегчение. Спать приходилось на соломенных лежанках и в одежде, так как было очень сыро и холодно.

Заходили к ним два раза на дню, принести еды и забрать посуду, частенько с недоеденным и даже не затронутым. Состояла еда из теплой похлебки с луком, вода и хлеб, и ничего более, и каждый раз рацион питания оставался неизменным. От отошения спасало лишь вынужденное и невыносимое недвижение, когда ничего другого более не оставалось делать как отлеживаться на своей лежанке.

Позднее появились два кресла – настоящее спасение от лежанок и невыносимой стесненности. В кресле было легче всего проводить время и слегка даже менять положение. Но в общем узники довольно скоро свыклись с такой жизнью, перемежаемой разговорами и двоекратным посещением их тюремного обходчика. Временем, от которого они были оторваны, служила лампадка, в которую по принципу песочных часов, если не подливали масла это значило, что наверху день прошел, необходимо было отправляться ко сну. Но сон не был бы таким долгожданным, если бы не долгие и изнурительные физические упражнения перед ним, которые разработал Франсуа на основе упражнений, дававшихся ему некогда китайцем Саидкой.

Лорд Уилтон к ним никогда не ходил и ничто более не раскрашивало однотонную жизнь кроме рабочих заходов нового /благодаря их художествам / обходчика. Но как-то раз арестанты развлеклись звуками, спускавшейся к ним процессии, судя по внеурочному времени и... тем же звукам авторитетного разговора. То была комиссия, проверяющая состояние тюремного дела и заодно выслушивающая жалобы и просьбы каждого из содержащихся в заключении. Вопрос о том и другом был задан им высоким офицером, на ломанном, прямо можно сказать несмелом французском языке, что очень польстило сердца узников и они решились спросить о том заветном, о чем бы никогда в другое время им не позволила их собственная гордость.

– А-а. – многозначительно протянул офицер. – На это не надейтесь. – Вас вообще должно было истратить, но только благодаря сэру Уилтону...

Глава IX. Граф д'Олон

Одним прекрасным солнечным, словно как летним днем, обычным для начала года, когда: если стоять на солнце, то чувствуется ощущение жары, но стоит только оказаться в тени, или того хуже зайти светила за облака, как можно почувствовать и сильный озноб. Так вот именно в такой день и холодный, и жаркий к портовому причалу Маона подошла длинная быстроходная таргана на парусах, поддуваемых с моря. Пришла она из Марсея. Но так как была пропущена дозорным патрульным кораблем, курсировавшем вблизи, то и интереса уже соответственно никакого не представляла. Проверочный патруль, состоящий из нескольких отряженных начальником порта служаков, дожидался когда будет перекинут трап и пассажиры схлынут по нему, с видом нарочитого равнодушия.

Но потока не было, более того они чуть не упустили из виду единственного пассажира нерешительно появившегося на пристани с тяжелым чемоданом. То приплыл Капече Ковалоччо и его нервный вид выдавал в нем до сих пор не улечившуюся досаду по поводу того, как много он впопыхах заплатил за свой приплыль; туда где он сразу же почувствовал себя в единственном числе и вообще в неприятном положении.

Разговаривавшие между собой англичане заметили его лишь когда явственно обозначился тот факт, что приезжий хочет пройти от них мимо и подозвали: «кам ту хир», с жестом пальцев. Не будь даже и этого неуважительного жеста, итальянец хорошо усвоивший, что значит немецкое: «ком цу мир», понял бы, что от него требуется по одним только словам, очень сходным с теми, которые ему доводилось слышать от австрийцев.

Поставив чемодан он подошел к ним, сразу же углубив руку в карман одежды за документами, и почувствовал себя неловко, когда один из стоявших перед ним пошел за чемоданом, явно не доверяя ему, хотя и документы были оформлены в порядке. Но тем не менее, претерпевал печальные воздействия: был раскрыт и содержимое его было досмотрено и обыскано самым беззастенчивым образом и раскидано. А со дна изъяты две шпаги, которые и привлекли внимание таможенников. Теперь его самым бесцеремонным образом досматривали самого, несмотря на то, что только что он их разочаровал, как человек прибывший из Марсея; какой-то итальяшка с документами на немецком языке.

В соответствии с ними его и спросили на том же языке насчет привезенного оружия.

– Дас ист⁸ пих-пах?

– А, но найн. Дас ист вжик-вжик, вжик-вжик! Их бин⁹.../мыкал усиленно думая/, Профессор!

Высокий английский офицер рассмеялся вместе со всеми, повторил это слово на свой лад сослуживцам. Далее его вопрос можно было расценить как запрос о цели приезда, на что Ковалоччо снова задумался на некоторое время, думая, что же лучше ответить и подбирая необходимое слово.

– Спэнишь? – спросил офицер, желая помочь, чем ввел Капече в крайнее затруднение, как отвечать на еще один трудный вопрос... Решил отрицать, хоть и с краской на лице.

– Фрэнч? Парл тю франсэ?

...Тут уж итальянец чуть не задрожал и верно побледнел, но решил идти в своем отрицании до конца.

– Нон¹⁰... А-а! Лого! /указал на себя пальцем/ Итальяно. Пилигрим.¹¹

⁸ это есть...

⁹ я есть...

¹⁰ нет (франц.)

¹¹ библейск. Путешественник, скиталец

Настала очередь второй раз посмеяться, но смех не помог. Допрашиватель ткнул пальцем вниз на чемодан, показал собирать и идти вместе с ним в сторону... как Ковалоччо показалось тюрьмы, от чего он вдруг сразу безудержно расстроился и упрашивающе развел руки. Вид у молодого итальянца был настолько растерянным и испуганным, что английский офицер решил его отпустить ко всем чертям, но.../показал на шпаги/...Ковалоччо согласился с тем, что иметь при себе оружие в здешних местах не дозволенно.

Имя его записали и с тем отпустили..., с неприятным осадком на душе: чуть не попал в комендатуру. Капече Ковалоччо поспешил скорее покинуть порт и углубиться в кварталы, таковое ему не удалось. Заманили вывески припортовых же таверн. Однако по времени у местных продолжалась сиеста¹² или же заведения в большинстве своем еще не открылись по непонятным причинам приезжому, и итальянцу пришлось некоторое время походить поискать открытое.

В тихой пустой зале таверны было прохладно и потягивало холодным сквознячком, так что снятую куртку пришлось снова одеть на озябшее тело. Но все же сидеть в холодке отдыхать после запаренных хождений было куда приятней. Чемодан уже более не оттягивал руку и пальцы, и он уже начал испытывать благотворный сон, как очнулся. Чувствуя озноб. В залу на деревянный пол ступил полный дядечка и направился к нему.

– Карамба, сеньор.../и далее все по-испански/ У вас здесь не знаешь как и одеваться! Скажите, когда вас англичане захватили?

– О месье и не вспоминайте, я так привык к своим посетителям, что кажется как будто это было только вчера.

– Ах, сеньор, значит вам милей французы, раз у вас укоренилось это обращение.

– Да нет же, помилосердствуйте, христараве, отца большого семейства обвинять в сочувствии, я лишь сказал по-привычке.

– Э-нет, не надо отказываться, папаша, говорите, что вы знаете о двух французских офицерах, служивших в вашем гарнизоне.

– А то же самое знаю, что и о трех, и четырех, и пяти. Все они сидят как миленькие по тюрьмам и не слышно от них более ничего.

– Ну как же так, ничего не слышно. Мне бы только о двух мушкетерах справки навести, не поможете мне ничем в этом деле? Я, считай, сюда только по этому делу и приехал, то есть обыкновенно навестить своих друзей. А тут англичане как снег на голову свалились, даже неожиданно как-то, право.

– ...Что я могу сказать?...Я знаю, что наших... погубило меньше англичан. А у вашего брата только моряков отпевали у нас в церкви... Ну, а таких чтоб офицеры... Они какие по виду-то? Ну в чем одеты были?

– Большой нашитый крест на груди.

– А-а, не знаю, не могу ничего сказать. Тебе лучше не со мной говорить, а с ними... Выбери кого-нибудь, поговори, признайся на чистоту чего приехал, может подскажет что. Если ты у меня жить будешь, я тебя обязательно сведу.

Ковалоччо был не против. Он и пообедал у тавернщика, после отправившись отдыхать, после утомительной дороги. В тот вечер его ни с кем не сводили, а проснувшись на следующее утро ему и самому стало понятно, что ничего не нужно, все бесполезно. А необходимо как можно скорей покинуть эту местность, куда он так далеко забрался и где со своими марсельскими данными пребывал в нежелательной известности. Особенно Ковалоччо ощутил желание возвратиться обратно, когда вышел из таверны на холодный утренний воздух. Приходилось сокрушаться по поводу того, что сие решение не пришло ему в голову вчера, когда еще можно было поправить свои дела и отправиться той же тартаной.

¹² время дневного отдыха у испанцев

На счастье оказалось, что тартана никуда не уходила, а стояла на своем прежнем месте и будет стоять весь этот, и утро следующего дня. Обрадованный хотя бы этим обстоятельством, Капече Ковалоччо предупредил капитана, что завтра отправляется вместе с ними, на что тот его предупредил о том, что они возможно перейдут на другое место стоянки. Это было бедой не большой, главное, что он здесь не застрянет на неопределенно – долгое время. С Менорки было трудновато выбраться и в прежние времена, не говоря об этих, и на следующее утро он непременно разыскал свою тартану в самой глубине порта в стороне дальней от портового замка, на который Ковалоччо смотрел с неизъяснимым чувством печали и вины, что потерял вчера весь день зря; только ходил вокруг да около тюремного здания и не попытался даже передать весточку о себе. Все из-за ложной боязни. Нужно было и насчет шпаг спросить, у того же длинного... все по-хорошему объяснить, как советовали.

На тартане по-видимому еще спали и наш итальянец решил погрузиться самовольно, так и сделал, никого не встретив. Водворился в свой кубрик. Покинутая им соломенная сомбреро оставалась лежать на прежнем месте и покрыв ею голову он уселся в полудреме снять с себя остатки сонливой слабости.

Потом он снова пошел на пристань погреться в солнечных лучах. Людей там собралось на порядочную толпу. Производилась посадка семьи из трех человек, его неожиданных попутчиков. Слуги заносили на палубу вещи и на душе мореплавателя сильно отлегло. Плавать по морю ему представлялось возможным только на больших кораблях, а тартана совсем не вызвала в нем уважения.

Кроме того на причале находился капитан с помощником и группа провожающих офицеров, которая не привлекла его пристального внимания, так как там не обнаружилось длинного и усатого. Ковалоччо был в восторге от того, что случай подарил ему в попутчицы молоденькую девушку в синем, дочь своих родителей. Она тоже поглядывала на него, но больше ее интересовали отпускающие ее победители, к группе которых подошел еще один здоровяк, поначалу высотой и усами показавшийся чем-то знакомым, но не тот, кого ему было нужно.

Группа переговаривавшихся между собой англичан, стоявших чуть поодаль трапа решила вдруг куда-то направиться и внимание Ковалоччо привлек последний, запоздало оттолкнувшийся от борта суденышка на который прежде облакачивался рукой. Последним был тот самый только что подошедший, спешащей походкой догоняющий остальных. Заинтересовавшийся Ковалоччо этот человек был в такой шляпе, нелепой своими размерами, впрочем и у самого Ковалоччо сомбреро было ничем не лучше в том отношении, что его так же из-за головного убора не опознавали.

– Если не ошибаюсь, граф д’Олон?...спросил он того, которого уже с интересом поджидали остановившиеся сослуживцы.

– Как?! Капече! /положил руки на плечи/ Ты! Какого черта?

– Тихо, потом расскажу, то есть конечно сейчас, я уезжаю уже. Отойдем, чтобы нас оставили одних... Ну а вы, граф, скажите, как вы здесь могли оказаться?

– Как видишь /показал на свой красный офицерский мундир/ Завоевал этот островок и обретаюсь пока здесь. Вот до чего жизнь довела. Ну а ты?...Путешествуешь? Я же тебя не видел с того раза, как мы расстались в кабриолете, еще там, в Париже, помнишь?

– Как раз я то помню, а помните ли вы кому обязаны приятными воспоминаниями?

– Друг мой, о чем ты говоришь! Разве это можно забыть?...Ну давай расскажи мне о нем, с ним все хорошо, ты должен о нем хоть что-нибудь знать!

– Вместо этого мне хотелось бы сообщить вам, что сюда я приехал как раз для того, чтобы с ним свидеться.

– Так значит он тоже здесь?! Какое счастье, что мы снова можем все вместе свидеться. Где он? Мне не терпится его увидеть.

– Граф, погодите радоваться, напоминаю вам, что он – француз!

– Так же как и я, чуточку.

– Граф, какой вы наивный! Он там /указал рукой на портовый замок/.

– Что???. Выходит я воевал против него? – испуганно проговорил граф, собираясь с мыслями.

– Выходит что так. И мало того, нужно еще узнать остался ли он в живых. А я вовсе в том неуверен.

– Ну это уж нет. Франсуа никогда не даст маху свалить покойника. Сидит. Я тоже слышал, что в тюрьме очень много французов, но правда сам я там и близко не бывал. Побываю!

– Что ж, дерзайте, попробуйте, вам с вашим положением это сущий пустяк. А я уезжаю.

– Позволь, позволь, так сразу, ничего не узнав о нашем общем друге! Это не порядочно. Оставайся, я тебя приглашаю. Обещаю, мы еще свидимся с ним, все втроем!...

Граф д'Олон и далее продолжал уговаривать своего давнего знакомца, суля ему тысячу разных благ, и что совершенно неудивительно для д'Олоновской манеры, кончил бахвальной похвальбой о собственном самоустройстве.

– На бриге у меня прекрасная морская квартира, настоящая кают-компания. Пойдем ко мне прямо сейчас, я тебе ее покажу. На бриг «Ореол», тут совсем рядом. Вон мачты видать.

Ладно, тогда забегу, чемодан свой возьму. – согласился Капече Ковалоччо и единственное о чем он пожалел, когда всходил на палубу: это о потерянной попутчице.

Глава X. Встреча старых друзей

С церкви колокола еле слышно отбили десять. Ночная мгла уже не позволяла видеть противоположного берега гавани, но оттуда восходила луна и очертания холмов проглядывались достаточно хорошо. По водной поверхности гавани тянулась ослепительно—белая дорожка, бросаемая полновесным светилом. Оно так же освещало дорогу и Ковалоччо, пробирающемуся к темному силуэту трехмачтового брига, до которого можно было дойти переходя все эти наваленные кучи канатов и прочего карабельного хлама. Выбравшись и подходя уже почти совсем близко он чуть не шлепнулся на цементный пол плашмя, спотыкнувшись обеими ногами о натянутый от пирса как струна канат, спасли вовремя протянутые руки.

У трапа, протянутого с борта, имелись веревочные перила и посему, держась за них Ковалоччо шустро взошел наверх, пока лицом к лицу не столкнулся с незнакомой личностью, стоявшей по-видимому на посту. Во рту у него торчал предмет из которого дымилось.

Встретившийся ему человек дожидался его прихода и потому сразу показал рукой путь, следовать за ним. Сначала они прошли по надраенной палубе, затем спустились в пустую полутемную комнату и вошли в яркоосвещенную кают-компанию, собственно и есть морскую квартиру графа, коей он не зря похвастался. Обставлена она была весьма прихотливо и снабжена всеми составляющими роскошного быта аристократа. Здесь были и ковры, и люстра, и что самое необходимое, стол, накрытый всем необходимым для назначенной пирушки.

К нему, открыв створчатые стеклянные двери вышел, расплывшись в улыбке граф д'Олон:

– Вот и ты, мог бы и раньше пожаловать, к чему такая пунктуальность? Проходи.

Они сразу же уселись за приготовленный, стол с которого еще дымилось. Внимание привлёк золотистый, до красного, бульон ракового супа и беловатые устрицы, на которые у Ковалоччо зачесались руки с ножом, в обход первого, сразу принялся натывать лакомые кусочки на лезвие, макать в подлив и отправлять в рот. Но прежде до этого внимание отвлек изумительный по вкусу бульон супа с раковым мясом. Граф д'Олон, чтобы не заливать внутренности своего желудка, как он выразился «водичкой», наворачнул в бульон еще и цыпленка, цвета такого же золотистого. Но без красного.

На десерт так же имелось что попробовать. По краям стола стояли вазочки с маленькими апельсинчиками... с которых Ковалоччо перевел взгляд на кресло и растянувшуюся на нем таксу. Она не в меру была длинна, ширины кресла явно не хватало и ее такая же длинная морда свешивалась вниз, лениво поглядывая на огромный кусок мяса на тарелке, прямо под ней. На нее невозможно было не засмотреться.

– Матильда! – верная моя!. — произнес д'Олон, шуточно, с апломбом, казалось не без смеха, но сильно уж яростно он что-то прожевывал. Собутельник его так же попробовал улыбнуться: Матильда – неверная – его жена.

– Ну-ка, давай-ка кипрского трахнем, а то оно мне надоело уже, – проговорил граф скоропалительно, наливая по бокалам. Пили они конечно же о Франсуа и говорили только о нем...

– Марсала легкое. Бархатистое вино, а бургундское как раз наоборот.

Они осушили первую бутылку во славу шевалье, и принялись за вторую, заедая отрезвляющей закуской. Ковалоччо не в меру переел и сейчас устричное мясо чувствовал только кончиком языка, далее оно просто не лезло.

– Да-а соленое заставляет пить. – говорил д'Олон, наливая себе уже из третьей. В который раз пить «за Франсуа» набило оскомину, выпили по предложенному тосту опьяневшего вконец Ковалоччо: «За освобождение!».

Потом пили «за Францию». Молодой итальянец чувствуя, что начинает перепивать старался воздерживаться, только чуточку пригубить. Иногда когда рюмка вина покажется шуточ-

ной и всю. Граф пил одну за другой, а когда Ковалоччо отказывался, но пьянел он казалось меньше, и проявлялся хмель пока на настроении и языке и особенно рьяно пытался втолковывать ничего не возражающему собеседнику следующее:

– Ну я точно уверен, д’Обюссон жив-целехонек, ни одно перышко с него не слетело. Я ручаюсь. Потому что он такой человек.

– И я не сомневаюсь... в этом, – заплетающимся языком отвечал Ковалоччо.

– Завтра пойду к нему и свижусь.

– Завтра постарайся? Отлично!

– А что мне стоит? Мне ничего не стоит. Меня хорошо все знают, да я и спрашивать-то никого не собираюсь. Что мне твой комендант? Он мне кто? Никто! Я сам такую же тюрьму имею. У нас под ногами в тюрьме, у меня два десятка сидит. И я любого из них могу выпустить. А Франсуа.../жест ладонью/ можешь быть уверен, я освобожу... Бог сделал большую ошибку, я ее исправлю.

Оратор отвлекся, так как в это время в дверях появился постовой.

– Сэр, мое время прошло, я оддежурил. Пора заступать Баскету.

– Ничего, постой еще, не переработайся!

На шум вышел сам Баскет, из дверей соседней комнатки. Уже не молодой, лет сорока, он представлял из себя обычную натуру полноватых слуг.

– Спасибо, сэр, я уж вполне отдохнул.

Сказав так, он вышел вместе с пришедшим жаловаться.

– Смотри-ка, по-нашему говорит, где-то я его видел, если мне память не изменяет.

– Так это ж Баскет. Баскет! Ты разве забыл он один из моих управляющих. Молодчина.

С деньгами ко мне перебег.

– Как?! Взял деньги и сбежал на вашу сторону?!

И они долго смеялись по этому поводу.

– Значит на него во всем можно положиться, я так понимаю?

– Как на себя самого. Знаешь что, давай-ка еще по рюмочке проглотим, за Баскета. Чертовский малый.

– Давай, – оживленно согласился Капече Ковалоччо и на Марсалу, хотя вначале ее похаживал.

За столом они просидели допоздна, пока не наговорились в досталь и не осушили множество бутылок, числом около пяти или шести валявшихся вразброс по столу и под столом. Напились здорово и когда алкоголь начал давать о себе знать, два собутельника превратились сначала в двух чертей, а затем в два бревна. И эти два бревна впоследствии были растащены по диванам и уложены пришедшим Баскетом.

Наутро он же разбудил вставшего как ни в чем ни бывало графа д’Олона, прежде всего офицера, свеженьким отправившийся по служебным делам, в отличие от гостя, убитого пьяным сном, всегда кончающимся тяжелым вставанием.

Графу д’Олону был назначен прием у лорда Уилтона и сейчас он быстрым шагом направлялся к портовому замку, на ветру теряя остатки прежнего хмеля. День с самого утра выдался непривычно хмурый, пасмурный. С моря доносились порывы холодного ветра с прелыми морскими запахами, которые д’Олону не нравились и он предпочел поскорее дойти до ближайшего административного корпуса портового замка, войдя в спокойный своей тишиной и безмолвием ставший по-английски холл, и поднявшись по лестнице на верхние этажи. Ни в дверях у входа с улицы, ни в дверях у рабочего кабинета лорда Уилтона, его не задержали /хотя сидело трое человек, ожидавших приема/, и граф беспрепятственно зашел к занятому своими делами хозяину кабинета.

– Здравствуйте. Мистер губернатор!

– Вы ошибаетесь, сэръ... Я еще не губернатор, а только исполняю обязанности. И посему прошу так меня не величать. Мистэр?...

– Граф д'Олон

– Да, мистэр д'Олон. Собственно по какому поводу вы ко мне пожаловали?

– Уж конечно не льстить. Мне нужно узнать сидит ли у вас в тюрьме мистер...

– Мистэр?! – удивился не поднимая глаз от стола лорд Уилтон.

– Да, шевалье Франсуа. Де.../граф запаматовал/.

– Д'Обюссон. Сидит такой и я с ним давно и хорошо знаком. Позвольте полюбопытствовать... зачем он вам понадобился?

Д«Олон сначала не знал, что и ответить. Сказал о карточном долге, который ему необходимо возместить. Ответ показался ему самому более чем убедительный, все-таки долг чести.

– Очень похвально. Граф, что вы такой честный. Но в таком случае удовлетворите и мое должностное любопытство... Откуда вам стало известно, что шевалье д'Обюссон может быть среди пленных?

Сей коварный вопрос нисколько не обескуражил, так как графу неожиданно дошло, что Франсуа жив, и он возрадовался мысли, что увидит его и очень скоро. Растерянности места не нашлось, после чего обычно у людей такого склада возникают долгие затруднения, каких не возникло и ответ был чисто машинальный. Был приплетен таверщик и долго и нехотя объяснялось, из-за чего все вышло; настолько долго и с такой убедительностью, что лорду Уилтону, слегка уязвленному в своем любопытстве, пришлось унимать пустившегося в разъяснения ответчика.

– Полноте, полноте... Зачем вы мне все это рассказываете, я лишь хотел знать, не болтают ли почем зря тем, кому надо бы держать язык за зубами. На мне лежит большая ответственность за все сведения, что могут достаться наружу, ну да ладно. Сегодня вечером присоединяйтесь к нам на обход. предложил лорд Уилтон, который и сам только сейчас решил пойти увидеться с шевалье и самому. Он подсказал точное время обхода: без четверти восемь и неожиданно получил благодарствия.

Окрыленный д'Олон вышел из кабинета в прекрасном расположении духа, и в таком же пришел в свою морскую квартиру на бриге «Ореол». Ковалоччо уже проснулся и отходил с помощью холодной воды, в которой полоскался. И он был так же сильно доволен успехами графа, но немного порасспрашивав о подробностях аудиенции, идти вместе с ним вечером отказался. От себя он показал д'Олону белый пакет письма, предназначенного Франсуа, который он вез ему от отца.

– Вот это передать будет гораздо важней.

– Давай. Уж это я сумею, только не волнуйся, все будет ол-райт, как говорят англичане.

Итальянец уже не боялся говорить при Баскете, безмолвно накрывающем при них на стол, и результатом явился его вопрос: кто сидит в тюрьме, французы?

– Да-а. – нерешительно ответил граф на неприятную тему. – Это бывший французский бриг. Они здесь так и остались, чинить повреждения и по-работе в порту. Все лучше чем ими бы еще больше битком набили камеры. Я считаю, что для матроса нет лучшей тюрьмы, чем свой собственный корабль и камера, тот же кубрик.

Все втроем, теперь уже вместе с Баскетом они позавтракали и Капече Ковалоччо ушел в свою таверну, уговорившись прийти после восьми.

Граф д'Олон торчал в коридоре перед кабинетом лорда Уилтона с шестого часу вечера. Точно зная, что он там сидит, занимается своими делами. Сидеть и ждать ему пришлось до девятого часу, когда клятвоступник как ни в чем ни бывало вышел из дверей спиной, закрыл их на ключ, держа на руке широкую папку. Повернувшись и встретившись с ним глазами, вспомнил.

– Ох, извините меня, граф, совсем запаматовал.

Они поднялись на этаж выше и по смежным коридорам прошли до тюремного корпуса, с его увенчанной развернувшимся строительством под батарею крыши. Они спустились вовнутрь тела тюрьмы через комнату надзирателей. Опоздать оказалось не так страшно, как графу казалось прежде, они лишь присоединились к группе обходчиков. Д'Олону хватило выдержки не волноваться на счет того, прошли они того, кого ему было нужно, или нет, и так же не спрашивать об этом вслух.

Лорд Уилтон указал ему на сгоревшую изнутри камеру, которую еле удалось потушить. Восстанавливать ее нечего было даже пытаться, к ней невозможно было даже приставить достаточно надежные двери. Д'Олон пришел в неопишуемый восторг, когда узнал чьих это рук дело и весело смеялся от удовлетворения.

Причиной столь частых проверок и являлся тот, некогда устроивший и совершивший побег, а причиной тщательности проверки каждой камеры – та оригинально спаленная камера, могущая породить иные оригинальности. Подсмеивался, граф д'Олон еще и над тем, что губернатору такого маленького острова приходится опасаться еще и побегов, против коих и наводился такой порядок. Вся ироничность обстановки дотошного обыска каждой камеры с арестантами по мнению графа заключалась именно в этом. В какое-то время он не мог спокойно смотреть на длинного белолицего офицера с усами... раз разобравший его смех, продолжал в нем тлеться.

Дежурные надзиратели так же вместе с ним ходившие по камерам, пользовались случаем растаскивали вечерний ужин, но когда группа обходчиков направилась вниз к карцеру, с собой, в руках у них уже ничего не было, не полагалось.

Спускаясь вниз в сырое промозглое подземелье д'Олон как понял, что именно сюда и заточили его дорогого друга. Спускаясь граф спешил опередить лорда Уилтона, в какой-то момент ему это удалось., когда надзиратель остановился, открыл дверь, и он ввалился всей своей огромной фигурой, оттеснив того.

Первого. Кого в темноте различили его глаза, это вставшего из-за столика графа де Гассе... Они обнялись, восторгом не было придела, а дружеские объятия крепки. Никто из них не ожидал увидеть друг друга, но более всего такого оборота дел не ожидал сам лорд Уилтон, пролезший в камеру бочком и слегка тараненный к стене нечаянным движением корпуса д'Олона. Речь перед его носом велась конечно же французская, оставалось лишь прислушиваться к тому, что говорят. Но больше слышался звук безудержной радости... д'Олон ступил к вставшему с кресла сонному Франсуа. Тот от света факела еще жмурил глаза и не видел, что происходит, как попал в крепкие объятия.

– Это чудесно, что мы все вместе, – беря обоих за руки как ребенок от души радовался д'Олон, глядя то на одного, то на другого. – Как удивительно, что и вы попали на Маджорку.

– На Менорку...

– А восхитительные эти места... Манерка, – загадочно проговорил д'Олон, слушая только себя и не слыша робкого замечания, не давая никому и слова сказать. – Ну а ты, Лекок, ты здесь с ним познакомился? И наверное через меня?!...

– Ну да! Через наши родственные узы, о которых ты мне постоянно толковал... Как там ты говорил: мой троюродный дядюшка, приходился внуком, если не ошибаюсь, сестры его бабушки...

– Перестань собирать все в кучу, ты ошибаешься, моя бабушка, царство ей небесное, и не троюродный дядюшка...

– Да нет же, именно троюродный!... /Уилтон перевел взгляд на де Гассе/.

– Хватит генеологии и хватит спорить, господи, у нас так мало времени остается чтобы даже попрощаться...

Лорд Уилтон, чувствуя, что ему нечего здесь делать, сделал шаг к выходу. Но как он не был покороблен, все же остановился на некоторое время на выходе. За лордом протиснулся

и обходчик с фонарем и с забранной полупустой посудой. Д'Олон не заметил и слегка покраснел. Прощаясь, опять вобнимку ощутил всю тесноту и скученность обстановки...

– Прощайте, я вас еще навещу!

Фонарь удалялся, в карцере становилось все темней, и обернувшись напоследок граф д'Олон успел выхватить взглядом два белых землянистых лица в темноте.

Он возвратился на «Ореол» в мрачном подавленном настроении духа, чем сильно напугал Ковалоччо, а узники камеры в это время читали оставленные им письма.

Глава XI. Сицилия. Вилла Фаворите. За круглым столом

Близ Палермо, в лье от него по дороге идущей у северного сицилийского побережья расположилась вилла Фаворите, находящаяся в некотором удалении от того и другого в несколько скрытном месте. Туда к полуночи съехалось несколько карет. Собственно причиной к съезду и послужило собрание некоторых владетельных сеньоров и должностных лиц, выбравших для встречи это королевское владение.

Последней с дороги свернула карета вице-губернатора, так как за ней уже не было никаких других карет. На заднем же дворе виллы как раз наоборот, скопилось много таких карет и несомненно вооруженных людей. При прохождении возле них со своим личным секретарем де Ля Воро, князя де Шакка развязно поприветствовали, развязные в своем поведении люди в плащах. Не обращая на их потрясение оружием никакого внимания они поскорее прошли к ступеням лестницы освещенной огнем факелов.

Сразу за дверь в длинном полутемном коридоре их встретил и почтительно поклонился монах в черном. Под рясой у монаха явно чувствовалась кольчуга, которая, впрочем еще и скрипела. В сопровождении монаха они дошли до следующих дверей и были им пропущены после любезного раскрытия.

В маленькой зале за столом уже собрались епископ Трапанский... сидевший, подбоченясь на спинку стула, в митре лилово-пурпурного цвета, выделанной из тончайшего шерстяного полотна; чулки на ногах были того же цвета, но шелковые... и другой участник заседания широкоплечий дородный мужчина в богатом путевом костюме с чем-то недовольным выражением лица. Для тех, кто видел князя Сан-Кальтальядо впервые, могло показаться даже свирепым.

...Входя, князь де Шакка откинул назад капюшон своего плаща, открыв строгое с благородными чертами лицо тридцатилетнего человека и прежде всего аристократа, который только с ним счел учтиво поздороваться. Его черная незаметная бородка в нижней части лица еще более облагораживала и придавала толику изысканности.

Первое о чем они разговорились это еще об одном, кого следовало дожидаться.

– А его сиятельство, должно быть уже здесь. Его карету я видел стоящей у угла. – сказал епископ Трапанский.

– Так значит нужно ему сообщить о нас! – решил князь Сан-Кальтальядо.

– В данном случае выйдет, что мы как гости напрашиваемся на разговор с хозяином.

– Черт побери, так и выходит!

– Нам в этом случае следует начать беседу без него. А вам князь /Сан-Кальтальядо/, чтобы не загубить в поездках ночь можно просто-напросто остаться здесь без всякого на то чьего-нибудь соизволения, – ревниво распаялся епископ, но чуть только послышались подходящие шаги и дверь открылась, узкое лисье лицо из подговаривающего приобрело приветливый и благодушный вид.

– А вот и маркиз!

Вошел маркиз де Спорادا, живой и энергичной походкой подошел к столу.

– Извините, что опоздал, – легко кланяясь и усаживаясь на стул проговорил он. Его голос с груботцой, но в то же время с толикой самовеличия и рассудительности. Может быть внушительный голос, умение выслушать, вести разговор далее, делать заключения и вообще решать, постепенно выдвинули этого Спорادا в руководящие роли с безусловным авторитетом, под влияние которого полностью подпал епископ, и в той или иной мере князя, постепенно упустившие инициативы действий из рук, оставшись лишь соискателями выгод... пожалуй наравных. Маркиз еще ни в чем важном себя не проявил, он оставался лишь тем кем был: финансовым сюринтендантом и находился пока что в милости у губернатора.

– И так... Сразу о самом главном. Что конкретно кому из вас стало известно об английской эскадре захватившей Маон?

При этом вопросе взоры сидящих невольно устремились на епископа Трапанского, который обещал разузнать буквально все. Тот однако же слегка сконфузился и язвительно произнес:

– Пока ничего не могу сказать, никаких новых вестей до меня не доходило. Мною был отправлен надежный человек. я ему много денег дал... м-м вот. Но его все нет!... Со следующей недели я снаряжаю фелуку в Гибралтар. Считаю, что это даже вернее будет. И если б вы написали письмо адмиралу... не помню уже: Гелуэй... было бы просто прекрасно!

Никто не удовлетворился по-настоящему ответом епископа, а маркиз Спорادا был особенно недоволен самодеятельностью, но вполне учтиво предупредил, что никаких адмиралов посвящать в эти дела не следует. Нужен... всего-навсего один большой корабль, в крайнем случае два, и не больше тысячи человек десанта.

Князь Сан-Кальтальдо внимательно прислушивался к каждому слову, которое говорил Спорادا, проявляя огромный интерес.

– Важен сам фактор: англичане высадятся в Палермо, никто сопротивляться им не станет. На этом акцентируйте внимание. Никому на всей Сицилии незачем защищать испанскую администрацию.

– И даже марсальцам де Бутера?! – восторженно – вопросительно проговорил князь Сан-Кальтальдо. Спорادا сначала смутился от сей наивности, и прежде секунду подумав, как лучше ответить, продолжил вести разговор:

– Я думаю, будет даже лучше, если де Бутера не согласится разоружать свой гарнизон. Тех же англичан мы высадим в Марсале. И Палермо очистим и тылы освободим. Вы вникнете в самую суть, ваше преосвященство? Первое, на что нужно нажать вашему посланцу, это на то, что англичан здесь ждут!... в очень небольшом количестве – это нужно показать исподволь. И второе. С тем лицом, с которым сочтется нужным вести переговоры, необходимо разговаривать с позиции покупателя. Мы платим, при чем лично ему, чистым золотом, камнями. В пиастрх это могло бы значить... скажем, сто тысяч уже за одно то, что он подойдет к месту, где мы будем его ожидать. Двести тысяч за взятие Палермо. Будет отказываться, пообещайте ему, ну скажем... под четыреста тысяч. Его должность, если его от нее лишить, не должна сравниться и с половиной той суммы, что мы ему предоставим. А внешне все будет выглядеть, как внезапно открывшиеся перспективы для военной операции. Письмо ему справим от нашего Сицилийского дворянства. И все такое. Важно, чтобы втянулся делать все за деньги. За лишнюю сотенку-полторы, не откажется убраться. Тем более, что ему и самому станет понятно для чего он здесь. По крайней мере всегда дадим понять, что без нас и против нас он ничего сделать не сможет.

– Так не нужны они тогда вообще! Я один на моем юге соберу несколько тысяч человек. захвачу Рагузу, Сиракузы, а там и Катанию, – говорил напыщенно всех уверяя князь Сан-Кальтальдо... Катанию!, загадочный и далекий город, в котором он, де Спорادا никогда не бывал.

...Большой город на восточном побережье со старинным университетом и портом не меньше Палермского, как и сама Катания, мало в чем уступающая главному городу Сицилии и тем привлекательная, что с ней у маркиза связывалось много самых различных надежд и прожектов...

– Не будем загадывать, князь, Катанию вы можете и не захватить. А тысяча бравых ребят со стороны порта, всегда это сделают быстрее, чем образом, как с Маоном, с ними не будет сладу. Ведь вот в чем главная загвоздка... Все, что нам нужно захватить это четыре города. Палермо, Марсалу и Катанию, Мессину. И встать обязательно под чей-то флаг. Стоит только чуть завозиться с каким городом, а это ничего не стоит!... С Неаполя у Мессины выса-

дится армия, с которой мы с нашими-то сицилийцами ничего не сможем сделать. Вы согласны со мной?...

Спорить насчет воинственности баронских кампиери, известных своей разбойничьей удалью, было бы просто смешно. Представляли они собой даже не банды, а стаи, своры бандюг, способных лишь на нападения на крестьян, жжение пяток и взимание дополнительных поборов.

– А англичане это прежде всего фактор. Будут они, это значит власть имеется, а не мятеж, который можно поддержать, а можно и встать против. Далее... если до Неаполитанца дойдет известие, что в Палермо высадился английский десант... Как это звучит!!!, он никогда не пошлет войска, отвоевывать обратно, ему и не дадут. Однако настоящего военного корабля достаточно, чтобы перекрыть Мессинский пролив. Предполагаю, что в Неаполе за самих себя испугаются настолько, что отзовут Мессинский гарнизон на Апеннины.

Речь маркиза была яркой, захватывающей и завораживающей. По окончании ее ему чопорно сухо похлопали, но со скрытой радостью восприняли, все то, что сказал Спорادا. В разговор вступил князь де Шакка:

– Раз уж англичане так важны, то для переговоров с ними вам бы, маркиз, следовало отправить своего человека, а не аббатию, извиняюсь сразу, ваше преосвященство.

– Аминь!

– Я как раз подумал об этом же, обязательно так и сделаю. Еще я хочу сделать одну грандиозную вещь. Имея такие перспективы, стоит послать посла к Папе, чтобы наше независимое произведение по достоинству оценили?

– Ого, здесь попахивает королевством?!

– И так, значит «Великое княжество Сицилийское» отменяется!

– Но Папа Римский жаден, как и все его церковники, за корону придется платить немалые денежки. Может не нужно так сорить деньгами? – засуетился епископ, который и сам принадлежал к священнослужительской братии, но относил себя к воинствующим. У него всегда и трапанский полк под рукой имелся, и сам епарший город перешел к нему по наследству.

Его просвященство потому так заволновался по-поводу эн-ной суммы немалых денег, потому что по просьбе маркиза он уже посылал Чиньони в Рим зондировать сие предложение... от имени князя Беневенто¹³, правда все так прозрачно и завуалированно и через знакомое лицо в куриях, что ни за что невозможно догадаться, что кандидатам следует ожидать Сицилию.

Однако, вернемся к вопросу о деньгах, он входил в ряд вопросов должных быть освещенными в ходе встречи. Без сомнения в их полумятежном положении вещи яркие и символические как корона, королевство и коронование на престол были необходимы как воздух, как удача и средство выстоять.

Князь де Шакка кивнул своему личному секретарю де Ля Воро и тот вынул из нагрудного кармана конверт и вручил его содержимое маркизу Спорада, с нетерпением принявшегося читать. Предназначалось послание губернатору; от вице-короля Неаполитанского и гласило нижеследующее:

«Губернатору Сицилии, князю де Карини!

Мы уже в который раз посылаем вам письма с убедительными наказами отослать средства поступившие от сбора налогов за прошедшую осень. Теперь же мы настоятельно требуем, и более того, последний раз приказываем вам через это письмо, что: вам надлежит отправить деньги ко второй декаде марта месяца. Нам стало известно, что сумма, которая находится у вас в распоряжении составляет два с лишним миллиона пиастров золотом.

¹³ Беневенто – независимое княжество, недалеко от Неаполя

Никакие оправдания вызванные в связи с задержкой отправки денег приниматься не будут, и будут расцениваться как неподчинение короне. Его величество король Испанский Филипп V...

– Как настаивает на том, что Филипп – испанский король, – заметил Спорادا вслух, так же как вслух же вычитывал наиболее важные места из письма.

...грозил мне и вам потерей должности. Мы же вам такое обещаем, и помимо слов при-
совокупляем дело: часть Неаполитанского и Салернского гарнизона отправлены в Мессину. В том противном случае если вы опять станете всячески затягивать и отсрочивать выдачу казенных денег, к назначенному времени в Палермо будет наведен должный порядок силою!

Вице-король Неаполитанский, герцог де...».

– Это форменный объяв войны! – вспыхливо закричал князь Сан-Кальтальдо, привставая на ноги. – Порази холера эту Мессину!

– /Шакка/ Кто ему мог доложить о двух миллионах.

– Тот кто знал о нашем налоге. Это Чентурино... Пока ничего не надо предпринимать, пускай... потом... А это что?

Маркиз Спорادا заметил на другой стороне желтоватого листика просительное продолжение.

«P. S. Прибудьте сами или пришлите с подробнейшим докладом и соответствующими бумагами финансового интенданта маркиза де Спорادا. Можете оставить в свое распоряжение до пятидесяти тысяч пиастров»...

– Что бы это значило?

– По всей видимости пронюхали кое-что и о вас, – взял слово де Ля Воро. – Насколько мне известно, что губернатор бывал вами не доволен и часто крайне раздражен. Возможно, что князь во всем виноватил вас. Очень возможно, что Чентурино признал, что часть денег была ссужена торговым конторам.

Князь де Шакка сначала удивился услышанному факту, но затем заволновался. Спросил у маркиза, что все-таки он собирается делать, чтобы выйти из положения. Епископ Трапани так же засуетился по этому же поводу, полагая, что маркиз ведет дело к тому, чтобы образовавшуюся недостачу покрыть скидкой в общую от каждого из них по своей части денег. Спорادا имел на этот счет свой план, и в подробности его изложил собравшимся, чем восхитил своих сторонников.

– Денег неаполитанскому вице не видать... Они перепадут в чужие руки, скажем, корсаров... около самого острова Устики на виду... И нам денег хватит абсолютно на все! Корону, кардинальскую шапку, военные корабли, все будет, поверьте мне. По крупному тратиться не придется, но по мелочи – не жалейте.

Епископ Трапани, считавший тот полк, что он содержит на свои средства отнюдь не мелочью, хотел вывести разговор в свою сторону, но маркиз только что назвал траты именно мелочью и в данный момент заверял князя Сан-Кальтальдо в том, что будет и у него в определенном городе стоять свой собственный полк. Затем обратился к князю де Шакка с вопросом.

– Как вы получили это письмо?

– На руки от посыльного. Князь де Карини отдыхает в поместьях и оно прямиком досталось в мои руки..., через секретаря, сеньора де Ля Воро.

Упомянутый согласно кивнул головой, подтвердив то, что посыльный прибыл сразу к нему и сейчас до времени находится в надежном месте.

– Подержите его там еще пару дней. А затем пусть еще раз подъедет к губернатору, но с предыдущим письмом.

– Письма датированы. – указал секретарь де Ля Воро.

– Ах ты черт, – досадливо ругнулся Спорادا, не зная что делать. Ему не хотелось, чтобы письмо попало в руки губернатора. В этом случае оный, согласно тексту отправил бы вместе с уплывающей казной и ее всецелого казначея, сюринтенданта маркиза Спорادا, на том же корабле. И пока его мышление велось вокруг да около мысли отвязаться под каким-либо предлогом от поездки и только приходило к мысли, что письмо должно быть вручено губернатору после отправки золота, у сеньора де Ля Воро выход был найден и со всех сторон обдуман.

– Монсеньор! Можно действовать через самого нарочного. Сейчас он знает, что губернатор за городом. Остается только продержатъ его в этом неведении дня два-три и потом прийти к нему вручить пакет обратно. Приказать отвести его самому губернатору лично... который будто бы только что вернулся из поместий и объяснить дело так, что как будто бы я слегка виноват, что совсем забыл о письме, не распорядился отправить, а стал дожидаться приезда князя. То есть ему следует вести себя так, будто он приехал только что. За это время казна должна уже быть отправлена, простите, перед этим. С ответным письмом от губернатора он отправится так же как ни в чем ни бывало и если проговорится подозрение падет на губернатора.

На миг взгляды маркиза Спорادا и де Ля Воро сошлись и последний получил одобри-тельную похвалу. На этом собрание было закончено. Собиравшиеся вельможи встали и рас-прощавшись разошлись. Первыми и почти сразу со двора виллы Фаворите выехали кавалькады епископа Трапани и князя Сан-Кальтальдо. Первый из них не спеша отъехал в сторону Монре-але. К своему знакомому архиепископу Монреальскому; а владетельный князь угнал в обрат-ную сторону переполненный пылкой энергии и желания подготовить юг пирога сицилийской приманки, и какой! Ни в какое сравнение не идущий с майонезным подливчиком одноимен-ного¹⁴ порта, от которого отказаться невозможно, и съесть как окажется еще трудней.

¹⁴ *название майонез произошло от названия этого города.

Глава XII. Сицилия золотая

В ту ночь походная карета внутри которой в двух ее отдельных частях сидели вице-губернатор со своим личным секретарем де Ля Воро и сюринтендант финансов маркиз Спорара с Бофаро и с телохранителем Касба, подъехали к воротам Монтельто. Бофаро слез и без разговоров заставил стражников пропустить карету с сопровождающими в город. Но залезать обратно не стал, только лишь попрощался с Монсеньором с подножки и через открытую дверцу с зашторенным оконцем.

– Делай все как я тебе сказал, – говорил Спорара как можно тише, дабы князь де Шакка, сидевший на следующем ряде к ним спиной поменьше вникал в суть.

Резиденция сюринтенданта в Палермо представляла старинное и необыкновенное сооружение, особенно зрелищное на фоне синего ночного сицилийского неба. Дворец Циза¹⁵ представлял собой высокую квадратичную коробку в три высоких яруса-этажа, прямоугольные прорези окон в которых совсем не оттеняли вид фасада сходного чем-то с плоской желтой стеной, нарезанной валообразными вырезами оконных ниш. Сложенный из камня цвета не выгорающего на солнце, дворец по ночам освещался желтым светом огня и представлял собой яркое зрелище, строгой коробки с приставленными по бокам суживающимися многогранниками высоких башен.

Пожалуй, говорить о цельном виде фасада было бы зря, если оказываешься перед ним на мощеной площади, а вернее говоря перед дугообразной аркой, доходящей от пола почти до середины, под самый подвешенный герб. Но сама арка была сравнительно узка и кончалась сразу, как под нее заезжали. За ней и внутри первого яруса дворец был практически пол и имел выходы наружу кроме высокой арки, две поменьше, а так же три вовсе не больших прохода по бокам.

Сразу за высокой центральной аркой поперек краем протянулась стена, подпирая не второй, а уже третий, наиболее полный ярус, имевший пять больших оконных проемов, и два маленьких возле среднего, когда как второй этаж этого не имел будучи прорезан конусообразной вершиной арки.

Двухраздельная карета заехала за стену и остановилась. Маркиз Спорара пошел на винтовую лестницу уходящую по телу башни на самый верх в квадратичную голову, выходящую на крышу Цизы, представляющую собой обжитую в итальянском духе площадку, огражденную зубчатой стенкой, и в то же время представляющую собой четвертый ярус, имеющий собствен-

¹⁵ Циза – построен нормандским королем Гильомом I (1154—1160 гг.)

ную маленькую расчлененную крышу, представленную плоскими площадками на сложной надстройке четвертого яруса, незаметного снизу. Состояла эта добротная старинная постройка из трех частей, из которых две крайние являлись ни чем иным, как ответвлениями эспланадных коридоров, заворачивающихся прямым углом и выходящих в ту же сторону, что и средняя часть, представлявшая собой внутри большую залу, подверженную солнцу, с отодвигающейся панели потолка над бассейном, и со стороны широкого входа с площадки крыши основного корпуса Цизы. С этой же площадки, окружающую всю постройку, можно было взойти наверх, по нависшим над входом в залу лестничным пролетам. А с верха, являвшегося самой что ни есть крышей по своего рода мостикам... можно было зайти на маленькие тупиковые площадки над ответвленными коридорами. Обрамлены они были уже не зубчатой стенкой, а фигурной.

В какой-то степени частями крыши можно считать и четырехгранные макушки башен, увенчанные шаром со шпилем, этим элементом арабского зодчества, перенятым на строительство норманнами. Маркиз Спорادا выходил с внутрибашенной лестничной клетки. Будь сейчас жаркий день, не смотря на оконный проем, здесь бы было сумрачно и прохладно. Он любил свой дворец, везде прохладную, затененную и перемежающуюся с косым светом древнюю Цизу, строгую, компактную, необычную. Любил с высоты ее бельведеров, и даже просто выйдя из залы смотреть из-за зубьев, с дикой высоты на город...

В это яркое ясное утро ему не нужно было работать, просиживая за столом лучезарные утренние часы и он с удовольствием простоял их, положив руки на гребни зубьев..., ступив одной ногой вниз пролета и облокотившись на колено рукой..., присев и прислонившись спиной вниз поглядывать, свешивая одну ногу с пуховика, на котором сидел, а другой упершись в противоположный край...

Внизу уезжали и приезжали люди, кареты. К нему подходили справляться и пришлось зайти в залу. С разных мест на одной и той же карете прибывали деньги. Счетоводы резво и долго с ними возились. Последний раз длинная карета заехала под арку, привезла неизвестно откуда несколько опечатанных денежных сундуков, хотя целый отряд охранников, размещенный в белых под черепицей домах справа и слева находился здесь, охранять казну.

Та же кавалькада охранников, что сопровождала привоз, шумно отбыла в обратную сторону, огибая металлическую парковую решетку, под высокими аккуратными кронами сосен пиний.

Приезжал де Карини, озабоченный недостатком тех денег, что позаимствовал он. Но все оказалось в порядке и князю сейчас совсем не было нужным рвать и метать, дабы найти несколько десятков тысяч. Вместо этого маркиз Спорادا пригласил его отобедать, с дороги.

В зале, продуваемой приятным ветерком лучшего времени года, губернатору были показаны деловые бумаги и документы, которые того мало интересовали. Ему было важно узнать на словах, потому что в бумагах он никогда бы не разобрался: все финансовые дела были сданы маркизу целиком и полностью. И как сюринтендант Спорادا заверил его о полном порядке, чем премного обнадежил и успокоил. Губернатор чувствовал себя как будто у него гора с плеч упала, и чтобы он не успел почувствовать и более того заподозрить в... не то что спешке, но внезапности – неладное. И чтобы этого не произошло маркиз Спорادا, чувствуя некоторую моральную ответственность за то, что они столько времени выжидали как сложится ситуация в Испании, завел разговор насчет письма выгребшему Филиппу V, в котором им было необходимо хоть как-то оправдаться. За разговором он протянул губернатору черновик послания, набросанный собственной рукой. Две мысли князю понравились и одна из них была та, что именно на то и указывала, что затяжка была вызвана внутренней обстановкой в самой Испании и ее владениях, когда сдавался и снова возвращался Мадрид, а на севере Аппенин австрийцы хозяйничали в Тоскане. И над самим Неаполем, отделенным от нее лишь Папской областью, нависла угроза вторжения. Отправлять золотой груз туда не стоило. А в Испанию было почти невозможно.

Понятно, что губернатор согласился с содержанием письма и поблагодарил за то, что ему самому не придется ломать голову над текстом, обещал переписать дословно, ничего не меняя.

После долгого обеда и небольшого отдыха князь де Карини и маркиз Спорادا отправились в порт провожать снаряженный в плавание большой корабль при двух пушках и отрядом испанцев из ближайшей портовой крепости. Во второй половине дня корабль отплыл, но еще долго белели его паруса в голубом заливе Золотая Раковина. И только ночью он подошел к Устике и встал в закрытой рыбацкой бухте Пескатори...

Слышалось как в селении завывали собаки, появились огни, но вахтенные никого оттуда не ждали. Их небольшая кучка столпилась у внешнего борта, высматривая небольшое судно, которое должно скоро подойти. Среди них, волнуясь, расхаживал капитан, поглядывая и прислушиваясь к словам итальянцев. Так продолжалось довольно долго. Наконец со стороны юга к борту тихо подошел «Ариман». Полетели зацепные крючья и борты сошлись на abordage. Моментом после с одного борта на другой полезли люди, среди которых часто замечались пестрые африканские пираты. Вооруженная толпа повалила дальше, ведомая двумя предводителями.

Стоявшим, прижавшись к борту итальянцам капитан крикнул: «Стоять спокойно!». Сразу же к ним из общей массы отделились и приблизились несколько человек, окружая и оттесняя. Остальная толпа с преобладанием смуглолицых корсар, дико понеслась по палубе, убивая каждого встречного на своем пути. Полезли вверх, вылавливая запрятавшихся на мачтах и убивать. Уже раздавались огнестрельные выстрелы, уже устремились корсары в трюмы, каюты, кубрики, захватывая спящих испанцев врасплох и только убивая. Против кривых сабель, пик и длинных ятаганов не возможно было устоять, лишь нечастые выстрелы там, где сопротивление еще оказывалось, но повсюду развернулась резня, самая гнусная и ужасная. Кровожадные берберы рыскали всюду ища и находя запрятавшихся, изрубая в куски. Тыканьем острых клинков проверяя тела убитых.

Сицилийцы во всем этом аде собрались возле мощного и коренастого человека, держащего в руке окровавленную секиру и помахивая. Барон дю Валло ожидал когда кончится эта кровавая оргия, с тем, чтобы выпроводить хоть часть из них отсюда. Корсары недобро поглядывали в сторону, где находились итальянцы барона дю Валло, но покончив с кровавым делом по первому же окрику стали выходить.

Из потайной хранилищной комнатки потащили тяжеленные, набитые металлом сундуки. На палубе им помогали, сопровождая под охраной. Корсары видя что тащат прекратили перебираться на Ариман, загудели и бездумно подались навстречу. Зычный крик барона дю Валло вместе с последовавшим выстрелом образумил африканцев. Пошедшие на них ряды итальянцев, которых было больше, заставили убраться на «Ариман», а там загнали в причитающиеся места под запор.

Сундуки по четверо, а то и гурьбой волокли по палубе и через борт к принимающим на следующем судне. В трюме остались лежать тела убитых корсар. Со стороны селения доносились частые ружейные выстрелы и даже пальба, при которой немудрено останутся лежать тела и там. Пожалуй мало стреляли здесь, барон дю Валло распорядился стрелять. Под грохот он присмотрел у борта орудийный ствол гаубичного орудия большого колибра. Указал жестом прихватить.

Сзади к барону приблизился здоровяк бородач, волоча в каждой руке по молодому человеку, каждый из которых плача и слезно рыдая, держась за ногу, молил о оставив им жизнь. Появление двух молодых итальянцев навело дю Валло на мрачные мысли, заставившие поморщиться.

Юношей поставили к борту спиной отвечать на приказ барона, назвать имена.

– Джулио Кастетто!

– ...И Сильвио Коминетто!

– А ну, тихо! – крикнул дю Валло, прислушиваясь к звукам с острова...

Несомненно прозвучал пушечный выстрел, что может быть значило, защитники отбили башню Святой Марии, а это уже недалеко от того места, где пристала корсарская фелука...

– А этих...! – повернувшись к борту, проговорил барон.

А никого там уже не было. Несколько человек вместе с ним бросились к борту, выглядывая из-за него вниз и не замечая в темной воде никого и ничего, принялись отчаянно стрелять.

«Видит Бог, их убил не я».

Глава XIII. Прибытие новых

Под конец исчезающего с заходом солнца дня, при наступлении сумерек в Маонский порт вошло два судна; одно оставим без внимания, то был рыбачий баркас, идущий в конец гавани; другое же судно уже знакомая нам тартана, заворачивающая к причалам и приставшая к одному из них, на деревянном помосте которого, их уже поджидало несколько англичан в красных мундирах.

– Пассажиры есть? – спросили они капитана, по-видимому не собираясь осматривать судно.

– Есть! – ответил капитан, указывая на группу столпившихся у борта затеняющуюся двумя матросами перекидывавшими концы, дабы закрепить у причала и далее принявшиеся перекидывать трап.

– Французы, испанцы, приверженцы французов есть!?

– Нету, нету. – загалдели с трапа все, в том числе и капитан.

Тогда приезжим разрешили высаживаться на берег. Их чемоданы и баулы совсем не просматривали / как было в случае с Ковалоччо/, а только лишь выспрашивали кто они и откуда, окончательно убеждаясь в правдивости общего ответа

Точно такой же вопрос, обращенный к высадившемуся на берег итальянскому аббату с большим мешком в руке и нагруженному старику – помощнику позади, показался первому буквально нападением на его духовную особу.

Преподобный отче отдувался от негодования ли или ж от одышки в своем раздавшемся теле, нехотя назвал себя и еще более нехотя пустился объяснять, что приехал помолиться за упокой души покойной ныне сестры... Безмянных могил на загородном кладбище было множество и в каждой второй могиле изо всех у него лежали сестры. Стоявшие перед христианским пастырем братья только поморщились от такого объяснения.

– И кой черт вас сюда занес! Проваливали бы отсюда, судно еще не ушло.

Но не за тем сюда приехал аббат со своим служкой, чтобы сразу же развернуться. У першего грудью отца имелся как-никак духовный сан, а ряса надежно-надежно его защищала еще более. Что нельзя было сказать об испуганном Бертоне, не имевшего из того ничего и потому тихо забившегося за спину.

Настойчивости аббата пришлось уступить и пропустить, обзывая их вслед папистами. Сами же обратили внимание на полковника Беккендорфа, офицера австрийской армии, прикомандированного по делам. Его-то главным образом они и встречали.

Навстречу отпущенным «папистам» бежал Ковалоччо, немного запоздавший и аббат, никто иной как Витербо, радостно направил свои мощные стопы навстречу обниматься. Ковалоччо наконец-то дождался приезда аббата, давно ему обещавшегося. Не было сомнений, что докатившееся до Обюссона известие о взятии Менорки англичанами и послужило толчком к тому, чтобы немедленно пуститься в путь... И вот они с Бертоном стоят здесь и уже пошли вслед за пообжившемся в этих местах Ковалоччо, подальше от еретиков находившихся не так далеко за спиной. Молодой итальянец вел их на ту улицу, по которой большой отряд англичан пошел в обход, то есть ту, где находился дом, в котором некогда жили граф и шевалье со слугами и где предположительно могли разместиться новоприбывшие. По дороге завязался серьезный разговор: аббат Витербо привез с собой большие деньги с намерениями выкупить шевалье д'Обюссона у властей, на что Ковалоччо сказал, что не раз и сам думал над этим вопросом и говорил на счет этого с графом д'Олон... И тут он конечно же вспомнил что не рассказал о главном, о чем бы мог рассказать...

За то время, что все наши герои волею судеб собравшиеся на этом маленьком островке были оставлены без внимания произошли немаловажные и небезинтересные события с бри-

гом... он перешел на стоянку у цементной пристани что почти напротив портового замка, и с д'Олоном, который теперь служил не только на корабле, но и в самой тюрьме, где имел возможность каждый раз видеться с де Гассе и д'Обюссоном.

Последнее обстоятельство особенно заинтересовало аббата Витербо, так как у него имелось письмо и опять же от отца, которое необходимо было передать. Поговорили еще о том о сем, пока не подошли к двери дома условно носящего название «Золотая львица» и остановились. Дверь оказалась закрытой. С тех самых пор как мушкетеры со своими слугами поспешно покинули здание, вход в него держался на замке.

...Капече Ковалоччо уже довольно долгое время долбился в дверь, на чем свет стоит костеря предположительно того, кто по идее должен был им открыть. «Что такое?!»... – ругался Ковалоччо, приводя в пример Парижские, Флорентийские, Генуэзские и Марсельские гостиницы, попасть в которые можно было без единого пинка ноги и даже толчка руки. В Маонской же дело обстояло наоборот, на порог дома услужливый хозяин не выбежал и дверь осталась глуха.

Не желавший отступать от первоначально возникшей цели разместить аббата Витербо и Бертона именно в этой гостинице. Молодой итальянец снова принялся сбивать свои кулаки и носочки ступней с удвоенной энергией, что получалось уже, что они напрашиваются. Взад переминались с ноги на ногу, не зная ложить ли тяжелые вещи наземь или же сейчас откроют, или же придется идти дальше? Ковалоччо не собирался идти дальше, он твердо решил добиться своего здесь, представляя себе ту эпическую силу, которая разнесет известие о его намерениях по этой большой деревне до самого хозяина и тот прибежит предлагать услуги.

– Ну, свинья, и нахальная рожа! – вырвалось с разнервничавшего Ковалоччо, когда тот увидел, что дверь уже открылась... приоткрылась и в образовавшейся таким образом створке показалось круглое полное лицо с испуганными глазенками, уставившимися на него. Физиономия с пронизательными глазами провела взглядом по сторонам и лишь затем дверь стала приоткрываться.

– Извините, что заставил ждать. Я так думал, что снова мой племянник – дармоед нахлебничать пришел. Он мне надоел уже бездельник, так и норовит проскользнуть. Специально голосок свой мерзкий меняет. – говорил хозяин, пропуская за дверь. Выглянув на улицу, за последним закрыл дверь. Проводил наверх, показав на обои не занятые квартирки. Выбрали одну угловую, ее одной было достаточно на двоих. Ковалоччо предпочитал оставаться в своем номере таверны, как он уже теперь запомнил название «Морской прибой». Аббату Витербо весьма понравилась приятная на вид своим уютом комнатка из-за убранства главным образом: ковриков, настилок, скатертей, салфеток, штор.

– Извольте позавтракать? – спросил хозяин, зажигая свечу.

– Нет, нет, благодарствую, я сыт, давайте счет, ключ и оставьте меня одного. Да и еще вот что. Утром я намерен прогуляться. – говорил аббат сидя отдыхаючи на покрывале. – Так что предоставьте в мое распоряжение ключ от входной двери, я более не намерен торчать у дверей как в этот раз.

– Пожалуйста, как вам будет угодно, а вы не боитесь... скажем, ограбления?

– А что пошаливают?

– По крайней мере деньги с собой не берите, обчищут.

– Кстати, насчет этого! – вступился Ковалоччо. – учти, если ты сам намереваешься нас обчищать, то сразу скажу: – Не выйдет! Плата точно такая же как в прошлый месяц!

Последнее из произнесенного Ковалоччо имело цель напугать хозяина... но тот не раз уже пуганный нисколько не растерялся, и назначил плату. Капече был не резон продолжать грызться не за свои мараведи, на том и разошлись. Правда возник еще мелкий инцидент с деньгами, у приехавших они были по-мнению толстячка не подходящие и согласившись взять плату французской золотой монетой, здесь он явно сжульничал.

Услужливо покрутившись возле них еще... задвинув зачем-то чемоданы под постель и разожгя свечи в канделябрах, только после того как слышал что внизу к двери опять стучатся, побежал открывать.

Оставшись одни аббат Витербо и Бертон прежде всего вынули из-под кровати чемоданы обратно и принялись за оседлые дела. Между тем на лестнице послышались шаги и говор нескольких человек. Старик Бертон обмер, когда ему показалось, что подошли к двери их квартирки, но оказалось, что нет. Вошли в соседнюю и Ковалоччо поспешил окончательно успокоить испуганного Бертона.

– Еще клиент. Уж не из вашей ли компании, тот полковник Беккендорф?...

Когда пришел толстячок разносить перекусить с дороги и по стаканчику, недовольно покосился на еще не ушедшего Ковалоччо, на которого не было рассчитано, выяснилось, что худшие предположения подтвердились.

– Усоседило вас, жуткая личность, вся в себе, граф д'Олон говорит, с ним ни о чем не сноситесь, только через графа. И я с ним сегодня же поговорю, уже иду.

– Не торопись, посиди еще, возьми закуси.

Но перебивать нагнанный голодок Капече Ковалоччо совсем не хотелось, у него были планы успеть на ужин к д'Олону и для этого он сразу же, и стараясь незаметно, вышел на улицу. Уже стояла ночь и он быстрым шагом пошел сначала в направлении к порту, а потом к пристани, у которой стоял «Ореол».

Пройдя к переходному трапу Ковалоччо однако осведомился в темноту. Хотя он часто бывал здесь, именно поэтому его никто здесь не поджидал, но как оказалось кто-то все же там был. Ответили знакомым голосом, показавшимся несколько равнодушным. Баскет провел его на морскую квартиру графа, но уже не через кают-компанию, а через люк. Причиной такому обстоятельству являлось то, что за это время, что прошло нами незамеченным, произошли некоторые изменения и внутри самого корабля, а именно: его усилили дополнительным контингентом лиц, весьма неприятным для графа. От чего он и пожелал от них заколотиться, точнее заколотить свою дверь выхода в кают-компанию, предпочитая лазить через люк.

Капече Ковалоччо проворно звеня каблуками о железные перекладины вертикальной лестницы быстро спустился в комнату Баскета и уже из нее прошел в залу, где сучал сам граф. Зевая он глянул на вошедшего, сидя в полном облачении и в кресле.

– А-а-а... проходи, садись.

Спеша оправдать свой визит и хоть чем-то заинтересовать офицера невыспавшегося перед дежурством, он выложил свои новости о приезде аббата Витербо и полковника Беккендорфа и самое важное:

– ...Аббат Витербо приехал не с пустыми руками, он привез с собой деньги!..

– Сколько? – недоверчиво спросил граф Сен-Жан поднимая глаза.

Капече Ковалоччо и сам было засомневался насчет того, могло ли их быть достаточно у раздираемого долгами хозяйства, но подумав немного проговорил:

– Много; зря бы приезжать не стал.

Граф заметно оживился в разговоре на эту тему, но под конец, надевая сапоги из тонкой кожи, немало удивил собеседника ничтоже-сумятящимся вопросом: «кто такой этот аббат Витербо, имя что-то знакомое, а вспомнить не может».

Итальянец с живостью все напомнил и обрисовал, что из себя представляет сам преподобный отче. Граф же слушая, надев сапоги встал во весь свой рост, беспричинно – дружески похлопал его по плечу.

– Ладно, спешу! Уже пять минут как там должен быть.

Капече Ковалоччо знал, что опоздание к месту службы ему нипочем. Его подчиненные, надзиратели Болл и Фригги всегда вовремя и на месте, а начальнику можно и под хмельком придти... граф потянулся за бутылкой. Ковалоччо поспешил воспрепятствовать этому.

– Нет, я им!

– Им не надо, пустую бутылку куда девать? Застанет вас Уилтон, разгонит, а у меня задумка хорошая есть.

Он стал вспоминать давал ли ему аббат Витербо письмо, которое привез... вспомнил, что отдал сразу как узнал о графе, и графу д'Олону был тут же вручен толстый пакет, взамен вина. Это уже было что-то и д'Олон ушел в приподнятом настроении, но Капече за собой идти не дал, крикнув Баскету:

– Уложи его /обернулся вниз/. Я завтра постараюсь прийти как можно раньше. Спи.

«Черт возьми, на голодный желудок!»

Глава XIV. Выход из положения

Д«Олон вернулся не очень рано, как и говорил. Капече Ковалоччо уже с некоторое время пасся у стола, сбивая голод, его и пробудил так рано только голодный желудок. По виду отдежурившего можно было догадаться, что ничего не вышло.

– Ну что?

– Ничего, милый друг. Порадовать нечем ни тебя, ни аббата Виртунбо.

– Ну что касается меня, то это еще рано говорить. Это нужно еще хорошо обсудить.

– Верно, давай за стол. Где этот бездельник? Бас-ке-ет!!! —возорал д’Олон во всю силу своих легких, так как кричат на подъем. Затявкала даже мирно дремавшая в кресле Матильда, доселе довольная своей жизнью. И самому Ковалоччо сделалось не по себе. До сего момента тихая обстановка предрасполагала к уединению заговорщическому, но за заколоченными дверями кают-кмпании недруги явно попереворачивались в своих постелях.

Вышел Баскет

– Что, сэр?

– Ты, кухар македонский, сегодня будешь?

Через некоторое время спустя, когда они сидели за столом и выпили по обязательной рюмке вина, Капече Ковалоччо отложил ложку и уже изо рта его вырвался первый звук, но был перебит неожиданным вопросом графа.

– Что аббат говорит отец Лашез не сдох еще?..Сквалыга старая.

Нет необходимости говорить, что настрой на решительный разговор у Ковалоччо как рукой сбило и он пошел говорить, что ничего не слышал об этом, да говорить что слышал от аббата Витербо будто бы его жена, то есть Матильда уже не в былой милости при дворе, в ней не нуждаются.

Это последнее замечание особенно понравилось; граф прямо-таки магической силой своего значения, несущего в себе несколько выводов и самый главный тот, что отец Лашез уже не тот, что был прежде. Заманчивое воображение уже рисовало траурными красками срочный... ночной консилиум созванный медиками отца, по его здоровью. Конечно лучше было бы дожидаться смерти Людовика, так намного верней...

...Ковалоччо, как разгадав то, о чем он думает говорил что вернее будет не ждать годами, а действовать как он сейчас сказал.

– Как ты сказал? – изумился граф д’Олон, который как очнувшись от своих мыслей почувствовал, что ему действительно только что что-то говорили и весьма интересное.

– Как?!...Все что я говорил вы ничего не слышали?!

Вид графа, пришедшего в себя, сам за себя говорил об этом. Также неудивителен был и соответствующий ответ – ничего. Капече Ковалоччо расстроился: второй раз показалось говорить невыносимо.

– Граф! Вы каждый день... ночь бываете у Франсуа и Лекока! Что вам стоит тихонько / он снизил пылкий тон до мямлющего, как заговорщик испугавшись чужих ушей через дверь/ ...тихонько вывести их из тюрьмы, дальше! В гавани почти не осталось английских кораблей. Можно будет уйти на «Ореоле»...

Граф д’Олон усмехнулся словно над детской фантазией.

– Куда ты уйдешь? Вблизи постоянно курсируют два-три корабля и ...прицепятся обязательно. Хорошо, а как ты представляешь себе отплытие с английским экипажем. Учти они железно закрываются на ночь, когда спать ложатся. И тихо их не взять.

– Условия идеальные! – вариантов несколько! И даже самый худший из них. Мы берем часовых, выпускаем нашу команду, а англичан мы обыкновенно удержим огнем. Второе:

можно обойтись и без этого. Необходимо только нанять таргану или баркас, чтобы он стоял в укромной бухточке. Пару, вернее две пары лошадей и мы отплываем до Мальорки.

– Думал я об этом, не выйдет, это же море, и что такое весла против десяти узлов?

– Но ночью, разве нельзя успеть за ночь?? Я же Мальорку видел с нашего берега! А за ночь!..

– На ночь ворота закрыты... А вокруг берега постоянно ходят с осмотром и будь уверен, поинтересуются всякой лодкой. Тем более что они изъятые на сезон. Предложи что-нибудь другое пореальней, мои мозги уже отказываются думать, может твоя голова светлей.

– Предложу. Я уже разузнал у цыганок насчет отравы и одна ведьма мне пообещала... Нет, только усыпить!

– А то я уж испугался, такой грех на душу брать придется.

– Ничего не придется, даже не поймут что что-то происходит. Ну мы испробуем прежде. А потом, представляете, потихоньку отчалим и белые паруса натянем. Я представляю как это будет чудесно. И кто узнает! Пока спохватятся мы уже на пути во Францию будем! – горячо доказывал молодой итальянец и перевел разговор на самого графа. – А уж после того как вы перегоните целый корабль от англичан во Францию уверяю вас вам все проститься. Известие об этом дойдет до ушей самого короля, и он этот факт не оставит без внимания. Ему придется все простить.

– / улыбаясь / Ты забываешь, что Франсуа во Францию тоже нельзя, обет. Так что умерь масштабы, а так, хорошо, хвалю. Доставай зелье, я поговорю с ними.

Глава XV. Через две ночи

Так уж выходило что главными событиями последнего времени в жизни Ковалоччо становились ночные визиты на бриг «Ореол», хотя встречи с графом д'Олоном являлись только одним направлением той кипучей деятельности, которую он развел. Но добиться чего-либо существенного ему за эти дни ничего не удалось и сейчас он двигался по главному направлению ни с чем конкретным, он лишь прояснил себе будущую обстановку и расстановку дел.

В море штормило, даже в закрытой гавани волны создавали сплошной шум и сильный холодный ветер заставлял поежиться. Ждавший его у трапа /за бортом/ Баскет сделал движение рукой: молчать и они быстро стали пробиваться к люку. На другой стороне у борта перекрывая шум прибоя кричали по-видимому что-то устанавливая.

Успевший продрогнуть Капече Ковалоччо с удовольствием спустился в люк, в теплый устойчивый воздух. Но первое, что бросилось ему в глаза по выходе из темной маленькой прихожей: это не развалившийся в кресле граф, который сейчас никуда не собирался, а трещавшая некогда входная дверь под натиском пьяной возни с той стороны. Откуда же так же были слышны все звуки разошедшейся пирушки, разве что не до горланных песен.

– Посмотри, сволочи что творят!... Я сейчас не выдержу, сорвусь. Баскет иди предупреди эту свору. Здравствуй, друг сердечный, чем порадуешь?

– Пока нечем, зелье стряпают, отстаиваться еще. Я пришел узнать как на это смотрит шевалье д'Обюссон?

– Одобряет! Одобряет, он еще мало того, подсказал одно хорошее дело... устроить на службу сюда капелланом¹⁶ аббата Витербо. У меня в голове не укладывается, как это будет прекрасно. Во-первых, нас станет четверо и что самое главное через аббата мы получим возможность запросто сноситься с морячками. А то же ведь я сейчас здесь оказался на положении жильца...

...Как здесь повился этот мозгляк Беккендорф, он стал здесь всем заправлять.

– Так что невозможно даже как-то поговорить?

– Это ерунда все, всегда успеется, и не с ними, а с де Ферраном достаточно будет. С ним можно договориться.

– Тогда прекрасно! Устраиваем отравленную вечеринку, кого не сморит, матросы уймут... выпускаем матросов, ждем вас...

– А вот в это «ждем» мне не больно-то верится, после душного, ужасно душного, вонючего трюма они ждать несколько часов кряду может быть не будут никогда. Они тебя просто не поймут: кого-то там ждать. Никакие нервы не выдержат, когда ветер в лицо... Люди есть люди. Ты им доверяешь, я нет.

– Это перебор. Подозрительность все погубит. Своими силами мы либо не справимся, либо сорвется. Тот же полковник Беккендорф придет, он же не здесь живет.

– Мозгляка Беккена никогда не называй мне полковником. Это ничтожество, которое может только мелко гадить и подсирать. – не разбирался в выражениях граф д'Олон.

Выждав время и дав гневу улечься Капече Ковалоччо раздумывал вслух:

– Итак, что у нас в активе: решительно настроенный офицер с прекрасными возможностями, о котором пока ничего не знают, но кредит доверия ему почти растаял после тех объяснений, которыми он пользовался при переходе на службу в тюрьму или почти растает, когда он будет водворять католического аббата католикам – арестантам. И появление на корабле полковника Беккендорфа первое тому подтверждение...

¹⁶ капеллан – морской священник

Ковалоччо пометавшись поспешно скрылся в спальне-каюте Баскета. Сверху, чувствовалось, вовнутрь спускалось несколько человек. Первым из прихожей вышел полковник Беккендорф, за ним Баскет.

В английском языке отсутствует неуважительная форма обращения, совершенно не допустимая в данной обстановке, но в той небрежной манере с какой обратился к д'Олону полковник Беккендорф, форма обращения чувствовалась самой неуважительной и по тону, и по нелепости самого вопроса.

– Ты флаг-кэптэн?

– Ну я флаг-капитан на судне, что нужно?

В залу вслед за ними ввалились еще несколько молодцов: морды плеч шире, и это сразу настроило графа явно агрессивно. Вторжение на свою территорию он воспринимал болезненно, но сия территория по сути дела не смотря на его захват продолжала оставаться общей, и не в силах будучи что-либо поделать приходилось сдерживаться. Баскет чувствуя себя виноватым за спровоцированный инцидент отошел на сторону своего господина, то есть исчез у него с поля обозрения.

– Да, здесь недурно устроился. Как так? На корабле не служишь, служишь тюремным надзирателем / удар попал в самую точку, невольно задев за живое, и он покрылся красными пятнами, когда услышал пронесшийся сзади Беккена смешок/... Занимаешь только места. Пора искать другое место.

– Прежде чем распорядиться объясни кто ты такой здесь есть?

– Объясняю: мне поручена отправка военнопленных в Барселону и вся команда корабля поступила в мое распоряжение. Тебе ясны мои полномочия?

– Теперь мне стало понятно почему ты здесь так часто бываешь. Так вот, полковник Беккен.../д'Олон и в самом деле закашлялся и высморкался в носовой платок/.

– Потрудитесь договорить мое имя! – потребовал тот.

– Дорф¹⁷. Начало я уже говорил, сопли потекли при этом, – самоуничижался граф, хорошо зная, что это нисколько не во вред, а лишь только увеличивает силу скрытного оскорбления. С прежним простодушием продолжал издеваться.

– Я извиняюсь, «дорф» это по-немецки будет дерёвня, а Беккен, тоже в том же роде? Деревенский олух значит в перекладе?..

Побледневший, позеленевший полковник Беккендорф угрожающе подошел, вынужденно подняв голову, чтобы смотреть в лицо.

– Сдай свою шпагу, – проговорил он со всей зловецностью, какую только мог излить.

Д'Олон с чувством собственного превосходства смотрел себе под подбородок на щупленького по сравнению с ним дохленького телосложением петушка, продолжая как ни в чем ни бывало держать руку на эфесе своей шпаги. Назревала стычка, дуэлей не полагалось, значит руками и может ногами... Баскет буквально вывел Ковалоччо из спального кубрика, считай выпихнул, дабы предотвратить... отвлечь, и появление не знающего, что и делать молодого итальянца отвлекло внимание матерого склочника. Растерявшийся Ковалоччо представлял для него отличную мишень для насмешки с рикошетом. Его опытный глаз смекнул, что молодому человеку сейчас можно улыбнуться, но в улыбке его по словам Ювеналия было больше алоэ, чем меду:

– А-а, какая славненькая девушка там пряталась, на ночь глядя.

«Морды» за спиной у Беккендорфа в диком лошадином хохоте закачались словно колося на ветру. Д'Олон спустил полковнику это отступление, так как лицо у Ковалоччо было действительно девичье. Он ничего не понял, и не мог себе позволить смеяться как все. Капече Ковалоччо не знал английского.

¹⁷ * что в переводе с немецкого означало деревню

Получив возможность со смехом ретироваться полковник Беккендорф крикнул в зад:

– И чтобы к завтрашнему вечеру подыскал себе новое жилье, есть казармы!

– Все заключенные под моей ответственностью, что здесь, что там, так что все дислокации через меня. А если будешь копать, сменю всю охрану... как не внушающему мне доверия, учти.

Полковник Беккендорф, пошаркивая подошвами сапог о перекладины, при подъеме бросил в ответ, на старую тему снова возбудив блудный хохот /наверху/.

– И чтоб без женщин на корабле!

Граф д'Олон, которому хорошо что потом дошло, и без того уже выведенный из себя, стронулся с места вслед за ним, но Баскет и Ковалоччо с силой удержали его от опрометчивого шага. Крышка люка захлопнулась.

– / Ковалоччо / И вот то, что вы сейчас поссорились тоже можно отнести к минусам. Теперь мы уж как будто на виду.

Скоро всех вывозить собираются... Надо спешить.

Глава XVI. Друзья Франсуа

Ковалоччо уже засыпал, когда в дверь его комнаты в таверне «Морской прибор» постучали и он нехотя открыл глаза, спросил кто?..

Оказалось это Баскет, его чистую французскую сильно картавую речь он признал сразу и вставая, одеваясь отвечал, уделяя внимание чистоте произношения. Предшествующий год ему почти не доводилось говорить по-французски.

Открыв дверь Капече Ковалоччо впустил не только Баскета, но и двух таких пока не сдившихся в его сознании людей как граф д'Олон и аббат Витербо. Последним зашел Бертон. Закрыв за ними дверь и обернувшись Ковалоччо даже удивился... Комната наполнилась знакомыми ему людьми, казалось до отказа, от чего он воскликнул.

– О как нас много! Друзья мои...

– А ты думал сколько?!..Пятеро, – недоуменно проговорил граф, находя место где можно присесть и аббат Витербо начал говорить.

– Не так уж нас много, дети мои, но мы сильны в своем стремлении... Их как-то невольно и не спрашивая никого захватило в опасное и невозможное предприятие, обратного хода которому просто не могло быть.

И далее продолжалось в том же духе с уклоном на религиозность, как будто приехал он сюда не растрясти жирок и навестить своего давнишнего ученичка, малость подзалетевшего, а развести религиозную деятельность и облегчить жизнь узникам-католикам... Но кончился весь пафос прямо-таки несерьезно:

– А вот что будет если вы, господин д'Олон обыкновенно выведете его, вернее их и мы спрячем их в заранее приготовленное место? За деньги кто не спрячет? Хотя бы под тем же подполом, как доискаться можно будет? Суметь, так черта спрятать можно.

– Доишутся, преподобнейший, доишутся. – поспешил его успокоить граф д'Олон, обмякшим лицом, готовым расплыться в улыбке.

Ковалоччо так же принялся разубеждать аббата сопоставляя: прятаться нужно будет всем, а если найдут кого, то игра не будет стоить свеч, да и потом как выбираться вообще с острова? А черта конечно спрятать можно будет, тут не такие жители... не доносят /? /.

Беседа их протекала в рассудительно—обсудительном духе и коснулась даже артиллерийского вооружения «Ореола». При вопросе обращенному к д'Олону, тот недовольно поморщился от пошедшего пустомелия: две пушки справа по борту и пять пушек слева. И вообще уж он поворотил нос от Ковалоччо, когда тот в мечтах, начал в то же время объяснять как ему следует выводить д'Обюссона и де Гассе: суть же заключалась в том, что надзирателей вовсе необязательно «кончать» или же спаивать снотворным, а следует лишь осторожно от них вывести и уйти через коморку. Те навряд ли заподозрят и может статься так, что побег обнаружится только к утру.

Граф прервал по его мнению: зряшные, ненужные в данное время фантазии своим вопросом к нему относительно снотворного:

Готовится.— с неуверенностью ответил Капече Ковалоччо на тревожную для него тему.

– Да что там готовить!?! – вспыхнул д'Олон, – Нарвал, то есть надрал из маковых бутонов этих волокон, намешал, вот тебе и вся любовь!..Сколько они с тебя тянут?

– Тридцать соверенов.

– Дурят, аббат Витербо ни в коем случае не вздумайте ему давать таких денег! И денег не увидите и зелье не получите! Пока они мне не покажут, как оно ложит, никаких денег, и я сам за него заплачу.

– Да нет, ну что вы! – возразил аббат Витербо о чём-то своём духовном наверное?

– У меня есть одно вернейшее зелье, уделает верно до поросячьего визга!

Дальнейшее продолжение беседы поддерживалось главным образом Ковалоччо задававшим ряд вопросов в итальянском стиле, так что граф не успевал на них отвечать и нервничал, пеня на сумбурность. Обсуждались некоторые детали и он обещал «отрезать».../веревочную лестницу из оснастки корабля /.

Последнее явилось завершением всей беседы, послужившей в большей мере сближению пяти соратников, чем выработке какого-либо важного решения. Граф д'Олон, вставая и выходя в полуобороте проговорил оставшемуся инициатору сей нешуточной затеи:

– До чего здесь у тебя шумно, – / снизу в открытую дверь неся балаганный шум переполненной таверны/, – Перебирайся-ка лучше в «Золотую львицу», там тише, вот аббат Витербо и Бертон съедут...

– А куда они съезжать собираются?

– Предположительно на корабль, так лучше будет, – ответил аббат далее объяснив, что они прямо сейчас идут на «Ореол» устраиваться в том изначальном смысле, что устраивать свои дела, но не в смысле работы, ибо почтенный старец шел заниматься пасторской деятельностью только из христианского милосердия, и согласен был не за деньги.

– Ну, желаю удачи! – пожелал им вслед провожавший у дверей Капече Ковалоччо, чем вызвал у графа недвусмысленный взгляд назад, несколько оскорбившегося, таким напутствием.

...Аббат Витербо и Бертон должны были поселиться в спальне Баскета, а сам Баскет в прихожей, или в зале «морской квартиры»; у графа д'Олона была своя спальня-кубрик.

Ложась спать Ковалоччо еще подумал о том как неестественно звучал его картавящий голос. По-видимому сам французский не картавый и каждый должен на нем говорить в зависимости от звучания своего голоса, ведь много людей, которых ему доводилось видеть говорили совершенно по-разному... ему вспомнился эпизод из своей жизни во Франции, обыкновенный., ничем не примечательный: по улице ему навстречу прошли громко говорившие... Попадет ли он туда, ему очень захотелось отсюда выбраться...

На следующий день вечером, /начинавшимся все еще рано/, Капече Ковалоччо не оставалось ничего другого, как пойти узнать о том удачно ли прошел вояж его соратников на «Ореоле». Должен был удачно: сначала граф впустил аббата со служкой к арестантам, провести богослужение... как раз воскресенье! А уж после священнослужителя ни у кого рука не поднимется выгнать, христиане же ведь! Он очень на это надеялся, но идти узнавать на бриг побоялся, чтобы снова не встретится с полковником, а потому решил идти в гостиницу и там узнать. В любом случае ему нужно было идти туда и справляться там, чем тише и скрытнее, тем естественно лучше.

Только на пути к дому вспомнил, что там как раз наверняка и можно столкнуться с полковником Беккендорфом, он там живет, но это уже не свернуло его с пути. Как никак соседство с этим неудобным человеком тоже могло принести свою пользу.

Толстяк открыл дверь без промедлений так же моментально расплывшись в улыбке.

– Здравствуйте, сеньор Ковалоччо, мне о вас говорили, заходите пожалуйста, всегда рад.

Капече Ковалоччо видел в посвященности хозяина только лишь плохую сторону: «будет продавать, такие весельчаки всегда и продают».

– Послушайте-ка любезный, нет ли у вас откушать, только побыстрей.

– Обязательно будет, подождите четвертинку и вы такое попробуете! Ум-м, пальчики оближите, вы такого наверное еще никогда не пробовали, суп с сардинами.../ клиент не выразил ни малейшего восторга /, у меня постояльцы никогда в недовольстве не бывают, всегда платят знают за что...

Последнее из сказанного несколько поколебало постояльца в спокойствии и он засомневался:

– И сколько же у вас платят?

Платили много, чему толстячок и радовался, целый реал на день, и Ковалоччо не долго думая решил платить, рассчитывая в скором времени отчалить. Не деньги были главным в его уме.

Он прошел вслед на кухню, располагавшуюся тут же слева от двери и там уже при вкуснейших парах из кастрюли, толстячок начал жаловаться на свое безденежье... от чего ему чуть не пришлось подаваться к евреям-ростовщикам. Ему бы всегда заняли, он видный человек в городе. Не так давно дочку удачно пристроил, но и все равно денег ужасно много ушло, зять до того крохобор оказался, ужас!...

– Правильно в народе говорят: дочку замуж выдаешь, хозяйство как после пожара, ничего же ведь дельного не осталось... женщина, она, ей что главное? Главное хозяйство иметь, и не так деньги за ней важны...

Выходя, на лестнице Капече Ковалоччо нос к носу столкнулся с полковником Беккендорфом! Еще бы несколько секунд и он бы вышел на улицу, но нет же нужно было выйти как раз в тот момент, чтобы сойтись! Полковник, как и Ковалоччо остановился, но в отличии от последнего не замер, а изобразил недовольную мину, с той же степенью едкости выговорил ему нечто неприятное, из чего он понял только то, что говорят по-английски и может быть ругаются плохими словами. В ответ лишь пожал плечами...

Уже наверху у себя Ковалоччо узнал от толстячка, что в соседях полковник будет у него недолго.

Пошли дни, главным образом ночи, но ничего существенного так и не произошло, разве что аббат Витербо со своим помощником Бертоном прочно утвердились на «Ореоле» на правах капелланов. Сей процесс протекал супротив воли и желаниям полковника Беккендорфа. Он захватил на корабле все в свои руки, но графом д'Олоном у лорда Уилтона было испрошено особое разрешение, кое было дано.

Не остался в долгу и Беккендорф; графу д'Олону пришлось заплатить за несоблюдение мундира, когда он, как таковой вообще на нем отсутствовал, в служебное время, явившись в тюрьму в дворянском костюме.

Прошла еще одна пара выходных ночей; граф д'Олон с нетерпением заступил на службу, напрямик направившись в карцер. Де Гассе спал, он никогда не вмешивался, предоставляя решать другу и посему д'Олон чуть ли не накинулся на шевалье д'Обюссона с требованием начинать. Отправка была на носу! Беккен более не собирался продлевать квартирную плату / сведения доставленные Ковалоччо/. Скоро должен был приехать назначенный капитан, вернуться с маневров у Сюдаделы. Медлить уже было нельзя! План графа был предельно прост: дожидаться ночи перебить оставшихся вахтенных, выпустить матросов, а самому пойти сходить за ними... Он даже мог это сделать сейчас и при чем они могли сразу пойти, переждать где-нибудь в парке или же лучше самим помочь делам на корабле..., но д'Обюссон не соглашался ни в какую, и всячески отказывался под разными предлогами. Говоря что ничего хорошего из этого не получится, обязательно сорвется, один только крик и все будет загублено, мало того, арестованными окажутся все и это в лучшем случае!.. Большие сомнения им строились и насчет дальнейшего пути.

И после той ночи граф вернулся на «Ореол» в ужаснейшем состоянии. Все приходило в упадок... / аббат Витербо в своей комнате вел религиозные беседы с капелланом англичанином /, каждый чем-то занимался, Ковалоччо давно уже не было видно.

Сен-Жан д'Олон разочаровался. Вместо того чтобы ложиться спать он взялся за вино. Тяжелые, безысходные думы омрачали его чело, без того омраченное за последнее время. Результатом этих размышлений и как следствие было то, что он этим же утром сел на коня и ускакал из города.

Вернулся он поздно, но не с пустыми руками и при следующей встрече с шевалье д'Обюссоном склонил его к действию, но не сразу. Пришлось звать к помощи графа де Гассе.

– Шевийон! Да образумьте же его! Может быть завтра будет поздно... вернется капитан, а это значит плюс еще!... и десяток с ним. На капитана у меня рука не поднимется. Не сегодня-завтра: последний день; дальше пойдут мои отдыха...?

Чувствуя, что д'Олон настроен решительно и произведет все без его согласия, подумал что лучше бы тогда не только согласиться, но и настроить самого графа. И то, и другое нужно ему было как толчок; для чувства верности, как командиру собирающемуся вести своих солдат в рискованный маневр, получить на этот приказ.

Выражаясь одобрительно об акции подготовленной графом, Франсуа и самого охватило желание обрести свободу. Стены подземелья как никогда прежде давили на него, ему стало невыносимо от того, что он не решался...

Засидевшийся граф спохватился, заторопившись взять пустую бутылку и вышел из карцера.

Всю ночь он просидел в кресле у раскрытого жалюзи окна каморки. Только свежий прохладный воздух и спасал ее от прелого запаха двух топчанов вместе с еще какой-то ерундой, заполнявшей пространство комнаты... Светила луна и из окна были видны голые мачты и реи брига.

Глава XVII. Именины графа Д'Олона

С нетерпением дождавшись завершения служебного времени, граф д'Олон дошел до «Ореола» и спустился в свою «морскую квартиру», где его как обычно ждал стол с явствами поставляемыми из таверны. Но прежде чем усесться за тарелку он достал из бюро бумагу и чернила, собираясь писать. Но появился Баскет, и ему расхотелось. Он отослал Баскета за Ковалоччо и велел на словах ему передать чтобы тот немедленно явился к нему. И еще.../ остановил /. Нужно бы было все же написать. Велел заказать в таверне небольшой праздничный стол на двадцать персон... /вдруг залиvisto расхохотался, представив себе идущую фигуру полковника Беккендорфа, который как обычно придет питаться, а ему не хватит.../ и нарочно нужно будет подсчитать сколько человек без него. И судовому повару сказать, чтобы ничего не готовил на это вечер. Кормит и поит он!.. по случаю своих именин.

Граф д'Олон любил утреннюю еду, когда он бывал наиболее голодным и усталым. А после, в сладостной истоме сонливости усталости и отдыха улечься в постель с тем, чтобы наверняка заснуть. Но не успел он встать из-за стола, как Баскет уже вернулся.

– Его нет нигде: ни там, ни там.

– Что значит нет нигде? Пропал? Не может так быть, что это Беккен что-нибудь с ним сделал?

– Я не думаю так. Консьерж видел месье Ковалоччо перед уходом. Он предупредил, чтобы на него сегодня не готовили.

Граф д'Олон стукнул себя ладонью по лбу от досады охватившей его от сего сообщения... Когда надо, его на целый день куда-то черт понес!.. Излишне говорить, что ушел д'Олон в свою опочивальню из силы шопотом ругаясь на чем свет стоит на этого Ковалоччо.

В полумраке деревянной каюты он заснул быстро, но отоспал явно не все, проснувшись... странные шумы по телу корабля и ржание... У него сердце екнуло. Приехал капитан!??

Отозвавшийся на его слабый зов Баскет успокоил его уверив, что это производится погрузка трех десятков коней из трофейных, для переброски их австриякам.

– Хммм. А кто производит?

– Полковник Беккен.

– Эта падаль нарочно выбрала время, когда я сплю!.. Падло!

Не смотря на то, что граф утолил свою злость тем, что дал волю своим чувствам выговориться и сильно..., но обуревало неприятное чувство... от самого факта погрузки. Ощущение чего-то утерянного, безвозвратно ушедшего вместе со вторжением.

– А о Ковалоччо справлялся?

– Конечно, его все нет. Я предупредил консьержа чтобы тот... как появиться... сразу отсылал...

Граф Сен-Жан д'Олон думал о своем. Сон был сбит и уснуть было невозможно от подстегивающего ликующего чувства – сегодня!

Он вышел наверх, на палубу, по которой было много раскидано навозной соломы. По борту расставленно в ряд несколько тугих мешков с фуражем, которые поодиночке стаскивали вниз. Лошади уже находились все в трюме, устроенном под конюшню... было тихо, но состояние безмятежности не возвращалось, все казалось что-то... и лезли сомнения. Но хорошо уже было и то, что этот подонок Беккендорф – гниль навозная, нарочно упер табун скотин загодя, чтобы только доставить неприятное ему. Если это было так, то над ним остается только позлорадствовать. Хорошо было бы его заманить, оставить на корабле. Это было бы просто замечательно, лучшего средства мщения не найти.

И дальше продолжая строить планы и прожекты, граф д'Олон зашел на ют¹⁸, откуда при великолепном росте мог охватить весь бриг взглядом, как будто наблюдаемый откуда-то сбоку. «Ореол» являлся отличнейшим трехмачтовым бригом, имея отличную фок-мачту с марселем и брам-стенгой и грот-мачту с контр-бизанью и флагштоком из старого, но на редкость стойкого дерева. Из парусов были представлены: треугольный парус от носа. При длине до трети ярда¹⁹ корабль был легким и быстроходным, что по всем параметрам превосходило каравеллы Колумба... и этакую-то махину предстояло угнать! Дух и воображение захватывало, когда представлялось, как этот узколинейный морской конь унесется в открытую даль. Успеть всего лишь до ближайшего острова, а там даже загнать его на берег, или чтобы уж точно не достался врагу раздолбать корабль о камни.

Отсюда же город был виден лишь отчасти, но казался как вымершим. Судя по тому, где стояло солнце и как жарило, определялось время сиесты.

На небе не было ни облачка, атлантический ветер дул в юго-восточном направлении с силой, при которой они в считанные минуты выйдут из гавани в темное ночное пространство, – только бы не было луны... и они оказались бы неуязвимы для батарейных бастионов способных изрыгать ядра на добрые три-четыре мили... / как ему казалось/. Только бы прошло все удачно в первое время!..

Граф д'Олон прислонился на актерштенвень²⁰, наблюдая за тем, как ведется работа по загрузке мешков с фуражным зерном и подметке палубы от нанесенного сена. Удар медного гонга с камбуза стюарда²¹ последовал тотчас после окончания этой работы, созывая на легкую дневную трапезу.

Под вечер, когда его никто не ожидал прибежал, Ковалоччо с таким запыханным видом как будто у них на «Ореоле» в самом деле что-то случилось.

– Что случилось?!

– Ничего, у меня на сегодня назначены именины. Понимаешь?

– Как это ничего?! Поздравляю!!

– Ты погоди поздравлять, и слушай лучше. У меня они только назначены...

– Так что не состоятся?!

– ...? Что ты такой взбалмошный сегодня? Что с тобой случилось?

– Я был у цыганок!

В ответ на это графа перекривило и некоторое время он был просто зол на Ковалоччо.

– Ну какие здесь могут быть цыганки?! Где ты их откопал?!... С нищенками связался какими-нибудь!... Отрезвительной гадости подсунут, так нас из-за тебя всех на рее вздернут!..

Дверь приоткрылась и заглянувший к ним в каюту Баскет молча приставил палец к губам. Разговаривать нужно потише, в другой комнате / д'Олон вспомнил / аббат Витербо ведет религиозные споры...

Капече Ковалоччо стоял перед графом сконфуженный не столько от перспектив, сколько от его нападок. А главное то, что снотворное уже приготовлено он привёз и показывал его: порошок завернутый в белую тряпку. Назавтра он договорился заплатить и завтра же уже можно начинать...

– Да какое же завтра, когда – сегодня!.. Завтра уже уходим, лошадей даже загрузили. Только сегодня. Под вечер состоится праздничек. Вот тут мы их и возьмем. / от удовольствия потер руками /. Иди сюда, смотри!

¹⁸ кормовая часть судна

¹⁹ около сотни метров

²⁰ деревянное окончание кормы судна

²¹ корабельный буфетчик

Он приблизился к углу между досочных стен и сорвал попону с ...бутылок с вином, анисовой водкой и бочонком...

– Я их спою!

– С маковой росинкой?

– Да ну к черту твои усыпители —отрезвители. Тут наверняка действует. Вино – столетнее! Анисовка нагнана как слеза, ее дыхнуть невозможно – защиплет!

– А это что? – указав на бочонок, спросил Ковалоччо.

– Что, пиво, они без пенистого эля не могут.

Капече Ковалоччо легко удалось открыть крышку, обернулся:

– Ты сюда не добавлял?...На пиво налягут – не споишь.

Он самодовольно откупорил бутылочку анисовой водки и хихикая опорожнил ее в бочонок, сделав светлый эль еще более светлее.

Понявший юмор граф тем не менее озаботился:

– А нос воротить они от этого пивца не станут?

Попробовал, еще даже лучше стало, приятней на вкус.

– Ну, ладно, ты вот что, сиди здесь, никуда не уходи. Через час примерно здесь появится этот гнус... Мы-то начнем на пол часа позже, так что он покрутится здесь и уйдет. Твоя задача проследить за ним, чтоб он не помешал нам случайно. Если до двенадцати останется на своей квартире бай-бай делать, возвращайся на корабль. Ну а в случае чего... и прикончи.

– Не-е...

Хоть и зряшную и чреватую осложнениями он давал Ковалоччо работу, но оставлять полковника Беккендорфа без присмотра было опасно вдвойне; он вечно где-то ходит / мнение графа д'Олона /.

Выйдя из каюты-опочивальни встретился взглядом с Баскетом, притулившимся к столу, посреди залы.

– Как там?

– Порядок, сэр, столы расставлены, накрыты скатертями. Осталось только ждать.

– Ты вот бы что сделал. Отнеси им боченок пива, пускай подкрепятся. /тише/. И влей туда еще одну бутылку анисовки. И следи за Беккеном, как придет или уйдет дай знать об этом Капече.

...Да, а там что? – указал д'Олон на дверь, откуда слышались латинские выражения. — Что-то не нравятся мне эти собрания, а особенно второй не нравится. Что этот аббат Витербо говорит?

– *Omnis civitas corpus est*, – доносилось оттуда, когда граф устремился вверх. – ...что значит: плохой источник кровь развратников, кровь еретиков —еще худший! – запугивал протестантского капеллана отец Витербо, к которому тот проникся глубоким уважением сана, знанию латыни и красноречию.

– *Veritas veritatum* – это истина из истин.

– Но протестантизм ничем не противоречит христианской вере, она так же заставляет верить во Всевышнего. Он у нас один. И в догмах протестанты вернее Богу! Умеренность – вот главная добродетель! Монахи-католики погрязли в обжорстве.

– *Merum sobriam male obet*, – возразил аббат Витербо, на казавшуюся неоспоримой речь монаха, ответив латинской фразой, что значило: излишняя умеренность плохо пахнет. А вся латынь казалась тому выбранной из Библии и истинной.

– Она зачастую бывает лишь лицемерна, – то есть умеренность, продолжал аббат, – Добрые католики-монахи если когда и распустятся, то после усиленно каются и премного искупают свой грех. И большей частью на них наговаривают заклятые враги истинной веры: пытаются расколоть верующий мир посеять семя раздора в души каждого и натравить друг на друга.

– Но не кто иные как католики нанесли мне большой ущерб.

– Воздай за зло добром, так гласит заповедь Божия.

– Я сомневаюсь...

– Блажен кто сомневается. Это сын мой тоже заповедь. Всяк сомневающемуся дано время, иначе в загробном мире его ждет ад!

– Господи! Прости меня! *Mea culpa*²², – вскрикнул вдруг испугавшийся монах, чем разбудил задремавшего было Бертона, посмотревшего на взбесившегося монаха как на ненормального.

– А твое отступное время боюсь прошло, и невозможно будет никак вымолить прощение и умалить грехи свои, которые ты скапливаешь, читая иные псалмы.

– *Mea culpa!*... *Mea culpa!* – шопотом твердил донятый монах, раньше бывший католиком и всегда благоволивший к прошлому, и наверняка бы вернулся, если б не карьера. Но красноречие ученого аббата Витербо к старости становившегося все более религиозным за дни и долгие часы разговоров брало потихоньку верх, доходя порой до слез.

– И я бы охотно спросил тебя, сын мой, и даже прочитал бы: «*Ih Manus*» в руки твои, во спасение души твоей, но в искупление этого мало. Отступничество есть великий грех.

– Как мне быть?

– *Nic portu sabitis* – здесь спасительная гавань. И для этого совсем не нужно никуда ехать. У Сьюдаделы есть святая обитель, – указывал рукой аббат Витербо через деревянную стену вглубь острова. – Год послушничества – хорошее зачинание.

– Но на мне висит долг службы, я обязан быть исповедником для протестантов. Я присягал на верность английской королеве, наконец меня просто не отпустят, по закону я должен выполнить свою миссию. Но закон!?

– Присягал на верность протестантке, ерничке. А что касается законов, знаком ли тебе этот псалм: *Fiat ut a voluit Deus: Deus jura hominum fecit* – да исполнится Божья воля, Бог устанавливает законы человеческие.

– Но мне не дадут вступить!

– *Mihil fakilius* – нет ничего легче, важна искренность. Тебе нужно покаяться в своих грехах и исповедоваться, только тогда я смогу заступиться за тебя в своих молитвах перед Богом и настоятелем обители. Но для этого ты должен очень много каяться квантум сатис²³. Читай «*Ave*» и «*Pater*» они благотворно помогают. Пойдем я запру тебя на ночь в молельне. Я потом решу когда будет *confiteor*²⁴.

...Баскет облегченно успокоился на счет того, не собирается ли аббат переманивать капеллана на свою политическую сторону и посвящать в их планы, побежал докладывать графу д'Олону о том, что один уже готов, со слезами на глазах.

– Ну и что?

– Как ну и что, он же ведь не пьющий, – оглядевшись по темным сторонам на палубе, стараясь потише, проговорил он графу.

– Сами же и довели.

– Но он не пьет, вообще не пьет.

– Вообще не пить невозможно, от жажды умирают...

...Сколько сейчас времени, не пора еще начинать?

– Минут через десять должен прийти таверщик, а вот он кажется и идет.

– Это эта гадина кажется ползет... Так, ты стой здесь, следи, я пойду вытравлю его оттуда. Скажешь Капече, когда этот мозгляк слиняет отсюда.

²² моя вина (лат.)

²³ в полную меру

²⁴ исповедуюсь

Граф д'Олон, постояв еще немного, дождавшись когда полковник Беккендорф взойдет на корабль пошел за ним. В квадратной зале, / дверью заколоченной от залы морской квартиры/, у столов уже собрались несколько человек, преимущественно игравших в карты на белых скатертях. Полковник Беккендорф стоял, пытаясь разобраться в чем тут дело. Д'Олон ожидая за собой поддержку, шедшего тавернщика при поддержке двух поварят так же что-то несущих, не взирая на своего недруга, прошел перед ним, уселся.

Считая эту территорию своей, полковник был несколько покороблен таким наглым вторжением. Чувствуя себя в неловком положении ушел на кухню располагавшуюся поблизости. Стюарда Экслера там не оказалось, и он решил там его дожидаться, несколько задержавшись.

Тавернщик с поварятами налетели быстро, расставив восемнадцать приборов и разлив. Баскет с Бертоном заставили стол вином. Ударил медный гонг.

Собралось множество народу с присущим многолюдью галдежом при разливе. Полковник Беккендорф еле успел незаметно вышмыгнуть. Из-за туловищ граф д'Олон, у которого собрались за наливом, не успел заметить своего торжествующего момента и встал уже после, произносить тосты, короткие и залихватские, их он в тот долгий вечер, устроенной им «варфоломеевской ночи» кидал непрерывно, заставляя пить более, чем есть, от чего опьянение действует наиболее сильно. Вино было приятное, его было много и не каждый раз могло представиться такое обилие напиться нахалюва, все равно ночь, все равно скоро в море...

...Когда ближе к полночи Баскет снова зашел к ним... стояла мертвая тишина. Над сонным царством маячила еще живая фигура графа д'Олона. Вокруг не в полном составе, но в большинстве своем полегли тела споенных. Кто спал на столе, кто валялся на полу, кто дополз, того нужно было искать в большом общем кубрике, или по дороге. Но Баскет не удовлетворился сиим предположением, пошел убедиться, вернувшись досчитал. Все, точно, голубчики один к одному, как убитые. И только один граф д'Олон держался на весу, хотя пить ему пришлось куда как больше. Он заметил Баскета:

– Понимаешь, Баскет, что значит нация другая... Подошли... Я больше их выжрал.../ Рой пустых бутылок, понятно свидетельствовал, что им одним с ними возможно было не справиться/... И все-таки я француз!...Судя по этому / попытался влить в себя еще одну рюмку/

– Остановитесь, не надо! – удержал его руку подскочивший Баскет. —Через полчаса идти на службу...

– Хорошо, не буду, говоришь не надо – не буду... Тащи меня на воздух, а то если я сейчас же не отрезвею... А если засну..., то у Ковалоччо отрезвитель был.

Баскет упирался изо всех сил, тащил графа под руку, но тому все же удалось остановиться и обернуться назад, окинув взором сморившихся на месте.

А этих... не трогай, пускай так... Они мешать не будут. Я уверяю.

Глава XVIII. Неугомонный полковник Беккендорф

Ковалоччо почувствовал что заснул как конь, когда вздрогнул ото сна, стоя на ногах, облокотившись на стену близ двери. В этой ситуации для него вполне было бы естественным с потерей равновесия свалиться, но он вовремя удержался; создавать шум было ни в коем случае нельзя, за стеной – враг и его нужно было подслушивать, что он и сделал прижав ухо.

Для тех кто не вник в обстановку происходящего: поясняем, что Капече Ковалоччо находился в своей квартирке в «Золотой львице» и караулил соседнюю, куда зашел полковник Беккендорф. И неизвестно спал ли он, потому что перед этим он очень долго ходил по комнате в раздумии. И Ковалоччо очень опасался того, что полковник может так что-нибудь надумать.

Как часто бывает, после короткого, но глубокого сна: ощущение потери чувства ориентации во времени; и это особенно сильно смущало его, хотя и понимал, что еще торопиться рано. Но все равно лезли в голову разные мысли, заставляя его порой паниковать, не опоздает ли он с бесполезным стоянием. Можно было уже давно идти, в соседней квартирке за стеной несомненно спали..., но что-то все же останавливало его от шага вперед, может быть от того, что выйти ночью на улицу было боязно, встреча с патрулем сулила большие неприятности.

Он еще так простоял некоторое время, не решаясь выйти, и обмер, услышав за стеной равномерные шаги. Предчувствия самые нежелательные оправдались. Полковник Беккендорф вышел за дверь. Сердце молодого итальянца тревожно забилося, когда ему показалось, что делает он это осторожно... Наружная дверь при полной тишине долго не закрывалась, наконец прикрылась. Сошел вниз...

Прошло время, за которое бы по идее полковник должен был бы выйти на улицу, сколько он ни прислушивался ничего подобного не услышал. Оставалось подумать о том, что он осторожно вернулся и поджидает на лестнице. Стоит открыть дверь и лицо Беккендорфа будет совсем рядом!...

Капече Ковалоччо сделалось не по себе от всех этих предположений. Нечисти он боялся еще с детства, понаслушавшись об оборотнях, живо нарисовал у себя за спиной картину летающей головы, морщинистой и белой в темноте. Он даже оглянулся назад, дабы развеять суеверные страхи... А вообще этот Беккендорф конечно темная личность и вполне подходил под вампира.

...Внизу открыли дверь и стоявший здесь смекнул, что как раз сейчас можно открыть свою. Слышно стало лучше и может быть поэтому услышал звуки передвигаемых кастрюль... «Ну да он же не ел сегодня»...

Полковник Беккендорф решил заглянуть на хозяйскую кухню в целях чем-нибудь подкрепиться, благо для этого у него имелся ключ: но не имелось огня, и на пол загремела ложка. Выдвинул поддувало, открыл дверцу, раздувая огонь. Грел, долго ел, затем только вышел. Капече Ковалоччо уже настолько надоело ждать, что он выжидать не стал, но и выходить на улицу за дверь не стал, а только приоткрыл ее. Пришлось и выйти. Стоять на улице, смотреть как выслеживаемый стоит у выхода с улицы на площадь, поджидает. Подошел патруль из нескольких человек и полковник Беккендорф повел их за собой.

Как бы не переживал он сии не предвещавшие ничего хорошего действия, но поделаться ничего не мог, оставалось лишь следить дальше. Те несколько человек прошли к административному корпусу портового замка и вскоре на верхнем этаже зажглось ярким светом окно, в сторону моря.

Стоя в неопределенном закутке Капече Ковалоччо не мог видеть со своей стороны самого окна / только свет /, так же как и что за ним, но мы заглянем как раз тогда, когда полковник Беккендорф что-то яростно объяснив первым двинулся к двери, понуждая идти за собой лорда

Уилтона. Остальные ходившие вместе с ним в патруле, продолжали оставаться на своих местах отдыхая.

Полковник Беккендорф и лорд Уилтон направлялись в другой конец крепости, в тюрьму. Сначала прошли анфиладу коридоров, затем очутились на ровной площади крыши, отгороженной толстой низкой стенкой, в иных местах недоделанной или же наоборот разрушенной под строительство надежных амбразур для орудийных стволов. Постройка под новую батарею затянулась с тем как было принято решение перебросить пленных испанцев на строительство дороги. Лорд Уилтон остановился здесь и некоторое время ответственным взглядом, разглядывал безхозяйственность, думал что делать.

Затем только спустились вниз по лестнице к забранному решеткой окошку. Дверь открыли два пьяненьких расчудесных надзирателя Болл и Фригги, нахлеставшиеся вина, как воды в жаркий день. Они стояли пара на пару и никто из них решительно не чувствовал того положения, в котором пребывали, одни из-за сущей хмари, другие потому что «брать» было собственно говоря не с кого и нечего, в том смысле брать, в каком оно применяется в выражении: «с дурака нечего взять». И посему полковник Беккендорф даже ничего им не сказал, повернувшись к лорду Уилтону.

– Я больше чем уверен что точно такая же свистопляска продолжается на бригае. Он обнаглел этот француз. Службу он понимает как удовольствие! Там он себе апартаменты роскошные устроил, заколотился в капитанской, здесь у него выпивоны и ночное почивание. / повернулся к друзьям/ Где обычно у вас спит капитан д’Олон? Где он???

Дверь в пропускную комнатку отворилась и к ним добавился третий надзиратель —офицер.

– Вот он. – указал на него Фригги пальцем.

Но только полковник Беккендорф открыл рот чтобы заорать на главного пьяницу / уже слегка отрезвевшего /, как граф д’Олон игнорируя глядеть на австрияка обратился через него к Уилтону:

– Сэр! / быстро вошел в положение с находу, указуя рукой / И вот в таком виде они явились!...Ладно мне быть слегка подвыпившим / все десять пальцев графа указывали на него самого / У меня сегодня такой день, грех не угоститься... там и самому за компанию. Но эти цуцки / зверски смотрел на них ...заметил свою бутылку / они уже и здесь моим злоупотребили. / Напор иссяк, когда он подумал о чем говорить дальше /...

Решил что лучше всего указать на то, что их очень мало в охране и попросил разрешения с завтрашнего дня подыскать еще двоих, иначе у него единственная надежда на то, что из тюрьмы не сбегут, на бутылку вина которую он от себя поставил своим пленным знакомым.

Вопросительная мысль насчет того почему на сегодняшнюю ночь граф не заменился с кем-нибудь другим отпала. И вообще подкупающая откровенность графа, а особенно тот экспромт, совершенно выбивший Беккендорфа из колеи предрасположили лорда Уилтона отнестись к имениннику снисходительно. Ночью и перед сном он всегда себя чувствовал спокойным. Однако же со всем этим вот... дела неожиданно оказались весьма опасно запущенными, / вспомнилось как тепло эти друзья встречались, нисколько не стесняясь положения /, необходимо было заверить полковника о исправлении упущения, не то если об этом станет известно в Барселоне, куда тот вскоре отправлялся...

Глава XIX. Не передумали бежать, сэры?

Стоило лорду Уилтону и полковнику Беккену... уйти подальше, как граф д'Олон, набрав воздуха полную грудь выдохнул:

– Мерзавцы! Чтобы больше я вас перед глазами своими не видел, лучше не показывайтесь... вот видите кровати / назвал так узкие низкие столы по углам, накрытые мягкими попонами, на которых хорошо было сидеть, а так же и лежать / Марш под них и чтоб оттуда не показывались. Кто будет стучать, не открывать, не велено!

Офицер осрамленной охранки потушил свечку и ушел за дверь, затем вернулся, снова зажег ее и окончательно вышел. С той стороны дверей никакой щеколды или задвижки не было и бесполезная свечка была откинута.

Граф д'Олон спешил, он не чувствовал всей неудачности выбранного времени, он лишь знал, что через несколько минут они будут на корабле и сходя тушил за собой горевшие пакли факелов. В темноте он чувствовал себя значительно лучше, на ум приходила трезвость и рассудок... и размышления, в том числе и неприятные, относительно неожиданного посещения лорда Уилтона и полковника Беккендорфа. Что бы это могло значить?...И лорд Уилтон? Почему он не спит?

Все это очень беспокоило д'Олона, создавалось впечатление затягивающейся петли: что еще можно было ожидать от блудных котов, что они подошлют взамен спившихся – новых? Оставалось предупредить их, то есть выдернуть голову из петли, пока она не затянулась.

В широкой галерее из стен из кирпича он подошел к факельнице, висящей настолько высоко, что даже при его росте он смог дотянуться только до нижней части рукоятки факела, снял... Неожиданно ему в голову пришла тревожная мысль, что с «Ореолом» не все в порядке. Отбросил все мысли и предчувствия, предпочитая действовать. Первый вынутый факел тушить не стал, предпочитая освещать им дорогу в подземелье. На этом и ограничился, спеша выполнить все как можно скорей, он быстрым шагом заспешил к зияющему темнотой проему, который начинался ступенькой и лестницей уходил вниз.

Не понятно графа д'Олона ли знобило, или же от кирпича холодило и несло сыростью, но он заметно поеживался. Ступив с последней ступени на ровный пол площадки, полез рукой нащупывать ключи в глубоком кармане. Слегка подрагивала рука, больше от удовольствия и нужный ключ в толстой связке с другими не находился. Он был малоотличим от множества других, сходных, но раньше всегда находился почти сразу, а сейчас граф д'Олон нашел свой знакомый ключик после неудачи с похожим.

Д«Олон открыл тяжелую железную дверь и осветил факелом. Но ожидаемого эффекта не обнаружил. Узники этого мрачного подземелья спали по разным углам и только Франсуа, подняв голову поднялся, подошел с видимым интересом.

– Ну что, сэры? – спросил их граф / де Гассе тоже уже поднял голову/, – не раздумали бежать?

Сонный граф де Гассе счел неудобным продолжать лежать и скинул с себя одеяло, тоже встал. Как будто только сейчас при свете огня граф д'Олон впервые всмотрелся в бледные лица своих друзей. Карцер навел на них свои землянистые краски.

...Они вышли вслед за ним, ступив на кирпичи настила площадки, впервые за столько времени! Разогнулись во всю прямь своего роста уже без ощущения давящего над головой потолка.

– Все нормально? —спросил шевалье д'Обюссон.

Граф д'Олон приступил к процедуре обязательной из намеченных: закрывал двери, но даже когда отвечал и тогда у него возникло ощущение, что вот сейчас они поднимут голову

и наверху, в самом конце лестницы окажутся поджидющие... Закрыв, засунул ключи в карман.

– Что вы делаете, граф! – остановил его Франсуа, – Один раз мы чуть не сожгли своих же, теперь по вашей милости оставим без ключей замурованными! Оставьте обязательно ключи, или дайте их мне, а то забудете...

Д«Олон послушался и отдал, быстрыми шагами по две, по три ступени забираясь по лестнице вверх. У де Гассе и д'Обюссона так не получалось, после долгого малоподвижного нахождения в стесненном месте они чувствовали в своих движениях скованность и неуверенность.

– Скорей! – подгонял их за собой граф д'Олон, когда они взошли и чуть углубились в тюремный коридор, освещенный светом огня из факельницы.

– Пойдите!... Граф, где здесь сидят наши старые друзья: де Фретте, д'Оровилл?

Д«Олон остановился подумав, что и правильно, можно бы их прихватить. И восхищенный благородным замыслом своего друга, не теряющегося в таких делах, указал на ключ и двери, которые следовало открыть. Пригнувшись при открывании замка ключом Франсуа представлял из себя верх благородства по отношению к таким же узникам как он. Дверь открылась и свобода ворвалась к пятерым сокамерникам.

– Господа, только живее и ни звука!

Франсуа пожал руки двум ближайшим и вышел вместе с ними. Остальных приходилось ждать. А рядом обнаружилась решетчатая дверь в ту самую камеру с двумя рядами решеток и маленьким коридорчиком между ними, куда они попали попервой. Внешняя решетчатая перегородка была заделана кирпичом, а через решетку двери и другую решетку – внутреннюю увидели лицо прижавшееся меж прутьев и смотрящее... на них.

Глядя на него у любого могло сжаться сердце от жалости по остающимся, и Франсуа конечно же не выдержав посмотрел на графа д'Олона.

– Дорогой друг, вы наверное сами понимаете, что уходить так... отводя глаза было бы постыдно и потому нам придется открыть.

У графа д'Олона не хватило совести отказать, да и граф де Гассе вслух поддержал эту инициативу, подсказав Франсуа выбрать следующий по очереди ключ.

Движением благородного порыва на волю было выпущено еще два десятка!... Дальше – больше, через пару минут освободитель пооткрывал все двери тюремного коридора и на свободе оказалось свыше полусотни военнопленных, только не знающих, что с этой свободой делать? Некоторые так и считали, их вывели на переход к транспорту, вот только пока еще не строят, и они столпились когортами, не знающие что пока делать? Но весть шелестящим ветром доносилась и до последних, так что д'Обюссону пришлось приказать молчать, сам направившись к беспечно и совершенно спокойно, соблюдая полную неподвижность, стоящим графам де Гассе и д'Олону. Последний особенно интересно взирал на собравшуюся ораву с каким-то безмерным апатичным ужасом. С его высоченного роста можно было окидывать взором море волнующихся голов при слабом желтом свете огня. Такого маху, фола... провала он не ожидал! Это всё... и без того неподготовленное, складывающееся случайно со всевозможными упущениями и допусками потекло вообще своим ходом и посредством самых разнообразных инициатив. Куда вот только оно катилось, было судя по всему понятно. При встрече с возможным патрулем англичан у него ещё возникла идея в своей форме сказать о том что всё равно их отдаём вместе с кораблём в обмен на пленных... Но это уже был бы обвал тогда...

Между тем шевалье д'Обюссон подходил к ним и граф де Гассе выступил к нему на два шага.

– Послушай, Франсуа, тебе не кажется, что ты разошелся в размахе души, и нам остается только разойтись по камерам чтобы не подводить д'Олона под петлю за просто так?

Шутливость графа холодным душем обожгла их сознание. Но нет! Об этом не могло быть и речи! Идти до конца!

К шевалье подступили Рено и Фернандо, последний с таким тюремным акцентом назвал его своим начальником, что могло показаться: сидел он с уголовниками, и даже манеры поведения приобрели соответствующие резкие и вызывающие черты. Шокированный Франсуа, задержав на его нахальном лице взгляд, оторвал свою уцепленную руку и перевел взгляд от неуместной в данном случае восторженности. Граф д'Олон предупреждая слова шевалье сам двинулся идти наперед, вести людей за собой и они все втроем направились на передний край. Рено было сказано организовывать идущих сзади.

Толпа двинулась за ними сразу, как только об этом было сказано. Шум шагов заглушил все максимальные предположения об этом шуме. Конец коридора. Капитан де Фретте воспользовавшись тем, что д'Олон задержался, доставая запрятанную веревочную лестницу из-за простенка и первым подошел к углу левой стены, выглянув на лестницу. Никого не было и продолжая освещать дорогу перенятым факелом пошел далее вперед.

Д«Обюссон задержался у края перил лестничного пролета наблюдая за дверью наверху. Граф д'Олон войдя под лестницу и в дверь коморки первым подошел к окну и пока не раскрывая жалюзи принялся привязывать один конец веревочной лестницы к крюку, торчавшему из под стены. Капитан де Фретте освещал огнем факела пока это было нужно. Покончив с делом д'Олон прежде чем поднимать створки жалюзи сказал капитану де Фретте, указав пальцем:

– Уберите паклю.

– Ах, да!

В коморку к данному моменту уже набилось людей достаточно, чтобы переданный раз факел и далее так же пошел из рук в руки, пока вовсе не вышел за двери к хвосту столпившемуся у входа. Де Гассе получив оный, немедленно его погасил об угол между стен.

Пространство небольшой по размерам квадратичной комнаты коморки забилося до предела, заполнили даже углы и поверхности топчанов. Сзади напирали, каждому непременно хотелось туда попасть, от чего о наполненности коморки можно было сказать: битком набитая. Оставшиеся несколько человек вне давки прикрыли временно снаружи двери чтобы вообще никакого света не проникало извне наружу, и граф д'Олон, толкаемый массой взад и отталкивая им же массу, осторожно поднял створки и выкинул вниз моток.

Первым полез через карниз де Фретте. / ему из давки помог выбраться д'Олон /. Капитан должен был внизу удерживать на месте спускавшихся и собирать воедино. Иначе говоря «строить» и «вести». На долю графа было потверже стоять на ногах, упираясь одной рукой в край оконного пролета, а другой вынимая из общей массы очередного отправлять вниз, каждому выговаривая. Чтобы спускался на руках. На ноги не было времени. Не хватало его и чтобы дожидаться когда один слезет, отправлял другого. За веревку он не беспокоился, сам лично проверял. Оставалось только надеяться на то, что никто не сорвется и самое худшее, не заорет.

Приходилось ему и опираясь в стену отжимать толпу назад, чтобы на месте у подоконника было хоть немного свободнее. Хотя вскоре на время стало и так свободней. На время, потому что оставшиеся за дверью долго там стоять не собирались и как только представилась возможность ввалились всем числом. Последний из них граф де Гассе, однако прежде чем закрыть за собой дверь вышел обратно и махнул Франсуа рукой.

– Бросай, пошли!

Они последними втиснулись вовнутрь / перед этим д'Олон снова работал рукой / и закрыли за своими спинами дверь. Доктор д'Оровилл находившийся перед ними с ехидным смешком спросил обоих:

– Что вы еще придумали?

Согбенная фигура самого д'Оровилла, вынужденного следовать всем устремлениям более молодых, крепких и здоровых не могла не вызвать усмешки...

Через некоторое время Франсуа д'Обюссон почувствовал за собой что дверь приоткрылась и даже вовсе открыта. Он обернулся...

То был Болл. Он вылез из под лавки; не желая лежать там и не понимая почему нельзя лежать поверх? И он в то же время напрочь позабыл наказ своего начальника, пошел искать удобное для ночлега место. Выйдя впотымах на лестницу и опустившись он завернул к каморке, желая улечься на тамошние топчаны. Открыл дверь и... открыл от удивления рот. Более того его так поразил сплошной ряд спин и множества голов, /и все это шевелящееся и гудящее как пчелиный рой/, продолжая удивляться он почувствовал, что ноги его стали подкашиваться и Болл осел назад, /тут только дверь и раскрылась настезь /.

– Закройте дверь... – донеслось откуда-то спереди.

Его язык, как свинцовый, пропустил лишь простейшее «а?». Скулы свело как от ледяной воды. И зелье действовало. Для слабонервного такая неожиданность могла бы кончиться апоплексическим ударом. Для Болла кончилось все тем, что обернувшийся Франсуа заметил его и ступив через порог накинулся на него, схватив и сжав руками горло. У него вытаращились глаза и наполнились слезами. С зажатым ртом он был затащен ко всем. Это уже было вообще – бардак. С прибавлением Болла из-за его задницы дверь еще долго не могла плотно прикрыться. Но в каморке уже начало разрезаться, появились свободные места. Та расторопность, с какой на спуске работал граф д'Олон не могла не сказаться на деле, но разок он переусердствовал настолько, что на веревочной лестнице оказалось спускающимися сразу трое и лез четвертый. Пеньковые веревки натянулись как струны, такое плохо могло кончиться. Он стряхнул четвертого с подоконника и перегнувшись через него наружу схватил за шкирку третьего, не успевшего спуститься достаточно, приподнял, легко удерживая его на весу.

Пока он так держал, луна хоть и не полная, вовсе вышла из-за больших черных туч, которые гнал по небу усиливающийся с моря ветер. Новая черная туча быстро заволокла яркий белый овал и на душе у графа стало еще мрачней. Теперь уже приходилось сокрушаться не только из-за луны, но и из-за погоды. Однако нет худа без добра, окно каморки: прикрытое с одной стороны от глаз небольшой угловой стеной не могло быть видно даже из самого запущенного сада ниже, на случай если бы туда забрался какой патруль.

Капитан де Фретте каждого спускавшегося, можно сказать принимал в свои руки и отправлял в общую кучу скопившуюся у угла. Иных оставлял под рукой. Пока все шло организованно без лишнего шума. Двое было отправлено вперед оглядеться. Но дело задерживалось когда спускался перестраховщик или тот, кто откровенно праздновал труса, страшась пугающей темноты внизу и вокруг, кого для действия верхнему спускавшемуся приходилось пинать или наступать на голову. Перестраховщики не боялись ничуть, но от этого степень их вредности не спадала. Каждая поперечная перевязь была у них не только для рук, но и для ног, а это сильно замедляло процесс спуска. Сей процесс полностью останавливался когда слезавший терял равновесие и его ноги заносило в сторону.

На верху в коморке тоже произошел один неприятный инцидент. Уже и людей там оставалось не так уж много, но стоило кому-то посреди запнуться и повалиться назад, повалились другие и Болл, от чего дверь коморки резко отворилась настезь и оттуда из-за порога ногами оставаясь там вывалились вперемежку обои д'Обюссон и де Гассе.

Но как бы то ни было такого больше не повторялось, и буквально через пару минут за д'Олоном осталось буквально несколько человек. Он помог за шкирку наладить спуск старичку д'Оровиллу, как пред ним предстал Франсуа с вышеименованным Боллом.

– Как с ним быть?

– Это кто, Болл?... Я же тебе, дубина, говорил чтобы ты сюда не ходил, а ты что?... Даже и не знаю, что с ним делать?... А ну давайте запихайте ему в рот что-нибудь, пускай слезает.

Его можно было бы оставить здесь связанным, но так выглядело бы менее эффектно, гораздо поразительнее выглядела бы вся бежавшая целиком тюрьма, оставившая после себя пустые камеры с распахнутыми настезь дверями \ вместо того чтобы закрыть и быть может выиграть несколько минут у посланных лордом Уилтоном / и не оставившая даже тюремщи-

ков. Пока он размышлял над этой презабавной мыслью, спустились Фернандо, Рено и Бажоль. Остальные оставшиеся уже набили рот Боллу чем попало и им д'Олон сказал слазить первыми. Ему еще предстоит спустить своего подчиненного.

Граф де Гассе юркнул вниз довольно быстро, но когда стал слазить Франсуа он сразу почувствовал последствия долгой неподвижной отсидки. Его тело как окостенело и слабо подчинялось на нужные и правильные движения. После перенапряжения вызванного начальным спуском на одних руках он нехорошо почувствовал свое сердце и далее стал спускаться ставя ноги на петли и переводя дух. По нижней части сапога неожиданно звонко хлопнули ладонью и через несколько мгновений он оказался на земле.

Веревочная лестница к большому удивлению многих находящихся рядом с д'Обюссоном упрыгала вверх.

– Он что остается? – спросили его де Эльян и капитан де Фретте с самого начала недружелюбным поведением своего тюремщика... Все выяснилось когда сверху стала спускаться туша Болла, обмотанная и завязанная веревками лестницы на конце. Спускал его д'Олон не доверяя это дело самому Боллу вялому от пьяни. Несомненно сделано это было правильно, не то бы не сосчитать ему костей.

Не дожидаясь когда Болла отвяжут спускаться стал сам д'Олон, самым последним из всех. После него коморка осталась пуста и тиха. Неизвестно насколько быстро он работал руками, но когда уткнувшись ногами в Болла граф соспустился на землю, того все еще не могли развязать. Граф д'Олон поступил так как в свое время поступил Александр Македонский с гордией узлом, выхватил меч, то бишь шпагу, перерезал одним взмахом. Теперь Болла не удерживала у себя тюрьма, но и ноги его тоже не удерживали, пока граф не подняв его за обрубок лестницы на ноги окончательно, не дал по начинающейся лысине того оплеуху.

– Скотинка, не спалось же тебе, сейчас тоскайся с тобой. Если хоть пикнешь, я тебе голову наместе отвинчу. – поднося лезвие клинка к самому носу сконфуженного Болла с кляпом во рту, словно воткнутой репой.

Ну, теперь предстоял бросок навалом до окончательного достижения. Первый этап масового побега завершился, здесь внизу приобретая свои плюсы, даже в своей невооруженности, и все уже было двинулись преодолевать второй, и тут... д'Олон с досадой вспомнил, что забыл бинокль...

Сей бинокль был просто нужен как воздух в их дальнейшем пути, чреватом погоней. Как смыслящий в морском деле он понимал это как быть с глазами. Его он припас из пропускной комнаты, где хранился и откуда выдавался на светлую часть дня для осмотра прибрежных окрестностей. Стоя у окна в давке д'Олон снял его со своей шеи, дабы не повредить и спускаясь вниз совсем забыл о нем. Досадуя и хлопнув уже себя ладонью по лбу, заложил шпагу в ножны, собрался лезть за ним, но Франсуа несколько опередил его.

– Где он? – спросил уже на весу.

– Рядом у окна, справа висит.

Франсуа д'Обюссон резво и быстрее чем слазил залез до самого карниза. Осторожно, шатаясь ногой в пустоте, перекинул руку, уцепился за подоконник, пролез. Никакого бинокля или чего-либо висящего на стене он не обнаружил. Поискал на полу возле – те же результаты, оставалось спускаться обратно, тем более что ему приглушенно крикнули: слазить, бинокль нашелся, его взял кто-то прежде. И прежде чем последовать советам, Франсуа задержался на весу, дотянувшись рукой до бичевы, опускающей и поднимающей жалюзи. Он стал их опускать, шума при этом создавалось мало и в какой-то момент ему как будто послышалось... шаги и говор???

Он так же тихонько опустил створки жалюзи до конца и прислушался. Шаги послышались отчетливей, дверь отворилась внеся чуточку яркого света вкось. Заглянувший в каморку человек что-то проговорил стоявшему позади него по-английски. Франсуа через оставшуюся

в самом низу щель, видел как они повернулись в обратную сторону. В это самое время раздался сильный крик. Побежали.

На одних руках Франсуа без замедлений вспорхнул вниз в руки оставшихся его поджидать.

– Скорее, там англичане!

И человек семь во всю прыть своих ног кинулись вслед за остальными, скрывшись за зарослями притюремного сада в считанные мгновения. Нагнали своих только у ограды, которую те начинали преодолевать. Поторопили. В проломе решетки застрял Болл, как граф д'Олон не пытался его оттуда выдрать, стегая тело обрывком от привязи.

– Оставьте его, нас раскрыли!

Перелазить через ограду парка отнимало не столько времени, чем спуск, и поэтому буквально через какую-то минуту-другую вся орава до единого человека оказалась по ту сторону.

Бежали по направлению к кораблю, стоявшему вдалеке. Д'Обюссон оглянулся на графа д'Олона; как ни старался Болл бежать быстро, был утягиваемым собой на веревке, от чего чуть не перехилился наперед и не запахался, но выдержал равновесие и побежал далее. Д'Олон на берегу недовольно ещё и цокнул, глядя на луну.

– Ах луна!...

Лорд Уилтон и полковник Беккендорф разговаривали между собой в кабинете одни. Беккендорф подошел к широкому и высокому стрельчатому окну открыв его по просьбе собеседника для свежего воздуха. И остался около него, но повернувшись лицом к столу, за которым сидел вполуразвалку на стуле Уилтон.

– Что вы собираетесь делать на ближайшее время?...

– Думаю дожидаться капитана... Потому что у него приказ на руках, который вы изволили видеть и подписать.

– Да он сейчас у меня лежит, – потянулся вниз открывать ящичек письменного стола сидящий.

– В таком случае, я бы хотел попросить отдать мне его обратно, с ним я надеюсь заставить его подчиниться приказам и не относиться к моим запискам наплевательски.

– Не будьте столь категоричны, полковник. Я сегодня же отправлю послание с уведомлением о явке. Пожалуй на завтра утром можно будет назначить отправление. Вы согласны на этот срок?

– Конечно и вот еще что меня волнует... так это месье граф д'Олон со своими французами, которых он я думаю намеревается сопровождать в пути.

– А что, вы что-либо подозреваете? – тревожно спросил лорд Уилтон, который и сам многое уже подозревал, но оставлял без внимания. Остров же, на котором куда кто денется? Но тревожно связались два д'Олона: дежуривший в тюрьме наземной и ещё и морской... Два конца верёвочки невольно завязались. Но ведь всё-таки граф – отдало успокоительной отдушиной.

Полковник повернул голову в створ открытого окна, взглянул на сторону мачт «Ореола».

– Не нравится мне этот д'Олон; от французов переметнулся, обратно переметнется. У него натура предателя. Он представляет из себя тех людей, которые благодаря своей толстокожести могут выкинуть все что хочешь... Гх-х. Мое мнение такое, что по пути он попытается устроить на корабле бунт... Условия самые подходящие у него полномочия охранять, а пленных сотня, да еще прибавить к ним его слуг. Понабрав зачем-то каких-то капелланов-итальянцев... Я не уверен, что это закончится благополучно. Прошу вас услатить его на эти дни куда-нибудь подальше.

– Хорошо, я отправлю его «помолиться». – поспешно, заглаживая возникшую вину недовольства и явного упущения согласился Уилтон.

Они и дальше продолжали разговор, говоря о разном. Обговаривали в подробности некоторые детали готовящейся операции. Вскользь было упомянуто и о том, как из рук вон плохо охраняется тюрьма, что ни очень задело лорда Уилтона, ее скоро не будет, а на сейчас он отправил на смену проштрафившемуся д'Олону четырех новых сменных. Он пребывал на редкость в успокоенном состоянии духа и благоприятно воспринимал установившуюся тишину. Она прервалась...

Прозвучал выстрел, второй... Беккендорф высунулся в окно.

– Что-о-о!!?

– Что там?! – спросил подбежавший Уилтон, выглядывая из-за спины. В окно ничего не было видно точно... Но что-то происходило именно со стороны тюремного корпуса, стреляли оттуда.

Полковник Беккендорф бросился от окна и вообще из кабинета. Первое что лорд Уилтон увидел через освободившееся место это луну и легион бегущих при свете! Он как черт кинулся бежать на ходу соображая в чем дело? Двери, ступени, этажи. Пролеты пронеслись перед его глазами с частотой мелькания. Пробежав темный коридор в подъезде остановился в нерешительности, бежать ли за полковником и подымать казармы или же бежать в тюремный корпус, убедиться в том, что очень его грызло. Нервозность настроила его на последнее и он взбежал по еще одному пролету вверх на крышу.

Дверь пропускной комнатки была распахнута, он вбежал в нее с разбегу. На ступеньках уходящего вниз корридора он столкнулся с двоими посланными им. Все втроем они сбежали вниз. Лорд Уилтон не слыша предложения забежать в каморку, увидел длинный коридор с раскрытыми дверьми, пробежал по нему до половины. Тихо и камеры пусты. Он вернулся назад: в каморке ему показали на веревочную лестницу, свешивавшуюся с окна, через которое произошел спуск...

– Я его расстреляю! – в злобе крикнул лорд Уилтон, воздев кулак. Теперь только, потеряв столько времени он побежал в казармы.

Передовая часть несколько подрастянувшейся аравы более-менее точно достигла нужного места, у перекинутого с борта брига на пристань досочно – веревочного трапа, дергавшегося и колышавшегося под топотом ног. Те же кто слегка удалился исправили положение, и на некоторое время составила куча. Но горловина трапа имела большую пропускную способность, главное было не толпиться, но любая заминка рассасывалась тотчас как возникала перед натянутыми так же перилами.

Последними из всех бежала пара Болла и д'Олона, на пинках и тычках подгонявшего того. Франсуа лишь на немного вперед оторвался от них и все время поглядывал, то на них, то на портовый замок, висевший темной невидимой громадой / луна снова зашла./

Они так же последними взбежали по трапу, который Баскет тут же стал перерубать топориком, укоризненно покачав графу головой. Можно себе представить что пережил он, завидев несущуюся на него со всех ног толпу!...?? Конечно же он подумал, что им не сдобровать.

А на корабле уже раздавались во всю глотку громогласные крики де Феррана:

– Готовить отдать швартовые! – разносилась французская речь, спускать такие-то и такие-то паруса! /слышался звон цепи поднимаемого якоря /.

Отсюда слышали одинокие пистолетные выстрелы и потому уже нечего было скрываться. Матросы, кто находился на реях стали спускать паруса, белеющие и заметные любому глазу издалека.

Аббат Витербо, поставленный на свой пост, для своей части дела, перетюкал топориком толстый грубый канат, намертво удерживающий бриг «Ореол» и судно сначала незаметно, потом с плавными толчками пошло все быстрее и быстрее; и все заметнее отрываясь от причала и чем дальше затем от причалов.

У столпившихся на правом борту людей радостно сжимались сердца. Они только что вырвались из плена и бежали! И под ногами уже не земля, а досочная палуба, которая уносила их от берега. Приливы чувства восторженности вылились в радостные крики и поднятые руки. Разве что не бросали вверх шляпы.

Меж темных облаков снова зловеще зависла луна, осветив площадь перед длинной крепостью порта. Примерно из ее середины выбегали все новые и новые группы английских солдат, безнадежно бегущих за ними вдогонку. Произошла очевидная и понятная неразбериха. Аббат Витербо уловивший момент крикнул:

– Пушкари, не стреляйте!

Д«Олон тоже спохватился, усмотрел, где ближайшее к нему орудие.

– Тижан!!!

Граф пробирался через столпившуюся массу и не преминул крикнуть всем посторонним убираться отсюда вниз! Но куда там! Смотреть на удаляющийся опостылевший замок доставляло такое невыразимое удовольствие. Это было невероятно и до примитивности просто. Не хватало пожалуй зари, или света молний, так шевалье Франсуа представлялось наиболее колоритно. И тут грохнуло! Выпало орудие заряженное д'Олоном, правда никакой иллюминации при этом не было. Всех обдало облаком белого дыма, устремившегося по ветру к носу. Взрыв не разорвался в самой гуще, но получился эффектным, подняв вверх кучи булыжного щебня, коим была умощена площадь. Граф д'Олон был очень доволен своим выстрелом престижа.

Он совсем не наводил ствол орудия на прицельность, заряжал и стрелял лишь бы скорее. И получилось что от сильного накрена борта ядро пролетело совсем немного, разорвавшись перед самым носом бегущих. Взрыв как-будто отрезвил англичан. Передние остановились. Подействовал также громкий голос лорда Уилтона, прекративший бессмысленные действия. Бриг «Ореол» уходил все дальше. Необходимо было срочно решать, что делать? Лорд Уилтон, возле которого собрались несколько офицеров отдал первый приказ отходить назад. Прозвучал второй выстрел с корабельной пушки.

Одного ближайшего из стоящих офицеров он послал на батарею с приказом открыть огонь. Но полковник Беккендорф остановил их обоих от подобного шага. На корабле находилось два десятка своих из корабельной команды. Уилтон не стал возражать, вспомнив об этом. Стрелять, это значило обстреливать свой же порт. Не стоило поднимать столько шума, тем более что он не явился бы решением проблемы. Пока он так думал на верхней батарее самолично наладили работу одного орудия и та начала поминутно выстреливать. И это было не плохо.

К решавшему на месте Уилтону подбежал высокий капитан.

– Милорд! Французы пойдут на Марсель. У нас восточнее ходит «Викинг», нужно только отправить за ним линкор и нет проблем. Нужно только дать знать.

– Проблемы есть, ветер юго-восточный и во Францию они ни за что не пойдут!

– Скорее всего они выберут Мальорку, – поддержал его Беккендорф.

– ??? Ладно дайте сигнал тревоги, на юг! Объявляются учебные маневры! Лейтенант Питер Бикфорд, отправляйтесь немедленно / ветер дул завывая слова / к казармам у городской стены, ведите всех на линкор.

В назначенных маневрах фигурировала Мальорка и по сему на сегодняшний день в Маонском порту на линкор «Арчибальд» намечалось погрузить как можно больше сил. Лорду Уилтону нужно было лихорадочно оправдать провал с французами, оттенить сей факт общим фактом больших маневров, которые не закончатся поимкой «Ореола» и возможно будут касаться самой Мальорки. Он был слишком напуган произошедшим, и последствиями, которые могли сказаться не только на его служебной карьере, но и жизни. Он растерялся давать

приказ на поражение судна, болезненно относясь ко всему вокруг, как всему тому, что должно быть вернуто в прежнее состояние. И главные батареи молчали.

– А что если они все же выберут путь на Францию, это совсем не исключено? – влез в размышления полковник Беккендорф.

– Против ветра далеко не уйдут. Отловим в любом случае, дожждаться бы конца ночи. Сейчас уж почти час?...

На площадь перед крепостью вышел в полном составе городской гарнизон, размещаемый в казармах. По приказу построившийся в шеренгу поотрядно. Его лорд Уилтон намечал взять с собой полностью..., но город беззащитным оставлять боялся. За место должен быть прийти отряд из-под Сюдадели, который не занимался там ничем, кроме как надзором за прокладываемой дорогой. Туда лорд Уилтон направил нарочного на коне и как только скачущие удары копыт о булыжники удалились за угол административного корпуса., прозвучала команда: «По кораблям!» – и колонна в походном состоянии двинулась в дальний край порта к линкору «Арчибальд».

Продолжала говорить пушка с бастионов портового замка, постепенно перебудив весь испанский городок. Раз жители его уже просыпались от подобных шумов и скорее всего подумали о том, что было в первый раз... Мнение о новой высадке десанта подкрепило и то обстоятельство, что по улицам вперед-назад шагали отряды.

А бриг «Ореол», которого изрыгаемые разряды касались больше всего, уходил из-под них. Чем долее это продолжалось, тем все дальше возникали белые в ночи водяные взрывы, возможные для наблюдения с юта. Но большинство бежавших «французов», среди которых некоторую часть составляли и испанцы оставались у бортов, не пропустить такой ночи, какая не каждому в жизни дается. Справа и слева оставались позади все новые очертания всхолмленных берегов гавани. Насколько можно было видеть определялась дикая незатронутая местность с одинокими раскидистыми деревьями на вершинах плешатых неровностей. Порою свет от луны достигал такой силы, что просматривалось кругом на многие мили, способствуя возникновению пассажирского настроения отъезжающих.

Снизу исходил яркий льющийся свет. Кают – компания общая и д'Олоновская, воссоединились меж собой пинком ноги хозяина одной из них. Там собралось много людей. Аббат Витербо и Баскет задумали было изготовить что-нибудь поесть, но потом решили, что имеющиеся запасы провианта у свергнутого стюарда необходимо было жалеть, ибо кто знает насколько они понадобятся и сколько придется плыть? Вместо этого они решили перебазировать кающегося капеллана, а перед этим пошли осмотреть «кубрицкую», ставшую общей камерой для англичан. У них уже изъяли все оружие, которое имелось и сейчас раздавалось всем желающим, исключая матросов. Рено с двумя помощниками, составившими вместе охранение предложил взять и им, но Баскету нечего было об этом заботиться, у графа д'Олона имелось оружие и предостаточно для них двоих. А аббату Витербо оно было ни к чему. А для шевалье Франсуа уж наверное взял Фернандо.

С Рено преподобный отче поделился мыслью, что ко всему нужно было затолкать и англичанина, который заперт в молельне; самому то ему это делать не совсем удобно, даже как-то совестно.

Раздавали оружие и наверху. На носу «Ореола» в пороховнице нашли большое количество аккуратно складированного оружия и судя по неразобранному остаткам, лежащим рядами на брус палубы, хватит и матросам. Пока же они лазили по верхам выполняя громкие команды капитана де Фретте с капитанского мостика. Он сменил на нем де Феррана на время вывода брига «Ореол» из гавани по нужному фарватеру.

– Спустить фор-марсель!...

Де Гассе и шевалье д'Обюссон также выбрали себе по пистолету и стоя у закрытого белыми парусами от света борта даже не пытались их как-либо рассмотреть или же проверить

в действии. Но это пришлось сделать, когда на их правый борт сбежалось несколько человек стрелять по дозорной таргане, сразу отвернувшей по курсу от сближения с ними. Выходка была спонтанная, бесполезная, ненужная и даже в какой-то степени вредная, потому как сия посудина могла прицепиться за ними. Этот хвост можно было уничтожить, но понадобилось бы потратить столько ценного ночного времени, что разоряться не стоило.

Ветер хорошо надувал паруса, судя по мелковолнистой водной поверхности, оставляемой позади, корабль шел быстро и легко. Таргана от них отвязалась.

Берега гавани все более удалялись из поля зрения расходясь между собой и граф не преминул об этом заметить. Скоро море.

К ним сзади подошли, их звали вниз. В зале «морской квартиры» собирались на совет основные действующие лица, и их так же туда позвали. Чуть впереди у них на дороге показались, так же сошедший туда капитан де Фретте и так же позвал за собой. Он более не беспокоился за фарватер и дальнейшее прохождение, доверив все вахтенным.

...Д'Олон в самом восторженном тоне говорил:

– А я бы никогда не подумал о всех. Даже мысли не возникало!

Приход Франсуа встретили так же восторженно и им обоим выделили место с краю лавки. Капитан де Фретте увидел на столе карту и все свое внимание впери в нее. Сидевшие так же стали ее разглядывать, но д'Олон остановил всех сказав, что Баскет сейчас должен принести хорошую лоцманскую. Тот находился не далее как в соседней каюте, в чем-то слышно рылся. Де Фретте, которому эти звуки были поразительно знакомы живо осведомился.

– / д'Олон / А-а. В моей каюте стоит корабельный сундук. Вместе с моей каютой он ваш.

– Нет, что вы, граф! Каюта вам очень понадобится. Это мне уже спать не придется.

– Что касается меня, то я сегодня днем дрых, и не имею ни малейшего желания на еще.

– Тогда вот что, давайте-ка его сюда, Баскет!

Когда приволокли тяжелый кованный железом сундук и раскрыли, то там чего только не оказалось, и все новое английское. Не мудрено, что Баскет столько-то копался, внутри было битком набито всякой всячины, начиная от нужных приборов, кончая картами и даже нашли подозрную трубу, чего граф никак не ожидал и с большим вниманием осмотрел, отложив же, накинуся на карты. Капитан де Фретте с де Ферраном интересовались только лишь лоцманскими. Коротко переговорив между собой они принялись разглядывать другую испанскую карту. Не было сомнения что они размышляют над вариантом Мальорка.

– Здесь по идее должен ходить один из английских кораблей.

– Вы не ошибаетесь, – проговорил д'Олон. – Фрегат Запад патрулирует в проливе между Маджоркой и Мальоркой.

Посоветовавшись между собой еще, де Фретте и де Ферран пришли к отрицательному мнению. Они и дальше продолжали переговариваться, но внимание остальных от карт отвлеклось на пришедшего аббата Витербо и Бертона. Правда пришел тот к Баскету, но он сослался на графа и д'Олону пришлось частично окунуться в мажордомские дела, по размещению и устройству на ночь, такой аравы беглецов. Прежде необходимо было определить сколько их всего человек и что у них имеется в запасе из того что не является конюшной, кубричкой, палубой. К «морской квартире» и значительному продолжению кают-кампании, вплоть до кухни, на полу которого могли бы разместиться на ночлег те же Бертон и аббат Витербо. У них имелся освободившийся трюм из-под пленных ореольских моряков, который впрочем ими же и должен быть занят, если они не потребуют большего.

Не мало было и этого, но когда граф д'Олон принялся считать, у него от первых же прибавлений дух захватило. Считал он вслух и при помощи пальцев / по числу камер /, о численности каждой из них поочередно спрашивая и с усилением воли худо-бедно прибавляя к общей численности начавшиеся увеличиваться от девятнадцати моряков. Количество бежавших становилось ошеломляющим, удивляя вдобавок к экстравагантной операции. Необходимо

было прибавить еще и аббата Витербо и Бертона, его и Баскета, что вместе составляло уже под восемьдесят, но не успел он сосчитать точно, чувствуя что еще кого-то упустил, как Франсуа недоуменно спросил:

– А где Ковалоччо, я его не видел.

Ковалоччо, который первым подал идею побега на корабле, и в какое-то время являвшегося душой заговора, его-то как раз среди них и не было! Граф д'Олон помрачнел, подумав о полковнике Беккендорфе... может тот что с ним сделал? Неспроста он пришел. Сказал Баскету тащить вина, все какое есть и рюмки.

Капитан де Фретте взял слово, после того как было решено на ночлег использовать сено из конюшни, разложить по краям у стен. А постелить и укрыться, кто своим, а для кого и можно конфисковать у англичан. Все равно одеяла у них лежат неиспользованными. Но внимание с дел хозяйственных: сена и одеял переключилось на то, что сейчас собирался сказать де Фретте.

– Я так думаю, господа, что Мальорку нужно исключить из наших планов, потому что в первую очередь от нее нас попытаются отрезать. Будет не хорошо, если рассветет и перед нашим носом окажется настоящий боевой фрегат. Так что не будем испытывать судьбу, лучше попытаемся обмануть их и свои расчеты. Я предлагаю во Францию сначала не идти, а выбрать путь по ветру, хоть и самый дальний. Но верный!

– Одобряем без возражений. – поддержал граф д'Олон, который все еще находился под воздействием хмеля и готов был похлопать выступлению оратора, – Веди нас, командир, капитан и командир, по-ветру!

Баскет притащил две корзины старинного вина с рюмками, но не успел он выйти отнести к остальным, как вбежал / чуть не сбив его / вахтенный, посланный боцманом Тендором с сообщением, которое подняло всех на ноги и выбросило на палубу у носа корабля... И хотя в синеватой темноте вдали не было ничего видно, как раз это и превносило в душу каждого нескрываемую радость, заставляя кого кричать и обниматься, а кого разливать по рюмкам вина, в предвкушении простора и свободы.

– Боцман, спускайте все паруса! Господа, мы выходим в открытое море!

Глава XX. Открытое море

Мало-помалу сильное чувство восторженности сменилось усталостью от нее и беглецы разошлись устраиваться на ночь. Из происшествий той ночи Франсуа помнил только то, что долго не мог заставить себя пойти спать и пошел только когда облака в ночи стали белыми. Д'Олон предоставил им свою каюту-спальню, кто успел тот занял там места, он же осторожно войдя, столкнулся лишь с креслом, спать в котором никто не покусился и шевалье занял его, но прежде чем привычно в нем развалиться и уснуть, предварительно вынес в залу, где просторнее и свежее.

Проснулся почти что вместе со всеми и сразу же побежал наверх справиться у капитана... В глаза бросилось обилие ослепительно-яркого света и прохладный ветер с гонимыми облаками. Первый же взгляд по сторонам показал, что море кругом чисто, никто за ними не гонится и никакой видимой опасности не существует. С таким-то благодушным мнением он и подошел к де Фретте, но и по первому впечатлению сложившемуся о нем было видно, что тот озабочен, как и стоящие возле него все, на той же палубе, возле носа корабля. Весь вид де Эльяна, напряженно всматривавшегося через длинную подзорную трубу вдаль, говорил сам за себя довольно неприятно.

Поздоровавшись со всеми собравшимися, он сухо осведомился о том, что все же произошло?

– А произошло самое худшее, что можно было ожидать, – ответил капитан де Фрете, целиком устремленный вдаль и лишь из вежливости мельком глянув на Франсуа, – ...Нас раскусили.

Он указал рукой чуть левее чем прямо вперед и передал свой подзорный прибор... В том направлении куда указал капитан, неожиданно возник силуэт корабля идущего к ним боком. Стоило убрать бинокль от глаз на горизонте осталась одна точка, еле приметная. Оптика своей волшебной силой приближала и увеличивала ощущение настолько, что никогда с этим не сталкивавшийся Франсуа, ужаснулся опасности, казавшейся доселе незначительной, оказавшейся вдруг близко. Точно так же получилось когда указали на фрегат «Запад», который вовсе и точкой не был виден, но стоило применить оптическую силу прибора, как он появился настолько близко и во всю величину своего ошестинившегося пушечными бойницами и жерлами пушек борта, что это очень и очень сильно испугало шевалье. Неимоверно далекое расстояние в оптическом фокусе уменьшилось до минимального, казалось можно не только докинуть, но и протяни к врагу руку, она дотянется.

– Но как они могли нас догнать?!

– Английские суда отличаются быстроходностью, вдобавок к слаженной команде...

– Но и мы же не дрейфовали!! И вот догоняют.

– И не только доганяют, но еще и окружили.

– Что?!? Что я слышу? Где окружены? – не мог поверить д'Обюссон, глядя по сторонам, на одинокие точки; облокотившись на борт руками выглянул назад, как будто мог что увидеть, и не увидев нерешительно предложил: – Тогда остается дать взад!?!...

– Тем более там Мальорка, – поддержал де Эльян.

– Мальорка это их четвертый корабль. На ее берегах практически невозможно высадиться. У нас совсем ничего нет для такой реконгсцинировки и там-то уж нас явно зажмут, если вообще дадут к ней подойти. Если вы перейдете на ют и взгляните на север, то обнаружите идущий за нами линкор «Арчибальд» с лордом Уилтоном на борту.

– И этот гроб поспевает? – удивился граф д'Олон.

– Он на вид может быть тяжелый и громоздкий, но идет быстрее нашего. Паруса на нем не сравнить с нашими, – популярно объяснил капитан де Фрете, – и у него загребные борты... \

что имея ввиду? Сложная морская терминология или вёсла? \ в открытом море рано или поздно он нас догонит.

– А какая есть надежда от него уйти?

– Надежда есть... Сейчас стоит сезон штормов и я их очень дожидаюсь. Погода благоприятствует или даже можно сказать предрасположена к этому.

– Но никакие шторма нас не спасут от капкана в который мы попали. Чем дожидаться морской болезни по обратному возвращению, не лучше ли думать как выпутаться сначала? / де Гассе /.

Шевалье д'Обюссон отдав бинокль невыдержанно спросил:

– В этом так называемом окружении такие прорехи. Вон впереди. Я не понимаю, что наш бриг так тихо идет, что мы по прямой не успеем выйти к тому месту, по которому этим кораблям придется идти наискось, что раза в полтора больше?

Сие умозаключение, хотя бы на словах несказанно обрадовало и самого шевалье Франсуа, явившись как само собой разумеющимся выходом из положения, казавшегося только что трагически безвыходным.

– Это все на словах хорошо получается. А на деле: посмотрели бы вы когда рассвело какая нам предоставлялась прореха. Ах нет же, ничего не получилось. А «Викинг» это настоящая ласточка на волнах. Седьмого часу он был там / капитан указал налево, взад / сейчас уже почти обходит. И вообще, черт побери «Ореол» так идет, как будто ко дну привязана бочка, – говорил с тоном неудовольствия и огорчения.

– Не расстраивайтесь, капитан, это вам только так кажется...

– Два румба влево!! – зычно скомандовал де Фретте рулевому, после того, как долго присматривался в бинокль вернутый шевалье д'Обюссоном.

– Влево?! – изумились некоторые и самым делитантским манером принялись спрашивать капитана, строя свои предположения, – Вы собираетесь идти наперерез «Викингу»? Но это же даст возможность фрегату «Запад» значительно сократить свободный проход между ним и «Викингом»! / или /... Навряд ли нам удастся их так раскрутить... Скажите нам, что вы собираетесь делать?

– Делиться своими соображениями еще рано. Я сам еще не знаю что будет, а чего нет. Подойдем ближе, там видно будет. Ясно одно: «Викинг» самое слабое место в увязке и пройти мы сможем только через него.

– Только через его труп. – вставил кто-то больше ради самих слов, но не смысла, чем воодушевил на подвиги вчерашнего артиллериста д'Олона, пресекшего атаку англичан из крепости. Граф вспомнил потрясающую вещь, что однажды при заходе этого судна в Маонский порт видел что по одному борту выставлена всего одна слабенькая мортира...

– Извольте убедиться, – протянул де Фретте тому бинокль, – что к нам обращен не тот борт.

Каждый заинтересовался что из себя представляет бортовая батарея «Викинга», желая взглянуть на нее собственными глазами. Острым наметанным глазом капитан де Фретте определил, что корабль противника по артиллерийской мощи ничуть не слабее «Ореола» и если прибавить к этому его скорость, то конечный результат предполагался плачевным. Маневренность возьмет верх и высокие мачты с парусами брига будут перещелканы даже шальными ядрами.

– Но в чем же тогда дело?! Почему «Викинг» ходит быстрее нашего?! – не выдержал Франсуа.

– Та же парусистость...

Этот неожиданный нововведенный термин произнесенный с тем раздражением от волнения, неожиданно рассмешил остальных, в том числе и его самого.

– Тут все дело, я думаю, в течении, – говорил капитан де Фретте, – В море оно всегда так. Здесь его нет, через двадцать миль пожалуйста...

...Скоро проверим. А сейчас я вижу к нам направляется аббат Витербо. Еще вчера он грозился нам устроить отличнейший обед. Вот что, признаться, я больше всего сейчас хочу.

С этим трудно было не согласиться, так как каждый чувствовал, если не как сосет в желудке, то сильный голод, пленительно настроивший помыслы и размышления о еде и заставивший с благодушием отнестись к той опасности, которая сжималась вокруг них, с легкостью оставляя разрешение вопроса на потом. Не унимался один лишь Франсуа и капитан де Фретте, идя вместе с ним, обещал за столом наглядно показать о всех видах маневров и там уже разобратся к какой тактике прибегнуть.

Они уже сходили по ступеням вниз, как оттуда поднялся молодой испанец с ведром воды в руках и только тут д'Олон спохватился.

– Ведьмы полосатые! А лошадей-то мы не кормили!?

Лошадей, которыми был забит весь трюм, разделанный под конюшню – лошадей, содержащихся там, действительно не кормили; о них забыли совсем. Несчастные животные, так же вовлеченные в авантюру страдали, от этого самого забвения; не столько от того, что их не кормили, сколько от того, что их не поили. И если ночью в конюшне, слегка проветриваемой прохладным ветром, было нормально, то сейчас днем внутри трюма от конских тел воздух нагрелся так, что жара там стояла невыносимая и совсем не было воды. В баке со вчерашнего дня еще оставалось немного живительной влаги, но и тот был раскрыт и иссушен до последней капли. Кони жаждали и ржали; и если на палубе их почти не было слышно, то когда офицеры спускались в кают-компанию ржание неслось с такой силой, словно то были звуки из бездны. Но и это не смутило компанию, направившуюся напрямиком к длинному столу, расставленному по зале морской квартиры. Все кто успел там рассесться, / а таковых было не мало /, сразу же получали свои порции в отменном приготовлении из всего того, что имелось на небогатом провиантном складе. Но пахло и смотрелось вкусно. Тем кто не успел к столу, а их была большая часть, раздавалось прямо из кухни на руки, есть где придется. Но они не чувствовали себя отверженными по отношению к офицерской компании, так как к ним понабилося много разных лиц.

Аббат Витербо предупредил вслух, чтобы наедались, больше такого обеда не будет, запасы съестного весьма скудны и сегодня скорее всего больше даваться есть не будет. / настройтесь /.

Преподобный отче верил, что их плаванье продлится несколько дней! Граф д'Олон посетовал на то, что совсем не подумал об этом, но ему нельзя было ставить в упрек, так как тогда / еще вчера /, его мысли были заняты совершенно другим и конечным считалось только выбраться. Не продумано было вообще ничего! Просто замесом мысли Капече Ковалоччо о главном: лишь бы усесться на плавающее средство, сказалась его практика пользоваться чем попало. Не подумали вообще ни о чём. Самые высшие мысли обретались только у капитана, пользовавшегося услугами разных вооружённых команд и знавших, что эта дружная братия в любом бою будет разнесена вместе с кораблём в полные дребезги.

– Ну ничего... На худой конец конятинки отведаем!

Взрыв хохота остановил и привлек внимание кого-то, кого д'Олон заметил и вспомнил, что уже где-то видел. Позвал его с жестом пальцев.

– Э! Идика сюда... Ты кого это поишь?

Фернандо уже подошел с ведром воды в руках и по знакомому слову понял о чем его спрашивают.

– Кони, – указав в пустоту, ответил он.

– Что-о-о!!! – заорал д'Олон. Которому стало понятно чем этот субъект занимается все последнее время. Носит ведрами и втихоряд спаивает лошадям последние запасы воды...

– Что ты творишь, убийца!? Ты нас без голоду всех переморишь здесь!! Иди положи... вылей ведро наместо; кто тебя просил воду переводить!

Между тем кони ржали и Фернандо снова указал на них пальцем в ошибочную сторону, пытаясь втолковать непонятливому.

– А нам!!!? – в бессилии убедить вскричал д'Олон, – Коней поит, а нам.../ обернувшись апеллировал он к публике /.

Проходивший сзади бородач посмеиваясь поправил Фернандо как правильной сказать.

– А коням?!

– А нам!!!?...Нет ну уберите его с моих глаз отсюда. Баскет, сходи разберись с лошадьми, от чего они там ржут над нами. И не вздумай сам их поить. Намочи сено в крайнем случае. Аббат Витербо, Бертон! Что же вы не смотрите за водой, а по морю гонять начнет?...Трофейным сегодня ни еды ни воды не давать, после пьянки это ни к чему.

Принесли вина. После выпивки наступило уныние, вернулась неприятная мысль и ощущение безнадежности, но мало-помалу увлеклись слушанием. Капитан де Фретте показывал на ложках различные комбинации и ситуации. Сидевший напротив него шевалье д'Обюссон постоянно спрашивал его о том или другом, изобретая новые ситуации и так увлекся, что надоел и вообще не пил. Ему многое прояснилось. В общих словах их положение можно было бы передать такими словами: чтобы выпутаться можно пройти через «Викинг» обязательно его при этом обезвредив и ни в коем случае не пострадать в стычке самим, любая же срезанная мачта или рея, подбитый нос, течь от пробойны приведут к печальным последствиям. В этом и заключалась вся хрупкость и слабость их положения. Сложность заключалась в том, что схватываться приходилось с хозяевами морей, отборной и слаженной морской дружиной; имея в своем составе в целом неслаженный, сборный ото всего и вся отряд беглецов, но горящий желанием сразиться за свою свободу.

Но были среди них команда опытных моряков, были французские артиллеристы под обозначившимся главенством д'Олона и более не было ни в ком нужды. Франсуа сидел, размышлял над этим вопросом, спросил у де Фретте:

– Может до ночи дотянем?

– Исключено, линкор нас через несколько часов догонит. Он десять-двенадцать узлов дает! Хотя... до ночи он может быть и не догонит, но с «Викингом» у нас так и так дело будет. Он уже сейчас идет на нас. Через пару часов предстоит бой... А о том какие у меня размышления на счет этого, лучше не спрашивайте. Чего нету, того нету. Баталия это вещь такая: что будет, то будет, и кто его может предугадать как будет?

– Хорошо, давайте тогда пофилософствуем. Они загнали нас в западню и рассчитывают задержать? – начал Франсуа.

– Обязательно, больше им не на что рассчитывать.

– Значит они считают, что дело в шляпе, что мы обречены и все такое?...

– В какой-то степени это действительно так.

– Очень хорошо. Раз так, я предлагаю такой ажиотаж. Мы приближаемся к «Викингу» и флажками даем сигнал: «Нам терять нечего – идем на таран»...с отчаяния. Для понту будем выкидывать на воду плавучее и пленных англичан заставлять выпрыгивать. Это шокирует только так, засомневаются. Мы подходим ближе, на «Викинге» струхнут, завернутся, как увидят мы, вернее наши англичане прыгать с корабля начнут. А думаю это нам только и нужно.

Капитан де Фретте возражать на эти глупости ничего не стал, тем более что бросить в море своих повывпрыгивавших моряков они не смогут, даже и оставив им шлюпки на целую предштормовую ночь... задумчиво согласился подействовать на нервы, тем более, что от них в самом деле можно ожидать чего угодно и надолго задумался, прокручивая в голове те или иные ситуации, главным образом за случайно нарушенную ходовую часть с парусами или на крайний случай пробитым бортом... Затем почувствовав, что просидели они за столом

уже больше часу, спохватился за потерянное время, встал... На него смотрели вопросительные глаза ждущих людей, уже порядком напившихся из запасов горячительного, всегда имеющегося на судах. Пьянку было велено прекратить и заодно де Фретте подумал, что «купать» голубчиков в таком состоянии будет крайне опасно.

– Подана интересная идея, побольше дурусти и мы проедем. Сейчас идемте наделаем плотов. И есть еще одно задание.

Всем скопом отобедавшие направились к выходу на палубу. Д'Обюссон и де Гассе зашли в офицерскую каюту взяли подзорную трубу и предпочли выход через железную лестницу и люк, и на носовой палубе оказались несколько раньше остальных.

– Осталось миль пять! – тревожно указали они капитану. Одним взглядом тот определил... во сколько раз они ошиблись, но что сблизилась они очень близко – было верно. «Викинг» просматривался до самой ватерлинии и полностью ниже; выгнутая поверхность моря за расстоянием более не скрывала нижней части судна, как скрывала «Арчибальду», у которой были видны по сути дела только паруса.

Д'Олон и Тижан-пушкарь ушли самым быстрым порядком собирать своих людей, заряжать орудия и готовить к стрельбе. Необходимо было еще перерубить лик-тросы, намертво прихватившие колесные мортиры к бортам и по сему из принесенных инструментов им отправили топор. Разделив людей на группы плотников капитан отправлял их то в одно, то в другое место разбивать на судне те или иные деревянные места, а с последними чуть сам не отправился, до того ему показалось опасным доверять подобные дела несведущим людям, и они были оставлены здесь создавать видимость.

Очень скоро вернулся д'Олон, посоветовавшийся на счет того: оставлять ли артиллеристов лежать скрытыми за бортом, или же отставить? Притащили к капитану первых два плавучих плота, обыкновенной сколотки. По его приказу они были отнесены на левый борт нижней палубы и поставлены дном на две из пяти мортир нижней палубы левого борта. Нужно было делать еще; на всякий случай.

Между тем они сблизались, «Викинг» уже можно было видеть невооруженным глазом и так разглядывать было даже несколько захватывающе. Ветер дул попутно «Ореолу» и капитаном отдавались команды поднимать новые и новые паруса. Матросы лазили очень живо и оставались там на реях ждать очередной команды.

Расстояние между двумя кораблями поминутно сокращалось и более всего его сокращал бриг «Ореол» пошедший на большой скорости напрямик. Большею нежели «Викинг». Оттуда уже должно быть заметили скопившуюся массу людей в носовой части и у бортов. Деревянные конструкции выпирали слегка из-за краев бортов. Но пушечные стволы кои все же оставались заметными, создавали впечатление забытости, никчемности.

Незаметно удалилась группа офицеров с кучкой добровольцев в помощь.

– И переоденьте их! – крикнул им вслед де Фретте.

Пора уже было выводить англичан!... Как быстро подошло ответственное время, хотя уже и вечер подошел в треволнениях. До полного сближения оставалось меньше одной морской мили. Шевалье д'Обюссон на пол пути от них вернулся, подойдя к графу д'Олону.

– Я видел кресло в кают-компании, куда оно сейчас делось?... и нужно бы еще винца притащить, так будет лучше. Оно еще осталось?

– Притащим, осталось... Но... стоит ли об этом думать?

– Понимаю тебя, но это для воздействия

Граф д'Олон, привыкший делать так как решал д'Обюссон, серьезно отнесся к тому, что он задумал. С Тижаном и еще двумя-тремя прихваченными по дороге они притащили из трюмов бочонок, кресло и рюмки. Пока это осталось нетронутым, привели двадцать пленников, раздетых до рубашек или же одетых в вывернутые наизнанку картузы. Густо окруженные в толпе французами от них навряд ли можно было ожидать инцидентов и по сему те, кто при-

водил их пошли выпить на носовую палубу, где желающим разливали по маленькому в рюмки и стаканы. У бочонка возвышалась над всеми фигура д'Олона и подошедшие посоветовали ему не показываться ни тем кого держали у борта, ни тем кто сейчас наблюдал за ним издалека. Это была мысль спасти графа от наказания, представив дело его подпадением в захват.

– А-а-а-а... ерунда, все равно трибунал, – с безразличием и скрипом в голосе отмахнулся от предостережений он, продолжая чаркой разливать красно-рубиновую жидкость. – Господа, по-немногу, может придется сигать за борт.

– Да не приведи господь! – предостерег капитан де Фретте, сидя в кресле и наблюдая через борт в подзорную трубу. Очевидно он встретился взглядом с капитаном того корабля, так же наблюдающим за ними в смотрительный прибор, если судить по тому что де Фретте поднял руку с рюмкой и сделав тост вдаль слегка пригубил, вслед за ним поднял руку с рюмкой д'Олон.

– Ну что, по прощальной!...

Послышались чоканья и промежутки тишины, в который капитан вторично приложился к остаткам, хотя пить не хотел. Выпив, обернулся к графу.

– Месье, это настоящий цинизм, пить за это. Вы что же не врубались, что мы ни в коем разе не собираемся трахаться и остаться на воде без ничего...

Де Фретте и еще что-то говорил, как Франсуа громким голосом прервал его, указуя рукой.

– Капитан, пол мили осталось, не пора?

Де Ферран доселе молчавший определил вслух:

– Четыре кабельтовых, что значило, что между сближающимися кораблями расстояние равнялось примерно двадцати четырем корпусам «Ореола». А бриг шел на хорошей скорости и капитан посчитал, что пока будет передаваться ультиматум один кабельтовый будет пройден, как раз ко времени когда «Викинг» по идее должны начать разворачивать для принятия нападающего брига батарейным бортом.

– Да, пора, посмотрим, что они на это нам скажут. Сигнальщик, давай, выкладывай наши условия!... Как закончит, спускайте первую партию...

Капитан де Фретте, а за ним флаг-капитан де Ферран побежали к штурвалу, лично заняться маневрированием и по приходу на место отстоящее совсем недалеко сразу сменили штурвального. Сигнальщик флажками уже вымахивал угрозу; де Фретте, предупреждая заворот «Викинга» по их ходу вправо / подставление батарейного борта /, менять галсы вправо. Бриг «Ореол» слегка закачал. Из показанной левой стороны из-за борта стали выпрыгивать первые выталкиваемые и далее без лишней спешки была спущена на воду деревянная поддержка. Вслед за ней выпрыгнул еще один из самых невыдержанных. Должный уже быть открытый огонь от противника не начался потому.

Не понятно было только, выдержал ли капитан «Викинга», но было понятно, что была задета важная струна его души. С подобным в открытом море один на один не приходилось сталкиваться и в прямом и в переносном смысле еще никому, и это могло шокировать. Вместо того чтобы остановить потерять два боевых корабля – это угробить карьеру своего начальника вдобавок. А удар такого снаряда с его ветром в парус мог получиться по действию даже одной опытной руки на руле среди всех остальных случайно понабившихся в побеге.

Чтобы убедить их ещё явственней на воду была спущена еще одна партия и сигнальщик начал передавать ультиматум... как «Викинг» стал заворачивать; не понятно было только, заворачивает он именно туда куда и они, или же заворачивается на сто восемьдесят градусов, пытаюсь уйти. Хотя последнее исключалось, слишком много требовалось времени для того, чтобы так же разогнаться. Чем подставлять зад, по логике вещей подставлялся батарейный борт, тем более по логике английского капитана, всегда отличавшегося твердым следованием военно-мореходному учению.

Предугадав естественный и исходный ответ, который давал кое-какие шансы, де Фретте продолжал заворачивать вправо, заходя вперед и начав этот маневр намного раньше, несколько преуспел в этом. Расстояние между кораблями очень скоро сократилось до кабельтового, чуть больше, за борт снова начали выпрыгивать. «Ореол» явно перерезал путь показавшемуся тихоходным «Викингу» и стал заворачивать свой нос на него. Хотя стоило англичанам еще чуть завернуть, и получилось бы носом очутиться в батарею, которая при удачном ведении стрельбы могла если не остановить совсем, то разбить оснастку и уйти, чтобы хорошо вернуться.

Но то для обычных отношений, здесь же они были явно ненормальными, до одержимости, и на «Викинге» колебались с каждой минутой попадая во все более безвыходное положение. Оставалось уже не больше ярда, де Фретте маневрировал на молчащий «Викинг», так чтобы точно сойтись в месте пересечения их путей... в какой-то момент раздалась команда: «на ют» и с носовой палубы люди хлынули в зад корабля, последние англичане вылетели за борт, вместе с плотом... и... может быть это в самый последний момент подействовало на англичан, «Викинг» не выдержанно резко стал отворачиваться батарейным бортом, подставляя другой, но под порыв сильного ветра. Последние два корпуса «Ореол» пролетел как на крыльях, рассчитывая подойти как можно ближе и де Ферран, находившийся ниже, определил, что развернуться «Викинг» не успеет, спрыгнув налетел на штурвал, стал заворачивать вправо сначала против воли капитана..., но когда тот увидел как носы чудом разминулись друг друга и сам очень сильно испугался, однако сообразив и задержав кручение, выравнивая ход.

Франсуа д'Обюссон оставшийся впереди в самый момент крикнул д'Олону, подбегая.

– Если промажете, все к черту! В нос!! Обязательно!...

Граф приложив горящий фитиль выпалил из своей передней мортиры как наугад. Подставившийся нос изуродовало железным ядром, но успеть высмотреть, что после взрыва осталось было невозможно; суда и конкретно их борта проходили друг возле друга в считанные секунды, но и за них единым каскадом успели прогреметь четыре выстрела... Какой-то из них попал в цель, одна мачта вместе с белыми парусами рухнула вниз.

– Грот-рея! Молодец, бомбардиры! – кричал д'Олон радостно. – я всегда знал, что среди вас хоть один да не косою!

Бриг расхотелся с поверженным «Викингом». Свобода показавшаяся миражем снова стала реальностью. Они вырвались из петли! Д'Олон орал от радости и обнимался как сумасшедший. С юта сбегались, но быстрее всех к шевалье д'Обюссону подбежал капитан де Фретте.

– Вы просто Сен-Мишель²⁵ французских моряков! Вы видели они сбежали от борта, хотя там стояли орудия. Так бы не смог даже Дюге-Труэн²⁶!

Оставшееся до ночи время бриг «Ореол» успешно уходил от преследования зайдя на течение, которое использовал загонный корабль, тем компенсируя ветер за беглецов, ныне же потерял компенсации и ветер не преобрёл в полной мере с нарушенной ходовой частью.

К ночи ветер усилился, предвещая шторм. Ночь из-за него была довольно тяжелая, но то был не столько шторм, сколько ветер, для которого оставили все паруса и благодаря сей рискованной хитрости за ночь они много прошли.

²⁵ святой, покровитель французских моряков

²⁶ знаменитый французский корсар

Глава XXI. Штиль

Длинный трехмачтовый корабль стоял с приспущенными парусами на якоре на спокойной голубой воде, светлой не из-за близости дна, но из-за яркого южного солнца. Воздух буквально плавился в беспощадных палящих лучах, от чего берег вдали расплывался в потоках зноя, нанесенных дыханием Африки.

Африка, она была рядом. Ее хорошо можно было просмотреть из подзорной трубы: полоска берега прекрасно виднелась, стоило только поднести к глазам ладонь. Безветрие еще более усилило духоту, от которой люди прятались в тени редких парусов, специально для этого и натянутых чтобы создавать тень и чтобы надуться при достаточно сильном ветре. Пока же об этом не было и речи, их использовали как прикрытие от раскаленного диска солнца. В тени лежали и полулежали. Франсуа использовал для этого свое кресло. Довольствуясь видом безбрежного горизонта, сливающегося синим с голубым, без единой точки в морской дали, указывающей на то, что корабли англичан потерялись за чертой видимости. Обзор снизу подводила черта борта.

Ветерок, все же никакой, но был слегка, продувая тех кто предпочитал наслаждаться тенью, тишиной и покоем, после беспокойной, бессонной ночи. Те же кто предпочитал воду, купался за бортом. Для них был спущен на воду большой треугольный парус и укреплен так чтобы внутри получился матерчатый бассейн. В нем словно наловленная рыба плескались люди, стараясь водой обрести прохладу. Но вода сама по себе самообман, если она разогрелась и была словно парное молоко, однако находиться во взвешенном состоянии упираясь ногами в натянутую парусину, или же лежать на ее отлоге могло показаться приятней. И такая же тень, отбрасываемая сверху, возвращавшая ощущение холодного времени года.

Команда купающихся была сугубо мужская, стесняться было некого и нечего. Некоторые выплывали далеко за края паруса оставляя для показа голые задницы. Матросы так же не упустили возможности искупнуться и вымыть тело, и очень скоро поверхность бассейнчика заволкло мыльной пеной. От нее спасались в чистой воде извне и оттуда залазили за борт и через него одеваться.

Тут как раз прозвучал удар медного гонга, созывающего всех на обед. Моментом, в сторону, откуда донесся звук, потянулись голодные.

В продолжении столом, составленным вряд, в морской квартире продолжали ряд новопеченные столы из досок, выдранных из внутренностей брига, так что места нашлись уже всем. За столом Франсуа первым делом сказал.

– Что-то со многих сторон видать берега...

– Перебрали мы той ночью с ветром этим, – говорил де Фретте, – Сейчас придется стоять в этом заливе. Будем дожидаться попутного ветра, может несколько дней. Потом шторм должен быть хороший.

– Эдак может выйти «Арчибальд» нас в скором времени нащупает? А если запрет здесь, то будем в плен африканский подаваться или всё-таки лучше к... своим англичанам?

– Англичане уже своими стали?! Родными...

– Графу д'Олону в Африку по приказу и до ближайшей белой колонии можно добраться попытаться. – говорили многие и разное.

– Думаю, что если лорд Уилтон и продолжит поиски, то уйдет к востоку и будет, мне кажется, поджидать у побережья Сардинии. Любой на их месте подумал бы, что мы выберем восточное направление и воду будем набирать у ближайшей земли. А здесь нет.

– Кстати, а как дела с водой здесь?

– Здесь корсары. Правда ничего не поделаешь придется наш «Ореол» еще немножко разобрать, чтобы отправиться на чем к берегу. Я кажется видел чистые реки. А то коней помо-

рим... – Кстати, будем заранее решать, если что, кому лучше в руки попадать: англичанам или корсарам?

В залу шумно вошел д'Олон:

– К чему такое спартанство, Бертон? Разве после вчерашнего нельзя бы было устроить такой же праздник? То кормишь в день по разу и праздники наши соблюдать отказываешься, это что такое? – говорил он усаживаясь за стол, явно где-то уже подвыпивши, – Я что не прав разве? Баскет! Тащи обнаруженное вино! / заметив де Фретте и Франсуа, обратил свое внимание к ним / . – Bravo капитану и сержанту, нашим спасителям!! Отдыхаем! В каково положение они нас загнали! / стало смешно / .

– Положение наше таково, что зависит от ветра. В какую сторону подует, туда и пойдем. Ветер с норда меня очень спутал и я никогда бы не подумал, что мы так быстро шли. Пропустили течение.

Внесли вино..., то самое в черных бутылках, которое пили в Рождественские праздники в тюрьме. От него, от одного лишь воспоминания передернуло некоторых из сидящих. У иных сие хмельное зелье вызвало бурный восторг. Графа де Гассе скриворотило больше всех. Иных можно было понять: для них вино оно и было вино, но не понятно как мог его напиток граф и еще устроить такой дебош:

– Почему?... Мне оно очень понравилось. Я как взялся губами попробовать так до самого конца и высосал все!

– Ну если ты врешь! – взялся за бутылку де Гассе, открыл и немного налил в стакан, – Я тебе этого не прощу...

...Ничего даже очень приятное. Перебродило может?

– / д'Олон / Баскет, давай все неси чтоб не думать о нем больше!

Вино действительно оказалось весьма отличным на вкус и приятно действующим на голову. Капитан де Фретте разговорился о своих ощущениях, которые он испытал в те мгновения, когда чуть не столкнул «Ореол» с «Викингом», что... гиблое дело.

– Я и сам так перепугался, я видел англов, спрыгивающих со снастей... Я уж думал все, каюк, абордаж... Я не мог пошевелить рукой, не верите! Если б де Ферран не подтолкнул, я бы вас, факт, бортонул.

Вино развязало языки и чувства. Оно в самом деле оказалось терпким и настолько приятным, что бедный Баскет бегал и бегал пока сам не спился и где-то по дороге не завернулся и уж больше не вернулся. Пили жалеючи, что нужно бы было оставить хоть немного на следующий раз, но остановиться не было возможным.

За разговорами аббат Витербо вдруг как спохватился, вспомнил о сюрпризе, который у него имелся для шевалье д'Обюссона... Меч-сувенир, который им был привезен из Франции от отца. Он давно его хотел вручить, но все как-то забывал.

– Неси же скорей! Как так можно было забыть?!

Сидящие за столом уже отобедали на всякий случай без остатков, и теперь сидели ждали. Аббат Витербо вынес вышедшему навстречу Франсуа его меч-сувенир, дорогой сердцу, как воспоминание и памятная вещь.

– Ну все, будете этим мечом рубить корсаров. – говорил де Фретте, вставая вместе со всеми из-за стола, – Отправляйтесь за водой в Африку. И перекатите пушку на правый борт на всякий случай... Я пойду посплю, разморило что-то...

– Как можно спать в такую жару, вы что?!

– Жара здесь не причем, я не спал с той самой ночи, и ту ночь перед побегом не спал, как чувствовал что-то. Посчитать так три-четыре ночи, и дня конечно же.

– Так вы совсем не спали эти ночи?!

Каждый разошелся делать дела. Столярных дел мастера принялись за свою прежнюю работу в месте разбитой взрывом пороховницы, ещё при штурме англичан, почти заделан-

ную, но сначала лазили по кораблю, искали места, где можно было надрать материалу на плот. Решили, что лучше всего для этих целей пошла бы палуба над конской конюшней, где бедные животные изнывали от жары.

Найдя то, что ему было нужно, шевалье д'Обюссон пошел к графу д'Олону помогать разделаться с перекатыванием колесной мортиры с тяжелым основанием, но тяжелой от того что колеса вращались туго и главному перевозчику приходилось прилагать все свои усилия, пока не плюнул на это дело, вынул из утопления станины железное жерло, и перенес на другой край, а вслед за ним помощники перетаскивали основание и принялись укреплять вновь собранное орудие к тому месту, где прежде пушки ставились. / Франсуа заметил, что и правый борт рассчитан на большее количество палубной артиллерии; оставалось еще несколько вырезов, которые отлично подходили к задуманному/.

– Крепите сильнее, не то скоро шторм, сорвется, устроит такой разнос, все борты и маты посшибает, не хуже того, что мы сотворили с «Викингом»! – кричал многосложно д'Олон.

Плот довольно длинный и основательный был быстро сколочен около разобранных мест и спущен на воду вместе со стояками для весел. Были так же спущены пустые бочки и все те, кто хотел в Африку... прогуляться. Шевалье д'Обюссон плыть с ними за водой отказался, он уже подбивал столяров-разломщиков и далее продолжать разбирать палубу. Выяснилось зачем, когда водовозы через пару часов вернулись, заметив, что корпус «Ореола» по семи весел с каждого борта.

Поднимали бочонки с водой очень и очень долго, а особенно много времени потратили на подъем тяжелейшего и неудобного в этом отношении плота. Приходилось на воде же разбирать его по частям и затаскивать. Только после этого предоставилась возможность взяться за весла, прежде усевшись на приготовленные места. Народу на корабле было хоть пруд-пруди, и набрать пятнадцать человек с дирижером не стоило никакого труда. По удару в барабан начался греб и с каждым глухим ударом гребцы должны были производить по гребку.

Но и через десять – двадцать раз оказалось что бриг не то что бы не набрал скорость, но практически не стронулся с места. забыли поднять якорь, что значит без капитана. После дело поправилось и «Ореол» сначала медленно, но затем быстрее и быстрее пошел вперед. Корпус судна своей легкостью и вытянутостью только способствовал быстрейшему продвижению.

Франсуа д'Обюссон стоял у края борта и наблюдая за остающейся позади водой, чувствовал удовлетворение от удавшегося дела, которое до сего времени казалось никчемным и бесполезным. Перед ним выпиливали в борту новую восьмью по счету каемку для еще одного весла, которое в данный момент выделывали в разобранный задней части корабля. Одновременно там же ломали головы как разобратся с образовавшимся завалом.

– О-арабская война! – вскричал вышедший к ним капитан де Фретте. Разбуженный шумом возни он уже и сам был не рад, что вышел / через люк /, посмотреть, что там творится, а творилось на палубе чуть ниже юта... нечто такое, что еще не бывало; по крайней мере капитану за всю свою жизнь видеть не доводилось. Длинные палубные доски от плота оставались лежать протянутыми от борта до борта, и обыкновенно наваленными друг на друга зияющими не иначе как ужасающе, значительным провалом под завалом, через который перебраться было не возможно. Впечатление с просонки у де Фретте сложилось такое, что ему разобрали всю середину корпуса до самого дна и по всему трюму уже сейчас свободно бегают кони, ржание которых он слышал...

– Что же это такое! Что же вы делаете?! Скоро шторм, они корабль в шалаш плывучий превратили. «Калоша дьявола», а не бриг!...Куда смотрел Тендор?! Боцман треклятый...

Перед ним оправдывались, уверяли, что все починят, так как было до, и щели как следует законопатят. К шевалье д'Обюссону он сзади подошел поостывшим и успокоившимся, даже пошутил: «Что, со штилем воюем?»

Но ирония была напрасна, «Ореол» имел превосходный ход и весь этот день и следующие они шли не сбавляя скорости, выйдя на попутное течение и ветер, слегка поддувающий в паруса. Ветерок поддувал с запада, следовательно выбрано ими было восточное направление, не чреватое какими-либо опасностями и неожиданностями. Лишь однажды смотря в подзорную трубу были замечены еле отличимые точки неизвестных кораблей, но они уже им были не опасны, гораздо быстрее их должен был достичь ураганный ветер, от которого они беспрестанно уходили ни на минуту не бросая весла, ежечасно сменяясь со следующими заходчиками. Грести и неудобно и тяжело, но смен набиралось пять и после каждого захода давалось четыре часа на отдых, и никто не тяготился тяжелейшей работы. Каждый без исключения состоял в шестнадцатках. Гребли все, даже капитан де Фретте, не исключая себя, ни аббат Витербо, и доктор д'Оровилл, ни боцман Тендор, который постоянно находил и назначал не хватающих в неполную смену; Бажоль, Тижан, де Эльян, де Ферран, де Сент-Люк, Фернандо, Рено, Бертон, Рамадан, Баскет, д'Олон, де Гассе, д'Обюссон, каким то чудом оставшийся у них на корабле стюард Экстлер, моряки, артиллеристы, волонтеры, каждый знал свое место и время, внося посильный вклад в общее дело... , тщетно уводя себя и свой корабль от надвигающегося шторма, скорее наоборот заводя его в него, тем что вышли из защищенной «гавани».

Глава XXII. Огни Св. Эльма

Шторм застал их внезапно ночью, налетев на спящих людей в полной неожиданности, закачав французский бриг словно скорлупку и заносив ее по волнам. Шквал оказался настолько стремительным и неожиданным в сознании людей, что и проснулись они, им показалось от того, что судно сильно накренило на бок и пришлось попадать с постелей. Первым на палубе появился де Ферран, но не удержался на ногах, оступился из-за налома на палубе, свалился, сломал руку. Отвели в каюты.

Ветер выл, судно трясло, качало и бросало в стороны. Капитан и боцман долго ругались друг с другом, перекрывая рев волн. Наконец спор разрешился, боцман был послан ко всем чертям. Матросы расслышали ужасную команду.

– Взять грот на... спустить кливер!

Очевидно капитан впадал в детство, или же плохо упал только что, как ударившись и головой: при такой буре он боится бортовой и килевой качки, и в то время как ураган налетает на веер распущенных парусов и того гляди снова положит бриг на борт, или же вгонит под волну. Слегка де Фретте понять было можно, он боялся, что на палубу наплещется воды и судно наберется ее в трюмы откуда откачать ее будет просто невозможно. Но боцман-то знал, что они заделали слив с палубы хорошо и стоять коням по уши в воде не придется. Поэтому от него, то есть от боцмана Тендора последовала негласная команда снимать, что только можно, там посмотрим, что можно оставить.

«Ореол», освобожденный от части парусов шел под контр-бизанью, двумя марселями и под малым кливером. Из-за прорех в парусах качало не сильно, как бы просквозя неухватившись хорошенько.

Этот первый шквал ветра, прошел очистив голубое утреннее небо, но после себя нес бурю. Было неизвестно когда, но она непременно должна была достигнуть их. Ветер то ослабевал, то усиливался, взбаламучивая поверхность моря и раскачивая корабль из стороны в сторону. К страданиям от морской болезни прибавилась пытка от бортовой качки. Д'Обюссона так же мучило и то, и другое, но он стойко противостоял оному, выходя на холодный морской воздух и вдыхая его свежим. Стояние на ногах приносило облегчение и чувство исчезновения и сглаживания симптомов этой болезни. Главное переставала болеть и мутить голова. Достаточно продрогнув он спускался вниз, в тепло.

Братия беглецов с суши слегла как один. К полной неожиданности, тянуло, с позволения сказать и капитана де Фретте, от чего получилось, что снаружи пустилось все на самотек, пока внутри страдали. Но то было не так, пока там находился бодряк Тендор и судно у него шло на восток, меняя каждые десять минут на один галс на север с тем, чтобы в конце концов постепенно вырлиться в Тирренское море, севернее Сицилии. Но ветер с запада все с нарастающей силой гнал бриг «Ореол» вперед и с каждым разом повороты становилось делать все трудней.

Ветер нагонял и разгонял тучи. По времени уже мог бы быть день, но вот уже на протяжении нескольких часов зафиксировалось одно и то же время: красного рассвета или заката, что не одно и то же, но то, что творилось на небесах разобрать было сложно, не понятно было откуда вообще светит солнце и где оно есть, но порою возникали настолько ярко-красочные картины, открывающиеся где-то впереди. То вселяло надежды, что они когда-нибудь выберутся из этого мрака.

К концу дня солнце приоткрылось, на заднем горизонте еще вися над водной поверхностью. Но светило оно каким-то нехорошим оранжевым светом. На западе появилась и больше разгоралась черная полоса.

– Берегись беды, солнце встало на якорь, – мрачно говорил де Фретте, стоя на киле. Впереди целая ночь невыносимой борьбы со стихией. То есть она должна была продолжиться

и после, но к тому времени, как было решено на состоявшемся корабельном совете, они должны были как можно поскорее пристать к Сицилии и переждать штормовую погоду в какой-нибудь тихой гавани там. Продолжать плавание прежде намеченным курсом в Тирренское море и через него, через самую пучину разыгравшейся стихии, было бы по меньшей мере безумием, как и то чтобы продолжать далекое плавание без съестных припасов.

В отношении широт, берегов Африки бриг «Ореол» поднялся достаточно, чтобы на ветре с запада идти прямо к намеченному месту, но идти оставалось целую ночь, это если не задержит буря. А она-то как раз и вызывала в душе морского и сухопутного капитана тревогу, невыносимую тревогу...

Однако время перед бурей почти прошло. «Буруны справа!» – кричал матрос; и в то же время на парусное облачение обрушился первый шквал западного ветра, самого свирепого из всех ветров Средиземноморья. Он обрушился сзади, подталкивая «Ореол» к более быстрому ходу, но оказался первый натиск не долгим и вскоре начал стихать.

– Поднять фор-марсели, грот и бизань!

Слышались беглые шаги матросов исполняющих приказание.

Первый шквал ветра прошел, но он был предвестником бури и за ним вскоре последовал второй. Шум все усиливался и за короткое время последовал третий, четвертый, раскачивая «Ореол» словно люльку.

– Держи крепче руль! – крикнул капитан рулевому, – Спустить брамсели! Держаться к ветру! Закрепите пушки. Принайтовите самыми крепкими канатами: – следовали команды одна за другой.

– Буруны справа! – снова кричал матрос с передней кром-балки.

– Клади руль к ветру!

Влекомый ураганным ветром бриг прошел линию бурунов и оставил позади. Но порывы ветра не ослабевали. Качало все так же сильно, волны яростно налетали на борт. Не возможно было определить где находится солнце. Небо почти все было устлано сплошным покровом свинцовых туч, гонимых ветром. но все же то тут, то там различались светлые оранжевые пятна. Эти пятна то увеличивались, то уменьшались, но вскоре совсем поблекли и пропали. Однако же прежде по воле ветра совсем рядом разверзлось огромное воздушное пространство, залитое оранжевым светом заходившего солнца. Много выше грозových облаков находились белые облака окрашенные снизу в цвет заката. Сей просвет не долго просуществовал в темных синих сумерках. Франсуа стоя на сыром обдувающим ветру, склоненный к захватывающим наблюдениям, экзальтически наблюдал.

К нему подошел капитан, бывавший везде.

– Сейчас начнется нечто страшное. Вам бы лучше уйти в каюты, – прокричал в самое ухо, так как из-за ветра не было ничего слышно. Вместе они стали пробираться в кают-компанию. Необходимо было взглянуть на карты. Местонахождение капитан знал и шел проставить новую точку в траектории их пути. Это было важнейшее мероприятие, так как непосредственно влияло на все дальнейшие приказание относительно выбора пути.

В каютах было тихо, светло и тепло. На лоцманке быстро отыскивали нужную точку и прикинули что к чему. Де Ферран так же согласился с тем, что попадающийся им ближайший крупный остров Эгадских островов следует обойти южнее.

Стол на котором лежали карты обступили разглядывая несколько человек, из тех что еще держались на ногах. Граф д'Олон, особа которого была невосприимчива к хмари, однако же заметно обрадовался тому, что они не так далеки от цели. Так вышло, что бриг «Ореол» находился в таком месте, откуда острова обходить было бы по меньшей мере нецелесообразно. Придется пробираться через самую гущу Эгадских островов и там уже выходить на Сицилию.

Но пора было спешить и капитан де Фретте вышел из залы. Из лежащих на застеленных полах вповалку послышалась мольба от наиболее чувствительного.

– Капитан, полегче на поворотах.

– Ничего не поделаешь. Это тебе не океан. Где можно по сто миль без поворотов. – бросил он тому уходя... отсюда, где смешались день и ночь и никто не знал какое время суток.

На верх он поспел как раз вовремя. Шквалы опьяненные влагой и дождем уступили место раздражающемуся над ними урагану. К нему были готовы, на мачтах не осталось ни одного паруса.

– Судно идет очень тихо – четыре узла, а раньше двенадцать, – кричал боцман указывая на образующиеся буруны впереди слева. Беглый взгляд в подзорную трубу подсказал капитану, что та белесая полоса вспенивающейся воды могла быть ошибочно принята за буруны. И в любом случае пренебрегать главной опасностью в пользу забортного не стоило. Единный и долгий порыв шквала все крепчал. Бриг качало, морская поверхность вокруг превратилась в плачущие и подпрыгивающие волны вместе с которыми начал плясать и корабль. Первоначальное решение не оставить ни одного паруса пришлось обыкновенно отменить, как это всегда бывает на меняющемся море. Чтобы уменьшить качку была отдана команда поднять марсели, брамсели и бизань, а самим матросам оставаться там. Приходилось ожидать самого ужасного. Ураган по сути дела еще даже не начинался, но и предвещение его казалось сущим кошмаром. Потоки были сверху и этим облегчилась задача противостоять качке. Судно заметно увеличило ход и цепко удерживаемые ветром паруса придавали устойчивость.

Прошло некоторое время, урагана все еще не было, но другая беда прибавилась ко всем другим.

– Рифы слева! – крикнул вахтенный с фок-мачты.

По мнению капитана де Фретте здесь не должно было быть никаких рифов. Рифы значит рядом остров. Но где он, во мгле ничего невозможно было разглядеть. Как сильно он ошибся в своих предположениях?

Забежав на капитанский мостик первым делом крикнул боцману:

– Тендор, пошли Армана делать промеры глубины. На нос самого лучшего вахтенного. Сам иди к вантам...

– Бросай лот, – крикнул он невоздержанно, когда увидел, что Арман остановился у борта. Результаты промера были особенно важны в их положении.

– Девять брассов!

Он успокоенно пошел с мостика и приблизился к сеткам защитных заслонов, уцепившись за них пальцами здоровой руки. Морские валы яростно клубились на расстоянии полукабельтового. Благо неслись в ту же сторону.

В это самое ответственное время де Фретте успокоенно задумался о своем, глядя на беснующуюся воду за бортом. Он очень сильно устал, но ответственность машинально взяла в нем верх. Рука сама подняла трубу к глазу... Ему ясно представилась черная масса, нависающая над полосой белых бурунов..., впрочем при более внимательном рассмотрении выяснилось, что эта белая полоса не что иное как следствие яростных ударов волн о скалистый берег. Тоже самое кричал и вахтенный с биноклем.

– Впереди остров!

– Бросай лот!

– ...Семь брассов! / прибежал Арман / Если мы и дальше будем так же идти, нас бросит на скалы.

Но по правую сторону расходились буруны, страшной силы. Они были заметны по белым пенящимся гребням издалека и при виде в подзорную трубу своей водной движимой массой захлаживали душу. Заворачивать вправо значит подставляться бортом и неминуемо дать опрокинуться. В лучшем случае дело кончится заливом водой. Снимать паруса, значит терять скорость и получить сильнейший удар в зад который понесет и закружит. Решение было принято мгновенно. Отвернуть от острова самую малость и продолжить ход рискованно, но только

так пожалуй и можно было выкрутиться из положения. До острова оставалось еще далеко. Арман побежал делать замеры. Де Фретте сначала побывал на юте, откуда понаблюдал за надвигающимся валом, затем устремился наперёд. Палуба уходила из под ног, но ходил он привычно твердо.

Стоя у края борта капитан наблюдал за тем в какой угрожающей близости они подобрались к острову и выглядывал назад, поджидая опасность.

Вал шел сильнейший, это было видно еще издали. Замеры глубины Арманом показывали что дно еще не близко. И де Фретте решился отдать приказ:

– Лево на борт, до конца!!!

– Буруны! – орал матрос с крон-балки.

«Ореол» едва успел выполнить крутой заворот как почувствовал сильный толчок взад. Можно было молиться богу, вал прошел!

– Право руля!

Тоже самое кричал и Арман не на шутку перепугав остальных.

Ураганный шквал явственно ухнул в небе. Но ничего страшного как ожидалось не произошло. Остров принял на себя всю силу ураганного удара. До брига донесли лишь резкие порывы и поэтому не стали даже снимать паруса. Их влекло от острова и «Ореол» был отдан на волю ветру в бушующее морское пространство, открытое всем ветрам.

Конечно можно было не спешить уходить из-под прикрытия, остаться переждать весь ураган, но не ровен час направление его могло измениться и бриг обыкновенно бы разбило о скалистый берег. Капитан де Фретте решил не подвергаться воле случая, а уйти пока это возможно.

Когда лот Армана показал глубину за двадцать, можно было успокоиться, но выйдя из прикрытия «Ореол» попал под продолжающийся ураган. На мачтах оставались некоторые паруса. Их затрепало как тряпки. Такого сильного воздействия ураганного ветра капитан прежде не знал. Натиск заставлял его побежать, и не упав он вовремя его бы ударило о борт. И в лежащем состоянии он не чувствовал себя уверенно. Цепляясь пальцами за неровности поднял голову.

Что стало с другими людьми, с теми что оставались на мачтах, он не мог видеть. Масса проносающегося над головой воздуха, видимого и ощущаемого, застилала глаза, казалось сейчас будет конец. Судно накренило на правый борт, так что получился большой зачерп воды. Огромная масса ее хлынула в блинд. Послышался ужаснейше действующий на нервы хруст. Блинд-рея сломалась. Не было никакой возможности кричать и давать приказания. Один прямогольный парус со средней мачты сорвало и унесло с потоком далеко в сторону.

Блеснула мысль, что оставшиеся на мачтах матросы догадались рубить паруса и сорванный парус тому подтверждение. Однако вода в блинде беспокоила куда больше, но там находился боцман.

Тендор уже организовал вокруг себя людей и они бросились к вантам откачивать воду. Та вода, что осталась на наклоненной палубе была в то же время выдута из-за борта. В приподнятый противоположный борт бились тяжелые валы и поэтому бриг продолжал валиться направо. Перебрасывающиеся сверху останки волн переплескивались через всю ширину от борта до борта, где это было возможно, обдавая влагой лежащего там де Фретте. Промокнув до костей он окончательно потерял способность сопротивляться и пытаться за что-либо задержаться с перевязанной не действующей рукой. Один одиноко заброшенный перестал быть капитаном и повелителем судна.

Ураган все продолжался, ужас застыл на лицах людей не способных ничего поделать. Им оставалось искать спасение от выдерающего потока, отдавая единственное свое спасение в бушующем море – «Ореол» на волю беснующейся стихии. Недорубленный брошенный парус болтался словно полотнище флага.

Снова послышался треск, сломались две отягощенные весом Брам-стенги.

Но самый пик ужаса настал когда судно, несмотря на то, что рулевой крепко держался за руль, понесло. Верхняя оснастка корабля, которая так и не была освобождена от оставшихся за ней парусов попала под такую угрозу меняющегося урагана, что ее раскачало так что концы грот-реи окунулись в воду и с нее кажется кто-то слетел. Вернее даже, сорвало ветром. Если его можно так назвать. Определенно кого-то вырвало и забросило в самую пучину. Но кого это могло волновать, когда показалось что их самих сейчас перевернет туда же. Не многие заметили трагедию и лишь на короткий миг рассудок был занят этим. Все же остальное время шла инстинктивная нечеловеческая борьба за то, как удержаться.

Ко всему можно привыкнуть, ко всему человек привыкает. И хотя не в человеческой природе свыкаться со всем полностью, но важно то, что матросы на реях относительно свыклись с происходящим и зашевелились. На приказ капитана рубить марсели они сделали лучше, умудрились спустить их и укрепить лик-тросами. После чего стали потихоньку спускаться вниз.

Сила ураганного ветра постепенно стала стихать. И это было очень заметно тем, кому довелось испытать на себе основную ударную силу, находясь в висячем положении. Что ураган начинает спадать могло почувствоваться каждому и тому кого вместе с капитаном мотало на палубе и тому кто надежно законтрил штурвальное колесо и кто вместе с боцманом задыхаясь в воздухе и водяных брызгах, откачивал воду из блинда.

Но еще рано было торжествовать окончательную победу. Стоило только им успокоиться и по приказанию де Фретте надеть марсели, контр-бизань, косой грот и фок, как налетел новый усиленный шквал. Длинный, но устойчивый бриг как показали испытания стало медленно и неотвратимо накренивать опять на правый борт, и опять получился зачерп воды. Порывы равномерно чередовались еще сильнее, клоня и вминая корпус судна еще глубже. Целую минуту, жуткую и ужасную. «Ореол» плыл большей частью лежа на борту.

Но рулевой выполнил приказание капитана класть руль по ветру, и бриг стал медленно возвращаться в свое исходное положение по ветру.

– Подымается, – с облегчением говорили матросы. Идя по ветру киль «Ореола» разрезал морские валы и буруны. Капитан не успел даже отдать приказ снимать такие-то паруса, предотвращая повторение пережитого. Как сила ветра стала стихать. Ураган прошел.

В мгновение кругом все прояснилось; морская поверхность успокоилась, после короткого дождя последовавшего вслед за шквалом, прояснилось заголубевшее небо. Ветра хватало ровно настолько, чтобы вести «Ореол». Либо они пережили действительно страшнейший из ураганов, который только встречается на Средиземноморье..., которому бы на суше вырвать с корнем деревья; либо они чувствовали себя так скверно от того, что давно не ели.

Но так или иначе закончилось все благополучно, и можно было не думать о том что у островов было бы лучше, как думалось при попадании в подобное. Изнуренные и слабые матросы спокойно стояли наслаждаясь тишиной и спокойствием, а больше отдохновением.

– ...Кто, он?! – говорил возражая старина боцман, – Никогда!... «Ореол» не потоп, он никогда не потонет. Такие не тонут... Земля рядом была, доберется.

Уверенность с какой говорил Тендор вселила благостное успокоение в сердца людей, созерцательно вглядывающихся в синеву ночной мглы. Тишину прорезали гулкие и громкие удары Армана железным по железной обшивке основания мачты, высекая искры.

Неожиданно над головами зажглись крупные огни светящихся звезд. Сверху, с концов рей и мачт полился волшебный свет фосфорисцирующих шаров. По зову из трюмов и кают, залитых водой, потянулись смотреть на чудо воспрянувшие духом люди. Огни святого Эльма густо облепили ночными фонарями поверхность оснастки брига, заливая ее бледным белым светом. На нос корабля кто-то побежал, видимо заметив нечто еще более важное. Раздался громкий радостный крик:

– Дэлантэ Сисилия!²⁷

²⁷ (исп.) впереди Сицилия!

Часть II ...И Медные Трубы

Глава XXIII. Впереди Сицилия!

«Ореол» выходил из пролива между островами Леванцо и Фавиньяна, меняя галсы и уклоняясь от встречи с полосой побережья, занявшего весь горизонт. Впереди была Сицилия, долгожданная и заманчивая, после месяцев тюремных стен, недель плавания и наконец после прошедшей штормовой ночи, казалось выжавшей последние силы.

Но вот настало утро и засветило яркое солнце, как последний из самых хворых выбрался на свет, и палуба оказалась заполненной людьми. Особым ничем не оставалось заниматься, как продуваться на ветерку, выгоняя из себя последние остатки хвори и просветлять голову приятными просторными видами небесной голубизны, уляпанной плывущими облаками, с синевой моря, которую нельзя было назвать бескрайней. Подзорные приборы гуляли из рук в руки и зрители развлекались тем что разглядывали из них близлежащие острова, к которым они были пока наиболее близки.

Меловые холмы и белые хижины селений крестьянских ли, просто пастушечьих /?/... быстро надоели; они плыли вперед, и их манила к себе другая, неведомая и загадочная земля, лежавшая впереди и близкая тем, что находившаяся под скипетром своих же французских Бурбонов. Желания встретиться с ней было хоть отбавляй и прибавлялось оно еще и тем, что мало у кого не сосало в животе. Поэтому подзорные приборы из рук в руки перекочевывали в переднюю носовую часть судна.

Наверное, каждый строил планы, что он будет делать в Палермо? Аббат Витербо выдал Франсуа всю сумму денег, каковая ему была дана от барона. Как выдал? Выдал он только на словах, на деле же чуть только аббат о них заикнулся, как был тут же назначен казначеем, и деньги ему полагалось хранить у себя. Предстояли большие расходы: на ремонт судна и постой, и все деньги которые имелись в наличие – пятьсот луидоров, предполагалось израсходовать, так что возиться с ними представлялось шевалье излишним. Куда лучше было сдать все финансовые обязанности на шею сметливого аббата и управляющего, а самому вместе со всеми предаться праздному времяпровождению по прибытии.

А Сицилийские берега уже приблизились на столько, что можно было думать о скорейшем завершении их водного пути. Правда, не так скоро оно должно было наступить, как близко уже виделось побережье. Предстояло еще пройти это побережье, выйти северней за мыс Сан-Вито, пересечь залив Кастелламаре по прямой, оторвавшись от берега, и за горой и мысом Галло зайти в залив Золотая Раковина и Палермский порт.

Пока же они только выровняли курс параллельно побережью, которое было видно как на ладони, и просматривалось от песчаной кромки и до лысых, серых, а местами покрытых свежим травянистым покровом куч холмов, в большинстве своем слитых воедино и образовавших гряды, иногда вылезавшие в самое море. Но в основном прибрежные виды представляли собой отлогие или вообще равнинные местности.

Впереди по пути, берег неожиданно выступил мысом, преграждая дорогу, отчего пришлось дать чуть влево. Вправо же в широкой и удобной гавани Франсуа высмотрел примостившийся за маяком по берегу городок, довольно аккуратный на вид, или то, что от него могло быть видно. Можно было разглядеть даже причалы!

Шевалье побежал с подзорной трубой к де Фретте и, подав ее, указал на свое открытие. Капитан вытянул трубу, присмотрелся...

– Это Трапани. Но мы здесь не будем останавливаться. Если уж в Палермо, так сразу в Палермо, и чем быстрее, тем лучше. Состояние нашего «Ореола» мне, честно говоря, внушает опасение.

– Но раз так, сколько еще осталось до Палермо?

– К завтрашнему обязательно будем.

– Но сегодня может затянуться и до ночи, ведь вы посмотрите, как мы тихо идем!

Такой прекрасный день мы превратим в день изнываний. Зачем?!

– Я с вами полностью согласен, шевадье! Терзаться желудком и нагонять таким образом аппетит действительно незачем. Ничего подобного не будет, уверяю вас. У Бертона и Экстлера еще осталось, оказывается немного мучки, и они пообещали испечь отличного хлеба. Голодными мы не останемся и заодно доставим радость аббату Витербо.

Франсуа весь превратился в недоумение.

– Проведем достойно постный день! Видите ли почему я не хочу приставать в Трапани, там мы непременно застрянем до следующего дня и в Палермо прибудем только завтра. Это раз. А второе за что я опасаясь, это то, что «Ореол» может остаться там навсегда. Лишние сутки он на воде навряд ли выдержит. Я осматривал дно – как будто на мели качались. Сочиться вода не понять откуда. По-видимому с остовом что-то. Килевая качка какая была! Одна лошадь ногу сломала.

...А до Палермо дойдем.../ говорил, зевая /. На верфи наладят наш кораблик. Я даже постараюсь уговорить городские власти произвести ремонт за собственный счет из союзнических соображений. К тому же наверное после стольких... людей будет не загнать обратно, захочется проделать тот же путь посуху. А это уверяю вас опасно. Надо сохранить людей.

Между тем бриг «Ореол» продолжал идти ровным, мерным движением совсем не оправдывая о себе мнение, каковое о нем сложилось у капитана. И вскоре мыс был оставлен далеко позади. Побережье по главную сторону тянулось так близко, что на плешах холмов были видны тени откидываемые облаками. Полоса берега была на редкость прямолинейной, хотя за ней прибавилось холмов и чем дальше, ландшафт стал переходить в гористый. Но долина реки прервала сие начинание. Зато через нее можно было просмотреть на внутренние сицилийские горы.

Через час как ожидалось испекли и начали выносить горячий хлеб. То не могло считаться постом! Хлеб был настолько желанным и вкусным, что доставил пиршеское удовольствие. Ни одно самое что ни на есть гурманное блюдо полусытому человеку не может доставить столько удовольствий как ломтик горячего рыхлого хлеба, отщипнутый голодным, обессиливающим от голода человеком.

Хлебцы давались на целый день, но никто растягивать не собирался, да и не смог бы, когда поджаристые корочки таяли во рту.

Неожиданное и неприятное известие прервало удовольствие и заставило людей с тревогой беспокоиться о своих жизнях. С трюма прибежали два матроса крича во всеулышанье и сильно раздражая нервы.

– Вода!! Вода!!

Прежде чем идти смотреть капитан де Фретте дал рулевому четкий и ясный приказ: разворачивать корабль и идти прямо на берег, садиться на прибрежную мель.

Франсуа перехватил у капитана подзорную трубу взглянул на побережье.

До него было мили четыре – три, и не ясно еще успеют ли они до него!?

Боцман Тендор засвистал в свою трубочку, собирая моряков идти к вантам откачивать воду. Это обстоятельство немного успокоило взволновавшегося шевадье Д'Обюссона. Другое что успокаивало его в данной ситуации – это светло-голубая поверхность моря возле берега и светлые пятна невдалеке, что означало мель и посадка на такие песчаные мели ожидалась более чем мягкой. Высадиться на берег осталось бы приятным времяпрепровождением.

Видно течь оказалась серьезней чем о ней думал де Фретте, из конюшенного трюма стали выводить лошадей, разбредшихся по нижней палубе и наследивших своими грязными мокрыми ногами. Конец плавания превращался в бардак. Добавилось тревоги. Огни святого Эльма, как уже стало всем известно предвещают неблагоприятное.

В каюты никто уходить не хотел, там было влажно и душно и посему на палубе образовалось настоящее столпотворение. Устав находиться в нем Франсуа ушел к капитану в трюм, где он управлял спасительными работами. То что он там застал крайне понравилось Франсуа. Течь, а точнее прощелина от нее была основательно заделана, и последняя вода выкачивалась помпами наружу. Лежали мерзкие мокрые тела крыс, как будто пахнувшие. Исхудалых, замученных лошадей снова стали заводить в ненавистное им место.

Выйдя на прежнее место у руля, капитан де Фретте отдал приказ разворачиваться прежним курсом. Шевалье д'Обюссону окончательно пришлось расстаться с мыслью высадиться на берегу, и проехаться по очень интересующей его местности... Он даже заставил себя смолчать над предложением: основной части людей не имеющей никакого отношения к морскому делу высадиться все-таки на берег, а остальная часть доведет корабль без них. Меньше риска на случай если «Ореол» не дотянет, затонет загодя.

К берегу они теперь оказались еще ближе и после случившегося так и продолжали держаться. Виды за побережьем становились все более всхолмленные и гористые. Прошел час, другой, медленного пути с однообразно меняющимися местностями. От них и от самого плавания, порядком затянувшегося, можно было устать, если бы не свойство человеческой природы находить себе массовые занятия – Бажоль, де Гассе и де Ферран с одной стороны повели нешуточный бой на шпагах против де Эльяна, де Сент-Люка и д'Олона.

Франсуа так же был не прочь размахнуть руку, но с места на борту не слезал, а, облокотившись на крепежный шест, оставшийся от предохранительных сеток, продолжал созерцательно и задумчиво глядываться в искрящуюся на солнце воду... За прошедшее время раздумий Франсуа о многом решил и сейчас ясно смотрел на вещи, которые ожидалось в самом скором времени...

– Скажите, капитан, – обратился Франсуа к нему, – Что мы сейчас проходим?

– Горы, что вы видите... Это уже начинается гористый Сен-Вито, дальше мыс и за ним залив Кастелламаре.

Сен-Вито... что-то известное и знакомое почудилось ему в этом названии. Совсем недалеко проплывал удивительно пологий голый песчаный берег, редкая растительность, разработки, после которых оставались кучи щебня, кажется мрамора. Особенно много мраморных копий было на просторной ровной низменности, которая была совсем небольшой и за которой сразу начиналась высокая и отлогая гора, видевшаяся еще издали. Ее Франсуа принял сначала за мысовую, но потом понял, что самообманывался. Своим массивным величественным телом она закрывала другие такие же горы, но помельче, по сути дела являвшиеся холмами-отрогами. Закрывался ею и обзор дальнейшего побережья от чего ошибочное впечатление складывалось даже тогда, когда та гора открылась полностью.

Но побережье тянулось и далее. Под склоном горки Франсуа явственно различил угловатое готическое тело серой церкви, и селение, разместившееся возле, там и сям, жители которого занимались исключительно разработкой каменоломен, если судить по тому что совсем не было видно рыбацких лодок.

Небо затянулось матовой пеленой, но очень скоро уступило место кучевым облакам, создавшим впечатление преддождливой погоды... главным образом из-за того, что свет шедший от них носил в себе оранжевый оттенок.

Внутренние горы полуострова Сен-Вито не были такими уж несуразными, но в тот момент, когда Франсуа д'Обюссон в подозрную трубу увидел мыс возникла обратная ситуация

что возникла с горой. Слишком сильно бриг «Ореол» жался к берегу, что невозможно было определить будет ли продолжение?

«Ореол» медленно огибал полуостров и мыс Сен-Вито. Сам мыс уже ясно просматривался, и был-то он всего лишь основанием горы, гребнем спускавшейся в море. Из-за края открывалось бескрайнее водное пространство, а де Фретте дал команду: два румба вправо, что значило еще ближе прижаться к опасному скалистому берегу.

– Зачем так мельчить?! – невыдержанно вскричал шевадь д’Обюссон, когда услышал слова капитана. Получилось, что он чуть ли не перебил его. Де Фретте не закончил давать команды, и оставив реплику шевадь без ответа, крикнул вахтенному залазить на самую вершину мачты: по расцветке поверхности смотреть где мелкие места.

Бриг «Ореол» теперь шел самым берегом. Находясь на самом носу капитан зорко высматривал видимую из-за мыса часть моря. Де Фретте ощущал нехорошие предчувствия, не покидавшие его все время. Послал Армана справиться о состоянии днища.

Франсуа вспомнил что ему не ответили. Сейчас это показалось в крайне острых тонах. Он может быть очень невыдержанно вставил свой вопрос / сейчас эта ошибка воспринималась болезненно /, а де Фретте, давая понять невниманием, даже не взглянул в его сторону, ставя на место выскочки. Хамское отмалчивание капитана, после установившейся близости отношений, после того что он дважды должен быть ему благодарен за то что свободен, уязвляло Франсуа до глубины души. Сцена повторялась в памяти раз за разом, все более корбя душу. Он чувствовал и обиду за ничем не вызванное к себе грубое пренебрежительное отношение, и распался от ответной злости, что готов был требовать отчета. Но удовольствовался тем, что затаил обиду и при случае намеревался дать понять что он не из тех простаков с которыми можно и хорошо, и резко пренебрегать вежливым отношением с ним. Этим фетишный капитан только унизил себя в глазах одного из тех, которые, по сути, и являются ведущими всех дел, и от которых здесь все зависит.

Бриг «Ореол» выходил из-за мыса, резко огибая его наводную часть. Замеры глубины производились постоянно. Но не это отвлекало и обратило внимание Франсуа. Стала видной другая подсолнечная сторона. Из-за яркого света казалось не волны разбиваются о скалы полуострова, а жидкое золото. Такой виделась вся прибрежная полоса прибоя небольшого залива прорезающего окончание Сен-Вито. Отсюда, от мыса был виден другой рукав берега, отделяющий его от следующего, несравненно большего и омывающего полуостров с восточного края залива Каstellамаре.

К носу корабля подошли посмотреть на раздвигающуюся панораму несколько человек, в том числе и доктор д’Оровилл, который попросил у капитана его подзорный прибор, осмотреть впечатляющее побережье. В просьбе было трудно отказать и на время де Фретте оказался в трудном для себя положении, как без глаз. Франсуа продолжал смотреть в свою подзорную трубу, как они обходили одинокий мысовый утес, оставляя его по правую сторону и медленно устремляясь в залив.

Доктор д’Оровилл не спешил отрывать от себя удовольствие и капитан де Фретте видя такое дело попросил трубу у него, Франсуа.

Отдавать с готовностью сразу ему не хотелось, и посему прежде неспеша он обвел невооруженным взглядом вокруг.

– Сейчас, посмотрю вот только, что там за точка...

Взгляды присутствующих обратились на него. Нервозность передалась всем окружающим, холодком прокатившись по их душам.

– Что там, да говорите же!!

Глава XXIV. «Арчибальд»

Линкор англичан выходил из-за скалистого края рукава побережья и казалось при всем усилии гребных бортов, вспенивающих воду устремлялся им навстречу. Де Фретте чувствуя неладное бросился за подозрительной трубой и почти вырвал ее из рук. Трубный гортанный звук вырвался из его груди. Руки беспомощно опустились, задев о край бочки, на которой, как на столе, лежали разные карты. Его предчувствия сбылись, он почти вопросительно взглянул на Франсуа, уже успевшего прийти в себя. Обретя свою обычную невозмутимость шевалье д'Обюссон спокойно перевел взгляд в сторону гористого побережья.

– Что вы еще придумаете? – укоризненно пошутил капитан относительно хода мыслей ангела-спасителя. Сразу за мысом берег обрывался и уходил глубоко вовнутрь залива, образуя на Сен-Вито своеобразный маленький полуостров. Даже если на миг представить, что длинный бриг «Ореол» сможет пристать и люди каким-либо образом умудрятся преодолеть разбивающиеся о прибой волны, не каждому преодолимые, и даже если быстро, до подхода «Арчибальда», то даже в этом случае выброшенный англичанами десант отрежет их на этом клочке земли и выловит.

Назад пути уже не было, хотя там имелись примеченные удобные для пристания участки берега. Успеть до них навряд ли представлялось возможным, как никак, течение вело «Ореол» вперед и против него у ветра даже греблей невозможно было противостоять. Уходить в море не было перспектив, бриг казался тихоходным в спокойную погоду.

Людям стоявшим в оторопении, излишне было объяснять всю безысходность положения в котором они неожиданно оказались. Оно представлялось фатально безысходным, и конец виделся близким.

Доктор д'Оровилл последовал своей догадке. Оказавшись у левого борта он начал про-сматривать линию горизонта. Через несколько мгновений обратно по курсу им был обнаружен фрегат «Запад», правда с некоторыми но. Но и в этом случае это уже было не страшно. Море оставалось для них закрытым. Тянулось время когда никто не знал что делать. Де Фретте не мог заставить себя собраться мыслями.

Итак, пока они шли навстречу линкору «Арчибальд», отжимавшему их в залив. Шевалье д'Обюссона передернуло от самой этой мысли.

– Заворачивать, капитан! Нужно заворачивать к берегу, и там будь что будет. Нам нельзя так сдаваться, не забывайте у нас граф!...

Высадиться любой ценой, попытаться уйти, или запрягать графа д'Олона, но не отдать его в руки англичан, по отношению к которым он предатель / со своим д'Олоновским размахом и нахальством /, и которого по всей видимости ждет участь за неимением виселицы, быть расстрелянным. У Франсуа сердце сжалось, когда он о том подумал, что станет с их горячо любимым графом; стал искать его глазами, но д'Олона не было среди них, он еще даже ни о чем не подозревал.

Разобрались что делать довольно быстро, стоило капитану подать команду, Д'Обюссон, де Эльян и де Гассе побежали собирать людей за весла, какие еще оставались, дабы не сидеть сложа руки, и хоть как-то ускорить ход брига. Долго собирать встревоженных французских кавалеристов не пришлось, они, как по тревоге вскакивают на коня, споро разобрались по веслам, и принялись более чем добросовестно грести, выдерживая невероятный такт команд, вкладывая все силы.

Кричать команды принялся д'Олон, не довольный медленностью, с какой это делалось. С его громким басовитым голосом это получалось довольно хорошо. А при его недюжинной силе он мог в то же время и грести в одиночку целым веслом, и увеличивать такт, сообразуясь со взмахами своего весла. Баскет поднес ему удобную опору для сидения. Оставшиеся не у дел

так же подтаскивали гребцам сиденья, готовые в любую минуту заменить выбившихся из сил. Но и с опорой под собой налегать на весла представлялось крайне неудобно, потому что весла были ничто иное как грубые необработанные доски, и ходили они свободно в малопригодных для этого вырезах, впопыхах вложенных без всякой привязи.

В то время как части французов снова пришлось вспомнить опостылевшие им позы, снова почувствовать отчаянно-опасливое состояние, и безысходное положение загнанных, де Фретте мучился поболее остальных, муки его были душевного плана. С острой болью он воспринял тот факт, что на линкоре «Арчибальд» разгадали их намерения, а значит его.

Бриг «Ореол» уходил от берега незаметно при этом заворачивая, так что получалось первое время они шли на сближение, потом был резкий маневр в сторону выхода из залива, но недолгий. Другим резким маневром опять на обозрение был подставлен правый батарейный борт, на котором возились артиллеристы ставя пятую мортиру обратно в свое гнездо. Был произведен предупредительный выстрел.

Воевать с линкором на бриге «Ореол» никто не собирался, не прошел бы номер и с тараном, снаряды прежде разнесли бы в щепки, но по идее английскому кораблю стоило все же прежде идти по прямой занять середину, залива, заперев таким образом выход на простор, прижав к берегу военный корабль французов, которому доводилось разить британские. Но «Арчибальд» не воспользовался этой предосторожностью и так же стал углубляться по своему краю залива в сторону куда шел «Ореол», с расчетом на время.

У французского корабля еще оставалось время вывернуться на не занимаемую середину, но «Ореол» шел прямо в свою западню. Мечте капитана довести свой корабль не суждено было сбыться. По его приказу матросы полезли на мачты, убирать ненужные паруса оставляя лишь косые, те которые могли хоть как-то использовать силы ветра с закрытого запада. Бриг «Ореол» при всем усилии своих гребных бортов шел параллельно скалистому берегу, из которого частенько торчали глыбы камня иной раз отстоящие от него на значительном расстоянии. Де Фретте же рассматривал полосу побережья вдаль, казалось всю состоящую из каменистых сходов отрогов.

Взад, запыхавшись, подошел шевалье д'Обюссон, еле внятно выговорив свой вопрос:

– Как наши дела?!

– Неважны. Взгляните на старого знакомого.

Франсуа взял то, что ему протягивал де Фретте и перейдя ближе к левому борту взглянул на объект, видимый без затруднений и простым глазом.

«Арчибальд» заметно приблизился. На открытом для обозрения капитанском мостике стояли лорд Уилтон и граф Стенхоуп, получивший свой титул за командование военной операцией и успешное взятие Маона.

Единственное, что могло радовать в складывающейся ситуации это только то, что англичане никак не ожидали от них весел и великолепная западня затягивалась во времени. Прошло уже более получаса. А они казалось выскочили из-за мыса прямо на поджидавшего из-за него и за ним прятавшегося.

Д«Обюссон перешел к осмотру волнительно интересовавшего его побережья, но прежде осведомился у капитана, не нужна ли подозрительная труба ему? Не нужна... Де Фретте не собирался более заглядывать вперед, рассчитывая на удачу найти пологий песчаный берег с изумрудной водой, как главным нужным показателем. В его намерения входило как можно быстрее найти подходящее место чтобы удачно выброситься хоть на камни. Что за судьба у «Ореола», не таран так на камни.

Чтобы осматривать берег не требовалось ничего кроме зоркого опытного глаза, определять то насколько сократилось расстояние между ними и «Арчибальдом» было возможно только простым глазом. Оно почти оставалось таким же. Но если бы при встрече они начали совершать разворот, не проскочили бы, то приближение сделалось бы самым критическим.

А так они хоть и заходили в западню сами, но затягивали время и ловили свою удачу в спасительном месте пристанища. Нужно было посмотреть, если ветер был в их пользу, то стоило хоть немного поотрывать с тем чтобы выиграть время на отрыве для высадки. Так и проделали в течении очень долгого времени многих несчитанных часов, во время которых всячески подготавливались к высадке в самых разных условиях.

Арман беспрестанно бросал лот, делая замеры глубины. Впереди вырисовывались контуры гор продольного берега и ослепительно яркий прибой. До него они не успевали. Если не высадится сейчас, высадка будет вестись под обстрелом с подоспевшего линкора. Шевалье д'Обюссон, судя по его поведению что-то высмотрел, даже присев к борту. Де Фретте посмотрел в сторону «Арчибальда»...две мили, не более двух миль оставалось между ними вдруг неожиданно случилось с изменением ветра. Они не успевали, они решительно ничего не успевали! Не надо было расставаться в пользу чужого любопытства с подозрительной трубой ни на секунду.

Берег шел такой как и всегда, сплошные нагромождения поросшие лишь кое-где жалкими малозаметными покровами зеленой растительности. Приходилось выбирать не только прибрежное дно, но так же и дальнейший путь за ним вглубь чтобы проглядывался, по расчетам должный пролегать до противоположного берега клочка суши маленького полуострова, который они почти обплыли. Тот берег послужил бы хорошим путем, являясь пологим и предположительно дорожным, каким они его видели на многих протяжениях. Наудачу капитан де Фретте решил пристать к берегу сейчас же.

– Полный разворот на право! Кончай грести!

– Не-т! Нет, капитан, ни в коем случае! Только полный вперед! Я вижу патрульный баркас. Они указывают нам куда нужно плыть!

– Бросьте вы, обращать внимание на рыбацкие лодки!

– Это вооруженные люди! Они понимают в чем дело и явно заинтересованы нами!

– Это англичане; еще бы им не интересоваться нами. Они указывают нам сдаваться им, – потише произнес де Фретте, чтобы не вызвать невольного хохота-насмешки над ним. Шутка однако показалась резонной и еще более укрепила капитана де Фретте в решении выброситься на берег сейчас же.

– Наверяд ли англичане успели на вербовать себе итальянцев! Зачем? Это чистокровные итальянцы. Я вижу их загорелые лица!

– Таможенники!... / в поднявшийся хохот Франсуа расхохотался больше всех /. Какого черта они могут нам помочь?! Полный направо!

– Стоп! Прекратить разворот! Нам следует узнать на что они показывают. До них меньше полумили!

К тому моменту когда д'Обюссон кончил самовольно приказывать и голос его смолк, почувствовалось что де Фретте ругнулся:

– Черт возьми!...

– Что? Вы что-то сказали?

– Ничего, так!

– Определенно я слышал вы чем-то недовольны?

– Я не доволен тем, что кораблем управляет не капитан!... Я понимаю что у нас полувоенное общество со случайным общим интересом, но давайте тогда быть хотя бы серьезными людьми и мальчишество, один раз прокатившее в силу обстоятельств, я так понял по соответствующему отношению к нам, показавшихся действительно пожелавших подороже продать свой подвиг и потому принявшихся улепёгивать подставленным задом. Только бы неопасным разрушением его они смогли бы увязать нас, но совершили неверный манёвр и подставились под огонь в упор по снастям и не получив также само увильнувшее позаду же судно. Уточняю, как некоторым могло показаться, мы не проходили борт о борт, но отвилынули резко в сто-

рону и ушли от обстрела. Цапнули довольно удачно и отскочили от траекторий поражений. Это я отвечаю обещанно на заданный прежде вопрос. Интересно конечно будет их на баркасе послушать, что они скажут, но поймите и вы, через эти пол мили, да после того как мы их выслушаем нас уже отстреливать начнут. И чем тогда сможет нам помочь эта шлюпка?! Что бы они не сказали сейчас когда начнут долетать чугунные ядра всё сказанное будет сметено этим! Что бы они не сказали! На чтобы они не указали!

– Капитан, но вы взгляните только / протянул подзорную трубу /.

Но доктор д'Оровилл, который из-за контрастности видов ни черта не понимал того что он видит, успел вернуть де Фретте свой прибор.

– Ах, шельма, как заразительно махает, – говорил капитан, осматривая лодку с четырьмя гребцами и высоко стоящего на носу итальянца, экспансивно жестикулировавшего в сторону, куда он не преминул взглянуть.

– Я вижу там пристань, ей-богу я вижу там отличную пристань, внутри скалы! – говорил Франсуа ликующим голосом.

Но де Фретте ничего не видел, там все было в скалах. Волнение не давало сосредоточиться, а спрашивать где, у седоватого капитана не давало самолюбие. Оставалось понадеяться на то, что хваткая молодость в лице шеваляе права.

Д«Обюссон однако имел некоторые сомнения относительно того, что он видит. Его взгляд выхватил в каменном лабиринте площадку, сходную с тем за что он ее выдал, но возможно ли туда пристать? – вот в чем был вопрос для взявшего на себя большую ответственность Франсуа. Сейчас и ему перестало быть все предельно ясным. Замучили вопросы о потере расстояния, и самый основной: можно ли подойти к той пристани. Изрезанность берега продолжала оставаться для него загадкой. То не был еще самый угол залива, но виделось все как будто вдоль, и вперед на самом краю выступала массивная горка из-за которой на веслах выплыла лодка, и неясно между ней ли, или в непролазном тупике находилась пристань. Хотя точно можно было установить имеющуюся там кромку воды. Но что возможно для лодки, то нет для бригаа.

Уставшие гребцы сменились, вместо сломавшейся поставили новую доску слегка обтепанную на конце. С новыми силами прибавилось ходу. Капитан де Фретте, давно подозревавший что ветерок, который он чувствует, поддувает в спину, наслюнил палец. Последовавший затем приказ гласил поднять все пять ярусов прямоугольных парусов.

Чем ближе бриг «Ореол» подходил к патрульной лодке тем более прояснялась картина. Горка оказалась горой окруженной со всех сторон водой – то есть островом, находящемся на значительном удалении от скалистого берега, где и была вырублена широчайшая площадка, к которой без сомнения можно было пристать. Но можно ли с нее было выбраться? — задал Франсуа сам себе вопрос. Однозначно – можно, раз махали, и раз пристань была твореньем рук человеческих. Не в самом же деле ее вырубили англичане для западни... У него хватало внутренних сил шутить, самым наидурнейшим образом, какой возможен в самое ответственное время с мелкой дрожью в теле, может не бываемой, но внутренне ощущаемой. Капитану же де Фретте было не до дурачества в голове, дистанция которая поминутно сокращаясь, сейчас немногим превышала милю из-за неожиданно возникшей мысли сократилась еще на расстояние пушечного выстрела!? Линкор «Арчибальд» сближаясь уже вынужден был несколько повернуться к ним бортом, но все равно был виден мощный киль линейного судна разрезающий водную поверхность, создавая при этом бурливые волны, расходящиеся по обе стороны.

Предпочтительнее было наблюдать за «Арчибальдом» простым глазом, де Фретте насмотрелся сегодня до боли в глазах, изучив кажется досконально, но и так он был прекрасно виден со всеми шестью или семью ярусами белых парусов.

Ветер перестал надувать паруса, но не затих, а изменчиво задул супротив. Как не заметно произошла сию манипуляция она отразилась на скорости и состоянии парусов. Их при-

шлось опять убрать. Как пригодились весла, когда-то из досок выдуманные шевалье Франсуа, он себе представить не мог, находясь все время в азарте погони! Единственное что двигало ореольцев к спасению, это они сами!

Очень хорошо было уже видно кормчего на лодке, продолжавшего стоять, но уставшего махать. Четыре гребца, сидевших в лодке, продолжали грести в направлении к ним, рискуя оказаться выставившимися перед линкором.

Рулевой без приказки капитана стал легко заворачивать вправо, дабы зайти в пролив между островком и выгибающимся берегом. Патрульная лодка итальянцев развернулась носом по курсу брига и развивая ход стала сближаться с траекторией прохождения «Ореола». В какое-то время они сблизилась настолько, что с лодки за борт корабля перекинули конец веревки, его подхватили сразу несколько человек. Гребцы по левому борту остановились, считая что лодку должно снести на их весла, но этого не произошло. Как только конец веревки был закреплен с легким отклонением от перпендикулярности к борту, она повела лодку за собой. Таким то довеском оказался очень недоволен д'Олон, гаркнувший на гребцов: не зевать! Но остальные собравшиеся с большим интересом прислушивались, а все больше присматривались к тому что им говорит или спрашивает итальянец. Некоторые слова были удивительно сходны, но безудержный поток слов заглушил проблески понимания. Так и не было понятно, что он к ним имеет, или от них хочет. Д'Олон немного понимал по-итальянски, но все свои лингвистские способности затратил на родной французский, на котором предлагал перерубить веревку и ее концом заткнуть надоеде глотку. Непонятно почему граф так ополчился когда все живейше интересовались?... может быть потому что в самом начале услышали слово пароль, и принимая прежде прозвучавшую шутку за чистую монету, а их за таможенников, приставших к ним в самое неподходящее время с самыми идиотскими вниманием, не желал иметь с ними дела, а на буксировку тратиться потенциами.

Как знаток английской артиллерии д'Олон / плывал на линкоре / в своей нервозности оказался на высоте, совсем вблизи разорвался выстрел дальнобойной гаубицы. С верхней батареи. Опасениям, вызывавшим тревогу суждено было сбыться, не доходя до прикрытия острова-горы три ядра с большим они подпали под обстрел, но самое страшное ожидалось как раз по выходе из-за нее, вернее когда гору должен был обогнуть «Арчибальд». Он уже сейчас устремился на разворот оставляя за собой ярды, словно прыжки. Об этом думал д'Обюссон, когда заметил что аббата Витербо поблизости нет. Бросив подозрную трубу на поверхность бочки и перекинувшись с капитаном де Фретте парой слов, подошел к борту.

– Чио!...инглэзе бастименто!

– Кабише!...

Франсуа так же невтерпеж было слышать долгую пространную речь, но послать его на все четыре стороны не хватало моральных сил, слишком бесстрашно и сознательно себя вел итальянец, гортанным и тенорным голосом с выразительной хрипотцой выпрашивая у них пароль, а так же предлагавшимся в лоцманы.

– Сейчас я ему напишу пароль! – говорил де Фретте когда узнал в чем дело. Он оторвал от карты полосу, принявшись на ней писать находившимся возле грифелем.

Прогремел второй выстрел, сделав небольшой недолет, попадать было необязательно. «Арчибальд» едва ли не перестреливал французский бриг на подходе к причалу, и самое главное было то, что линкор отвернулся батарейным бортом, но все равно был виден, пока обозрение еще не закрывалось надвигающейся как тень горой. Франсуа охватила усталая успокоенность, в какой-то степени вызванная обреченностью; обреченностью даже самой быстрой высадки, если они успеют причалить... и он вздрогнул, заметив краем глаза темное массивное тело подобранной с краев горы-острова имеющей правильную шапковидную форму.

Де Фретте свернул написанное в несколько раз; подойдя к борту швырнул записку написанную на испанском, как выяснилось потом... свой приговор.

К удивлению собравшихся итальянец читать ее не стал, а только бережно заложил в нагрудный карман куртки и... попросил жестом руки отпустить конец веревки. Граф д'Олон, которому они мешали гребсти, махом это сделал, не приводя однако в исполнение угрозы подергать за веревку, так чтобы лодка перевернулась вместе с ними вверх дном.

В том что гребцы на лодке сразу завернули ее в сторону горы ничего удивительного само по себе не было, но само то, с какой служивой настроенностью без всякой видимой команды они это проделывали, навело Франсуа на мысль... Кормчий сидел на носу лодки спиной к тому куда он плыл. Прежде не обращая на гору-остров никакого внимания теперь он с большим вниманием осмотрел ее. В глаза бросилась расщелина в ее теле сверху-донизу и внизу!...

– Господа. Обратите внимание! Внизу цементированная площадка!...И лестница. Это наваждение какое-то! Странное здесь место!

Именно к той площадке и направлялась лодка с итальянцами, сицилийский язык которых так никто и не разобрал... старший из которых, Франсуа заметил, самым бессовестнейшим образом пренебрегая честью посыльного, с которой он принялся выполнять взятое на себя дело доставки послания начальству, там где оно у него было, спокойно достал сложенный в несколько листов, развернул, прочитал и ...выкинул, искоса глянув в их сторону. Листок ветром вернуло ему обратно, задержав на груди...

– Кстати, капитан, – спросил шевалье д'Обюссон, – Что вы написали в записке?

– Послал их к чертовой матери!

Поднявшийся хохот был перекрыт мощной артиллерийской канонадой. Линкор «Арчибальд» еще не был виден из-за тела скрывшей его горы, но стрелял казалось из-за нее! И настолько явственно близко грохотали ядерные разрывы, что впечатление складывалось: с линкора расстреливали гору в упор для острастки. Были видны пороховые дымы поднимающиеся с нее.

Огромное сожаление охватило французов в предчувствии печального конца всему их славному предприятию. Сейчас они, хоть и на некотором удалении, уходили от горы-острова на искосок к причалу в береге. Не будучи широкой, гора не могла долго закрывать собою пространство, они увидели «Арчибальд», и в тот же миг непонятный и ошеломляющий снова разразился каскад артиллерийского грохота, оглушившего растерявшихся людей. То оказывается стреляла гора с ревом двадцатикратно, тридцатикратно слившихся воедино голосов канонады. Поверхность моря покрылась всплесками разрывов, линкор «Арчибальд» резко отворачивал в сторону! Уходил из поля обстрела, как поджавший хвост щенок, невыразительно отплеываясь бесполезной железной слюной в скальное. Они были действительно спасены здесь во всем и со всех сторон.

Глава XXV. Пещеры Корсаро

Пораженные видением волшебной силы, которая отвела от них неминуемую участь, как действительно волшебный сказочный восточный Сим-Сим открыл своё нутро и извергнул защитное, ореольцы со своего корабля наблюдали как медленно поднимается с поверхности горы и рассеивается белое пороховое облако дыма. Гребцы остановились в своей работе с замедлением глядя через борт на ниспосланную благодать...

Капитан де Фретте спохватился первым, приближался берег, не стоило пренебрегать им и как можно скорее использовать предоставившуюся возможность. Не нравилось ему это место, не нравилось дно, хотя глубина была порядочной. Капитан своим чутьем предчувствовал порог, за которым после таких глубин должен следовать шельф. Шевалье д'Обюссон видя как он волнуется слушая Армана, попытался успокоить:

– Я вижу у причала цементированный пол! Все указывает на то, что он постоянно используется. Да! и вот еще что. Я забыл вам сказать, итальянец говорил заходить справа. Я уж и не надеялся...

Но де Фретте не слушал, сорвавшись с места на котором стоял, побежал кричать рулевому... и вовремя! Под ногами почувствовалось как днище брига шеркнуло, протерев камни о камни, и только. Через минуту де Фретте радостно сообщил.

– Фарватер словно заказан у природы! Лоцман мне сообщает такие глубины, что я просто не перестаю удивляться. Здесь бы мог причалить даже «Арчибальд»!

Напоминание о «Арчибальде» маячившим поодаль заставило людей подумать об опасности. Положение загнанных, в котором они пребывали, не нравилось никому, как не нравилась сама эта местность, непонятная и безлика. Каждый желал поскорее достичь берега, вырваться с моря, ступить на твердую землю и поэтому планов на дальнейшее строить было не нужно, изголодавшиеся по земле люди, с вождением ждали глазами когда они смогут на нее выбраться. А она уже приближалась. «Ореол» лавировал уже возле прибрежных камней. Все бы было хорошо в душе капитана, если б не ржание лошадей из трюма. Сейчас оно усилилось настолько, что похоже было они там тонут всем стадом. Побежали разбираться и вообще было уже пора готовиться. Перед тем как борт еще не коснулся гранитного основания собравшиеся на носу офицеры провели последнее короткое совещание.

– Друзья мои, нужно покинуть бриг, чувствует мое сердце нашему «Ореолу» пришел конец, ватерлиния пошла вниз, – со скрытой горестностью проговорил капитан, и не он один подумал о том, что так полюбившийся им за время их героического плавания «Ореол», их главный трофей, должен быть потерян потому что возиться с ним не представлялось возможным. По словам де Сент-Люка их здесь явно не за тех принимали, и чтобы не искушать провидение следовало самым скорейшим образом спасти самое дорогое – жизни и свободу. Горная артиллерия могла защитить их только с моря. А совсем вставать под защиту горы-острова с итальянцами непонятно что здесь защищающими и принимающими с паролем, независимым по духу ореольцам было обыкновенно не вмоготу. Неизвестно еще как дело обернется?... Со всем этим очень туманным и непонятным. Если бы они видели испанские мундиры!...

В настоящий момент они видели более светлую цементированную площадку, вырубленную глубоко вовнутрь, от чего над ней нависали перистые глыбы вершин. Длина причала оказалась небольшой и капитан де Фретте предпринял большие старания чтобы пристать носом и серединой... левый борт перестал грести назад, скинули якорь, бриг тяжело стукнулся бортом и был придержан выкинутым концом каната к торчавшему железному набалдашнику пирса! На секунду внимание привлекли два темных пещерных входа в стене.

– Спускай нижний парус! – крикнул капитан де Фретте спускавшимся матросам, внимательно глянув на гору-остров. Гребцы бросали свои весла, первые начали перелезть через

борт, который в одном месте стали прорубать, а в другом перекидывать трап. На палубу выбежало несколько лошадок и вместе с ними как ветром принесло де Феррана с сообщением:

– Течь невозможно остановить!

– И не надо. Не своими руками топим и то ладно, англичанам меньше мороки будет.

Граф д'Олон услышав о предрешенной судьбе корабля первым своим побуждением бросился спасать пушки. По его зову к нему собрались его пушкари, помогать расклепывать стволы от лафетов и оттаскивать на причал. Те кто успел перескочить через борт помогали оттуда сгружать стволы на цементный пол. Д'Олон не терпя помощи в одиночку и таскал многопудовые чугунки, и сам же их ставил, сильно перегибаясь через брусья борта. Остальные же люди, что оставались на корабле в основном были заняты выводкой коней из трюмной конюшни и перегоним их на другую сторону борта. Особенно много мороки доставила лошадь с переломанной ногой. Получилось что ее чуть ли не на руках пришлось перетаскивать через перекинутый трап. Очень сильно она упиралась, так что д'Олону пришлось за задние ноги выпихивать несчастное животное. Но с остальными получалось довольно быстро. Они сами становились ногами на досочный трап и перебежали вниз, словно наученные. Какая-то из них провалилась меж досок, но не страшно. Пока возились с ней, за ней образовалось скопление. Люди смешались в крупных телах животных и в какой-то момент вышла заминка. Пришлось использовать незаконченную затею с проломленным бортом. Но самое тяжелое во всей этой работе с конным стадом приходилось на тех, кому довелось первыми в панической спешке спуститься вниз и оттуда выгонять мечущуюся скотину. Темно, жарко, смардно и воды прибавилось по пояс, вот что довелось испытать на себе Рено и де Феррану, смотревших так же и за тем, чтобы не в меру резвые кони не сбили их в кучи плавающего тут же навоза. И конечно же на чем свет костеря конюха-Фернандо не заботившегося об уборке порученной ему конюшни. Выбираясь из ада вслед за последним отпущенцем, рискуя быть легнутым ретивцем, обои они тщетно мечтали выместить свое зло на незадачливом испанце.

Найти его вряд ли было возможно. Причал был заполнен множеством людей и коней. Им и самим нужно было спешить, борт корабля очень сильно опустился. Но еще продолжали возиться перед трапом, откуда-то таскали еще из склада седла и уздечки, кои расходовались тут же. Вспомнился полковник Беккендорф, который назло ненужно загнал раньше времени скотину на борт чтобы тем самым досадить своему недоброжелателю.

Разбившиеся по парам французы наскоро взнуздывали по одному причитающемуся коню. На самых крупных /д'Олон выбирал/, накладывалось по паре увязываемых друг к другу стволов по бокам.

Капитан де Фретте ждал завершения стоя в одиночестве у дальнего борта, поглядывая на умолкшую гору-остров, представлявшую собою ни что иное как выделанную изнутри крепость. Затишье которое продолжалось довольно долгое время, не могло нравиться, потому что не сопровождалось попыткой навести контакты хотя бы посредством того же итальянца на весельной лодке. Но ничего не было кроме установившейся гнетущей тишины и безрадостного чувства прощания... Он прощался с красавцем «Ореолом», долженствуя по всем правилам сойти с него последним. Взметнутые ввысь одетые мачты которого, так украшали его издалека; никому не чувствуемая красота из этих французиков... кто столько на нем спасался, сейчас поспешно покидал его словно бегущие крысы, радуясь даже тому, что смог бросить гибнущее и приступить к дальнейшим делам по спасению; даже матросы бывавшие с ним заедино и выдавшие его стоящим в полном облачении на рейде в порту, стояли к нему спиной копясь в толпе как жуки. Де Фретте был полон тихого презрения, не спеша сходить с уходящей уже из-под ног палубы, прощаясь с мечтой о выведенном им великолепном четырехсоттоннике бригае...

– Капитан, торопитесь! – крикнул ему д'Обюссон, отнюдь не покушаясь на приоритет капитана быть последним, но напоминая, потому что круп коня, которого он сталкивал вниз

уже рисковал остаться вне причала и быть засосённым ушедшим в пучину бригом... Неожиданно, Франсуа не понял что произошло, его как оглушило разрывным шумом с человеческим криком. Обернулся... взрыв! То кричал поверженный капитан де Фретте, с которым он еще секунду назад говорил...

Де Фретте упал на бок едва ли стонущим. Д'Обюссон бросился к нему, перевернул на спину, заставив почувствовать ужасные боли, приведшие его в себя. За спиной шевалье появился Арман.

Корпус «Ореола» сильно качнуло как в предсмертной судороге, с причала им закричали перебираться...

– Не надо! – не свойственным ему голосом с хрипотцой проговорил умирающий, – «Ореол» счастливый корабль. Пожелайте мне на нем выплыть в рай.

Франсуа ничего не успел сказать как глаза капитана де Фретте закрылись навечно, а из разжавшейся руки выкатилась и покатила по наклонной плоскости подзорная труба... Бросаясь вслед за Арманом, он подхватил ее и с разбегу запрыгнул с уходящего борта на каменный край, подхваченный для страховки крепкими руками. Сразу как только встал в рост, обернулся назад...

Видна была только палуба заливаемая водой и накренивающаяся мачтами в дальнюю сторону / благо не на них /. Тело капитана де Фретте безжизненно лежало заливаемое водой. Взмокшие седоватые волосы казались куцыми.

– Он хотел в рай.

– Преступный был человек, – ошеломляюще неожиданно произнес де Эльян, – При жизни я бы ему никогда по-дружески руки не подал.

Де Эльян произнес это настолько твердо, смело и уверенно, что ни в ком не вызвал чувство протеста и заставил шевалье д'Обюссона призадуматься. Он вспомнил лицо де Фретте мелкое, с живыми едкими глазами..., и согласился что не смотря на внешний соучастственных флёр естественного главнокомандующего здесь это вполне могло быть так. Франсуа всегда чувствовал не к нему, но к его внешнему... всегда существовала толика неприятия, отчуждение. Но капитан де Фретте был капитан, и в силу своего положения он не мог не сделаться душой их содружества.

Теперь в огромном деревянном гробе он уносился в пучину и над ним разыгралась буря воды в которую ушел нижний парус, затем пошли реи, одна за другой... Никто бы не подумал что мачты у «Ореола» были так длинны, но поражало и то какая глубина вбирала в себя горделивый бриг. Только одни верхние реи с флагштоками можно было видеть над бурлящей и пенящейся водой когда почувствовался удар о дно.

Оставшаяся видимая близость с погибшим кораблем озарила души французов светлым успокоением, но верхушки мачт продолжали двигаться, пока не завалились в сторону и не исчезли.

Растроганный граф д'Олон с чувством пообещал поднять «Ореол» и восстановить в его прежнем виде. Про капитана де Фретте ему не нашлось что сказать, он только смог погрозить в сторону горы-острова с итальянцами, выпустившими смертоносное ядро. Он даже первым спохватился, положив руку на плечо д'Обюссону.

– Давай! А то нас сейчас десятками хоронить будут.

Второй выстрел не заставил себя долго ждать, но по-видимому не совсем пристрелянно было это место для пушки с горы, выстрел попал в скалы, только каменные осколки поплюхались в воду позади повернувшихся спиной французов. Фернандо подвел д'Обюссону взнузданного жеребца с подвешенным стволом и тот быстренько на него вскочил.

– Сюда не надо, я видел подозрительных типов, – указал д'Олон на ближайшую левую пещеру.

Видя что Фернандо отстал от него и не собирается садиться взади, д'Обюссон стронул коня и направился в дальнюю правую, устремляясь в проход пещеры с горящим фитилем, поданным ему д'Олоном.

Пространство пещеры очень хорошо освещалось далеко наперед, высокие каменные своды и стены не наводили сомнений в нерушимости. Мягкая укатанная дорожка с пролеглими вдоль следами полозьев звала вперед и Франсуа д'Обюссон ехавший впереди понукал коня ногами, переходя на легкую рысцу, подавая пример более быстрой езды.

Несомненно к тому времени когда гулко прозвучал третий взрыв отряд французов уже успел скрыться внутри пещеры, и навряд ли нацелен он был на причал, от которого и тянулись следы отвоза. Но не так они занимали мысли ореольцев сколько то куда эти следы приведут. Правая пещера, которую они выбрали оказалась длинной, но легко преодолеваемой, и вскоре показался бледный просвет.

Выезд наружу оказался не таким впечатлительным как того ожидали, прежде всего потому что выезжать пришлось по ложбине тянувшейся у подножия отрогов каменистой горы, которую они проехали по нутру и сейчас оставляли позади, выбираясь на возвышенное место. Голова отряда остановилась чтобы подождать, возможно поотставших и осмотреться. Чистый ясный день предоставлял этому большие возможности. Кругом простиралась местность, которую можно назвать гористой, так как ровного места на ней не было, по левую сторону уходила впадина, зеленые шапки холмов, которые так и не утратили своей обычной окраски буровой серости, разве что более живой и поросшей растительностью в восходящее время года. За невидимой впадиной на холмах пасся мелкий скот замечаемый белыми пятнышками ближе к подножиям. Уже на вершинах, где они не были каменистыми, и ниже чувствовалось нещадное воздействие солнца. Моря не было видно, но оно ощущалось по крайней мере с трех сторон и чтобы вырваться из этого нежелательного окружения они устремились по дороге ведущей в подходящем им направлении вперед.

В недалеке от дороги и на склонах росло очень много можжевельников и хвойной ели, но окружающие виды и красоты природы интересовали проезжающих и особенно тех кто ехал в голове колонны, только как места возможных засад, теперь уже сицилийцев. Попадались такие места, где бы их можно было взять голыми руками, без единого выстрела. Приходилось ожидать всего. О том насколько эта местность оказалась крутая норовом своим, им уже довелось на себе испытать. И посему передние старались как можно скорей покрывать значительные расстояния, посреди однородно тянущейся страны, увлекая остальных людей к тому же, обращая больше свое внимание на разговоры друг с другом и подозрительности по сторонам.

Неровная каменистая дорога с перепадами, вымоинами от дождевых потоков изнуряла отвыкших от езды людей, ехавших еще к тому же в крайне неудобных положениях за седлом или с растопыренными в разные стороны ногами. Пришлось остановиться, дабы разобраться с занемогшими клячами под двойной мортирной поклажей и наездником поверх. На многих сидело по трое наездников! Намятые стволами бока либо освобождались, либо обкладывались подстилкой. Отцепленные стволы привязывались к другим коням. Это надолго задержало пушкарей д'Олона, задержавших продвижение всего отряда и в итоге удалило в самый хвост. Среди собеседников на переднем крае надолго не оказалось графа, связавшегося с этими пушками.

Казалось они все еще не вырвались из опасных мест, казалось слишком много времени потеряли, хотя чувствовалось, что все осталось позади, они вырвались и впереди тянулась с кактусами местность из Сан-Вито.../если называть по-местному/.

Добавилась боковая дорожка, слившаяся воедино с их. Можно было решить что это та, которая тянулась от второй пещеры. Далее общая дорога забирала вверх и выравнивала горизонтальное свое положение за нагромождением каменистых осыпей по правую сторону.

За ними начиналась гора, но между ними существовала все-таки широкая ложбина, потому что в просветах землянистые склоны горы виделись издалека и где-то совсем рядом журчала вода.
Вдруг шевадь д'Обюссон остановил коня...

Глава XXVI. Шандади

Впереди на пороге дорожной полосы перекатывались камушки, точнее их несомненно кто-то подкидывал сверху так, что они взлетали из-за порога нависающей дорожной обочины, представлявшей собой ступень вверх. Не похоже чтобы это рылся какой зверек, то была человеческая рука шутника. А они все в конной колонне находились на взводе и с ними было лучше не играть! И д'Обюссону, де Гассе с Рамаданом взади, де Феррану, де Сент-Люку... Эльяну и многим другим, видевшим происходящее было здесь не до шуток. Лица их посуровели, руки полезли взводить курки или к рукоятям холодного оружия. Первые осторожно тронули своих коней и под защитой пистолетных дул, стараясь как можно тише начали подъезжать к порожку. Франсуа д'Обюссон держался правой стороны и поэтому к нему ближе всего находился каменный барьер, который он и выбрал как первичную цель. Украдкой взглянул по сторонам.

В висках стучало тело, внутренне пружинясь, готовилось к прыжку наверх края, рука изготавливалась с выбросом пистолета от себя... камешки уже не прыгали!... Назревал момент!
...

...Сильный пронзительный кошачий визг потряс!...по крайней мере взмывших коней, нервы сдали, руки опустились; сверху полился заразительный хохот, раскатисто громкий, словно то от души хохотал сам Дьявол... Оттуда появилась шляпа, сразу же прострелянная... на клинке, и появился кот... под сомбреро с заломленными-переломленными полями, как у черной шляпы, которая была видимо показывающаяся-рабочая; черные усы, пряди волос выбивающихся на уши, и тем же цветом большие яркие глаза, внимательно осматривающиеся... Видя что более никто не стреляет человек во всем черном встал во весь рост. Деланно-вычурно затыкая свой длинный кинжал за пояс.

Несомненно являл он собою образ вольного разбойника, а его узкие в коленях, но с широкими гачами брюки вызвали у д'Обюссона невольную усмешку: «Ко-от!» наклонился поднять кончиком шпаги чей-то выроненный пистолет.

Они с интересом смотрели на него, он лукавым взглядом осматривал их. Вообще в виде этого человека было что-то отчаянное, разбойничье-вызывающее, и в то же время шальное и хмельное.

Черный человек снял перчатку с руки, и пригладил усы, кончая смеяться.

– Ох, и развеселили вы меня.

– В раю бы так досмеялся, – ответил д'Обюссон на его языке.

Снова взрыв хохота указывающий на то, что как раз это ему не грозит.

– ...Его преосвященство сеньор наш епископ отмахиваясь от меня кадиллом в руках вполне серьезно уверял что мне даже в ад дорога закрыта.

– Значит вы бандит?

– Ну нет, бандит – это совсем ничего не значит.

– Чем же ты вызвал недовольство епископа?

– Недовольство?... – рассеянно проговорил бандит, как будто задумался над тем, что значит это слово, или же думая о своем. – Ах недовольство!!... Может быть тем, что поймали его Преосвященство в одной церквушке и я напихал ему за шиворот склизких лягушек, которых он ужасно боится, или заставил прыгать из-под плетки?... А ну это все было после анафемы, до: я кажется вызвал у него недовольство тем что навтыкал ему в седелку иголок и он возвещал о муках своего христианнейшего зада громче, чем я сейчас хохочу!...

Хохот показало разносило слабое заглушенное эхо. Он бы и дальше продолжил свои бахвальства, если бы Франсуа не перебил его, заставив резко смолкнуть.

– Кто ты такой!?

– Кто такой я?!... Это на Сицилии известно каждому! Я – Урри, я – Мачете, я бандит-одиночка! А вот кто такие вы?!... Вот в чем вопрос! Признавайтесь, как вам удалось улизнуть от поимщиков, через пещеры, вас защищали эти вот...?

Видно Урри, или Мачете узнал о вставшем в засаде английском линкоре, или как для него попросту корабле, раз уж назвал военных просто поимщиками, и по всей видимости был свидетелем сцены разыгравшейся в заливе, хотя бы как наблюдатель с гор, иначе бы не остановил их здесь, и не делал нарочитые выводы:

– Так значит вы контрабандисты! – продолжил строить предположения своим скрипящим голосом тот.

На ту беду подъехал всегдашний возмутитель естественного течения событий д'Олон, в ответ на «контрабандистов» назвавший того «проподлиной», морочащим им мозги, но впрочем не на сицилийском говоре. Друзья его не сразу смогли успокоить и оставив свою пушку в покое, которой намеревался запустить в «мерзавца» за неимением заряженного пистолета, а только разряженного. Не желая слушать «одиночку» и удивляясь как они еще могут с таким разговаривать, буйный в сегодняшний день граф удалился назад.

– Э! Друг темных углов, во-первых, полегче со словами, мы не терпим вольностей, а во-вторых, объясни что все это означает: горы, причалы, пещеры, куда мы попали?

– А-а! Вам объяснить куда вы попали? Что ж можно...

Мачете хлопнул в ладоши, топнув или наступив ногой и ему как по-волшебству прилетела снизу гитара, приставшая к рукам бандита так, как если бы это было обратным действием откидыванию. Слух приятно резала виртуозная варьирующая мелодия, исполняемая мастером своего дела с рьяным, бархатным голосом:

Эта тишь и сушь

Здесь такая глушь

Не для робких душ!

.....
Шевалье д'Обюссон отпарировал:

– Эта тишь и глушь – не для наших душ! Нам нужно выбраться отсюда!...

В ответ также в песенной форме:

Дорога вдаль бежит

Не страшись пути!

Быстро едешь – не спеши!

Тихо едешь – не доедешь!

Слова, какими они не были наигранными, заставили призадуматься и почувствовать дух той обстановки в которую попали буквально только что с другой...

Как не душесчипателен был выступ Мачете, вышедшего из сей местности, посреди которой находились они, в ней спасаясь, но эти слова судя по всему могли быть сочинены и много веков назад, и много обращать внимание на них не стоило. Как только смолкли аккорды гитарной музыки, Мачете же прервал задумчивую тишину.

– Так что мотайте на ус, сеньоры! Я не знаю что вам здесь было нужно, но предупреждаю, что ежели вы не на хорошем счету у Монсеньора!... – нарочито заострил голос, – То вам стоит поостеречься!

– Кто такой Монсеньор? – спросил д'Обюссон.

– У нас на Сицилии есть один Монсеньор – это маркиз Спорада!

– Маркиз!?! – как в ужасе от озарившей его мысли воскликнул шевалье д'Обюссон.

– Ну, да маркиз чего тут?!

Граф де Гассе обратил на друга пристальное внимание, вопрошая взглядом, но не добившись ответа спросил стараясь как можно тише и замысловатей:

– Я правильно понял, что этот маркиз Спорада... к которому у тебя нагорели счета?... В самое время нагрнуть в его гнездышко с судом и повесить как собаку!...Нас сотня и нам все нипочем, говори!

– Нет, ничего, я подумал совсем о другом, ты меня неправильно понял.

– Франсуа, признайся ты подумал об этом?! Не забывай у нас с д'Олоном также имеется к нему кое-какие счёты, за что ему стоит выпустить кишки. И если сейчас к этому не готов ты, мне графа не придется уговаривать!

– Граф, сейчас первое что нам нужно сделать это добраться до Палермо! – твердым тоном не терпящим возражений проговорил шевалье д’Обюссон, имея в этом вопросе прерогативу решений, и желая завершить тему добавил, – Потом видно будет. / Перевел взгляд на Мачете, который судя по глазам внимательно следил за разговором, на непонятном ему языке /...Послушай-ка, выходит ты здесь стрелянный воробей?

– Валяй без вступлений!

– Нам нужен проводник, мы хорошо заплатим.

– Неприемлю!...Деньги мне ваши ни к чему. Я, если мне что нужно, всегда выкладываю кинжал. Но вот отплатить мне... это ты хорошо придумал! Мне подошли бы для этого вот эти окуляры.

Шевалье Франсуа посмотрел на подзорную трубу, сложенную и привязанную к поясу.

– Дикарь...

За оптические стеклышки бандит-одиночка согласен был сделаться так нужным проводником, указав дорогу и подзорная труба полетела в его руки. Прежде всего он взглянул в нее вдаль, затем тут же на саму трубу, с недоумением. Догадался перевернуть и в течении пары минут осматривался вокруг. Понравилось, после чего он спросил куда провести?...

– Куда?!? – вскричал он после того как услышал куда в ответе и даже сделал машинальное невольное движение вернуть оплату, – ...Птьфу-у-ты!!! Какое Палермо, вас там всех перережут! Я ж вам что говорил? И меня туда же потащить захотели...

Шевалье д’Обюссон перевел взгляд рядом, глядя то на де Гассе, то на де Феррана, проговорил:

– Он говорит нас в Палермо всех перережут!

– А я уже больше ничему не удивляюсь, – вступил в разговор граф де Сент-Люк.

Недоуменное молчание, установившееся после этих слов прервал сам же Мачете, довольный произведенным его словами эффектом, рассказывая о том, как страшно в Палермо, где правит властный сюринтендант и только здесь в горах некоторое раздолье.

К словам бандита-одиночки стоило прислушаться, то говорил его жизненный опыт выживать, но д’Обюссон больше прислушивался к тому, что решали в его кругу.

– А! Знаю! Вы-французы! – догадался сверху Мачете, – И предупреждаю: здесь вам не тру-ва-ля!...

...И далее забубнил себе под нос что-то про тишину дальнего конца Портового замка / резануло слух! /, и сицилийскую вечерню. Он конечно никакой корысти не имел, мог бы вывести и на Палермо, но советовал объезжать его десятыми дорогами и желательно вот такими бандитскими дорогами, как самыми безопасными.

Идентичное название больно кольнуло слух и Франсуа д'Обюссон решил окончательно положиться на мнение Мачете.

– Что, господа, может быть спросим у этого сеньора, что он скажет? Я вижу он горит желанием и только бескорыстно ждет когда его спросят? – говорил шевалье, чувствуя, что размышления у них зашли в тупик и вылились в пустое, без конкретных реалий, которые бы мог привнести разбойничающий в этой местности Урри. Господа на того хоть и сильно косились, но возражать не стали.

– Э! Ты можешь нам что-нибудь предложить??

– Обязательно! Вы же мне предложили проводником быть, окуляры дали. Я Вам предлагаю покинуть Сицилию по добру-поздорову. Баш-на баш.

– О-о! Сверху высказано цельное предложение убраться с Сицилии... Как снизу согласны?

– Конечно шевалье, – обратился к нему де Ферран, – С ним стоит поговорить посерьёзней. Этот парень может нас вывести в хорошие края, откуда мы сможем выбраться куда станет нужным. Не все же здесь «Сицилия». Поговорите с ним, сколько бы он не запросил...

...Последовал кивок головой, показывающий на излишность и ненужность бравурных слов, которых он не стал договаривать, дабы не ущемлять самолюбие д'Обюссона:

– Э, дражайший, значит баш-на баш? Но только теперь мы изменим очередность! Предлагай первым, а я посмотрю! Или вот что, приведи-ка нас в трактир для начала что ли, где бы мы могли хорошо поесть и отдохнуть, там и разберемся!

– Э-э! Сеньоры французы, поубавьте свои аппетиты! Здесь на дорогах трактиров не бывает, держи карман шире! Здесь кто пускается в путешествие должен брать с собой всё нужное и наоборот хозяев постоянных дворов кормить.

– ...???

– И в деревнях вы ни за какие деньги не сможете насытить ваши гурманнейшие желудки. Ни мяса, ни хлеба в них не осталось, после прошлогодних-то поборов. \Каких?! \ Разве что овощами какими попотчуют с зеленью и запить, пожалуй дадут наливочкой какой-нибудь подзрительной, а больше на такую араву не напросишься...

– Господа, плохи наши дела. Страна нищая и голодная. Трактиров нет, постоянные дворы сами кормятся за счет путешественников... Па!...

– Палермо нужно десятками дорогами объезжать! Сейчас я в него солью выстрелю, чтоб нас такие придурки-одиночки десятками дорогами объезжали в следующий раз. / де Гассе искал пути-выходы из загнанности в удивлённое состояние /.

Между тем Мачете продолжил, выждав когда все отхохочутся:

– Но вы мне точно нравитесь! С вами я горы сверну! Предлагаю прекрасный ночлег на эту ночь. Там и гульнуть можно будет, и скотом с провиантом на всю дорогу запастись, устраивает?... Не слышу всеобщего согласия! – обратился он громче уже ко всем.

Граф Сен-Жан заставил своих пушкарей кричать «Si».

– Тогда вперед-вперед! На штурм в Шандадский замок!

Французы предполагая что им предложат какую-нибудь вполне сносную корчму у дороги, естественно смолкли от неожиданного предложения... Устремленная вглубь сицилийских дебрей рука с капитанской трубой осталась в неподдержанном призыве, ни криками, ни устремлением...

– Я имел ввиду замок, а не крепость, – произнес он презрительно улыбаясь и выждав приличествующий момент повернулся задом, всем своим видом показывая что он более не собирается иметь с ними дело.

Сзади уже негодуя кричали по услышанным и переведённым обрывкам слов:

– Штурмовать крепость для ночлега на одну единственную ночь, это нам может подойти?!...

– Он принимает нас за дураков!

– Да он просто решает нами какие-то свои дела!

Франсуа д'Обюссон держа пистолет дулом кверху остановил Мачете:

– Э! Ты кажется подумал что мы отказываемся настолько, что даже не желаем выслушать твоих разъяснений, раз повернулся задом? Клянусь я тебе его прострелю, если ты не изменишь своего мнения.

– Да нет же, ничего плохого я о вас не думаю, конечно же, успокойтесь только! Я ни на миг не сомневался о вашем согласии и повернулся идти к вам! – невольно отговаривался Мачете в затруднительном положении, чувствуя что чтобы он ни сказал, это вызовет недовольство, ни тех так других, – Там всего пол-сотни пьяных разбойников, сотня в деле сейчас!

Сзади, докуда доходили только отдельные слова, послышались ружейные выстрелы и более того усиленный рев возмущенного д'Олона с жестом руки «убрать».

– Шевалье, дайте мне пятьдесят луидоров! Я вас румяненьким до куда угодно доведу, еще и заработаю на этом!!!

– Боже мой! – прошептал Мачете, пригинаясь и присвистнув / на дорогу выбежал его черный конь /, спрыгнув прямо в седло, понукнул, – Вперед!

Шевалье д'Обюссон тронул за ним и весь отряд французов последовал вослед. Их втянули ловко и невольно в какую-то новую авантюру. Но по дороге можно было поподробнее пораспрашивать и обсудить меж собой. Справа по ходу к ним неприметно присоединились

еще два наездника в старых кожаных бурках, и подозрительные на вид, что давно и так уже значило: бандит-одиночка далеко не одинок.

– Признаться да, – говорил Мачете подначивая, – когда такие герои после бурных восторгов от поживы, смолкли в гробовой тишине и завозмуцались, когда узнали что придется чуток пострелять, я подумал что далеко с вами не уедешь. У нас не постреляешь – не поешь!

– А чей это замок... Шандади?

– Чей же еще, когда ворота в нем всегда нараспашку! И туда захоже всякое отрепье.

После этих слов они долго ехали молча, погоняя рысцой, или же наоборот сдерживаясь, в зависимости от того как успевал хвост, представленный графом д'Олоном, а вернее хвостом той лошади что бежала за ним вслед натяжеле, обвешанная поклажей двух тонких стволов кулеврин.

У банды Мачете имелся при себе запасной четвертый конь, полностью взнузданный, и он был передан испытывающим наиболее острую нужду позади...

Дорога, или лучше сказать путь, потому что уже редко когда замечались следы полозьев, совершенно отсутствовала обочина, и полотно иногда представляло собой некогда влажную корочку, затвердевшую на солнце, от чего не пылила, а только ломалась на мелкие ломтики под массивными обросшими копытами коней. Порою встречались такие заросли и с кактусами, что непривычные французы никогда бы не решились прогнать среди них своих коней, не будь едущих впереди них бандитов.

Заметно было что они много поднимались и редко когда доводились спуски. Жара стояла нестерпимая и не перебиваемая даже ветерком на редких спусках, с которых уже не доводилось сгонять, так как взбитость поверхности почвы изобиловала различными кочками и рытвинами не давшими бы этого сделать. Впереди виделись еще большие горы, куда они неукоснительно забирались. Неожиданно справа из-за невысокой горки, заросшей кустарником, выскочила широкая уезженная меловая дорога, по сообщению Мачете идущая на Сан-Вито ло Капо, которое они видели с моря. Кому вспомнилось то бездумное безмятежное время перед тем что их поджидало?... Дорога уносила их вверх. Выше на подъеме она стала вовсе твердой, как каменные грунтовки, покрывающиеся налетом дорожной пыли.

Незаметно движущаяся конная процессия оказалась на дне глубокой впадины, зажатой со всех сторон стенами крутых склонов. По левую сторону до подножия холма, или даже еще ниже протянулась ложбина каменной реки в которой, казалось тек ручеек, но по всей видимости так только казалось, или же представлялось жаждущим рассудком. Жаждали не только люди, но и кони. Особенно сильно это проявилось при крутчайшем подъеме, где дорога после изгиба резко забиралась на кручу. Изнуренные мокрые от пота кони вяло передвигали одеревеневшими ногами и тяжело дышали, не в пример горским скакунам, легко возносившим своих наездников. Те так же выгодно отличались от усталых, запыхавшихся французов. Имея при себе фляжки с водой они ни разу не воспользовались ими, а Мачете заехав уже наполовину, не поленился повернуть коня обратно, видя как отстал граф д'Олон и что именно его заставляет плестись далеко взад.

Ведя на поводу лошадь со «сломанной» или только подбитой ногой, которая теперь могла только идти ужасно хромая, д'Олон с заботливым, измучившимся лицом повернулся, заметив перед собой Мачете, изготовившегося стрелять.

– Сломавшихся лошадей... кончают!

Мачете смотрел на него так, что граф оказавшийся беззащитным перед лицом бандита вполне мог бы соотнести эти слова и к поотставшему себе, от чего издав невнятный звук невольно отвернул глаза... Раздался выстрел: лошадь пала замертво, Мачете отъезжал обратно, а он, граф д'Олон на виду у всех остался в глупом положении.

С настороженным вниманием наблюдавшие французы видя что ничего страшного не произошло, устало обернулись назад и вся колонна тронулась дальше. Д'Олон погнался за ними, соглашаясь с тем, что конец у нее все равно один: не от пули так от сицилийского волка.

Достигнув самого гребня, откуда по идее должен бы был быть спуск, поехали по сравнительно ровной по горизонтали ленте дороги, с которой смотреть вниз через край спокойно было невозможно: далеко внизу пропасти виделись ранее не замеченные цитрусовые деревья, выделяющиеся темно-зелеными шариками крон; на противоположном склоне холма в невероятной крутизне разместилось небольшое серое глино-каменное строение пастуха.

Далее пошли более щадящие условия для езды. С дороги, которая шла во дворец они свернули. Путь пролегал по местам под легким уклоном и все больше вниз. Без особых затруднений пересекались заросли и пастбища. Вдобавок попался мутный жидкий ручей, к которому с особой жадностью припали конские головы, превратив его в несколько луж.

Мачете видя как Фернандо внимательно смотрит на то, как его конь потягивает в себя грязную жижу, понимающе кивнул, сказав по-испански:

– А мы люди!...Мы подождем...

И подождав еще с минуту, когда конская голова поднялась, деланно оттопырил борта куртки, присел на корточки, и опершись на длинные руки приложился к тому же месту...

Фернандо скриворотило и стошнило, всё сразу. И хотя жажда очень отразилась на его лице, незадачливого испанца невольно поворотило от такого упоения и под громкий гортанный хохот Мачете он с обескураженным видом поспешил увести коня.

Мачете долго хохотал вослед, затем остановившись задумчиво произнес: «Нет»...

В путь таких – не берут!

Про таких – не поют!

Он снял с пояса фляжку с водой и пустил по очереди, хоть по глотку промочить горло. Двум своим друзьям он показал сделать то же самое. Фляжки уходили в другую от Фернандо сторону и он не уважая себя, позорно поплелся под торжествующим многозначительным взглядом Мачете, в итоге не успел.

В следующий раз по словам проводника был сделан крюк и остановились они уже около многоводного ручья, вода в котором хоть и была мутной, но с поверхности ее никто не боялся пить.

...Совершенно того не ожидая взобрались с обочины на широкую меловую дорогу, сверкающую белизной на ярком еще свету. Под воздушной белой пылью чувствовался хороший естественный дренаж, не дававший ей раскиснуть во время дождей. При сравнительно быстром передвижении, которой колонна французов устремилась по дороге, временами поднималась большая пыль и поэтому чтобы не глотать ее зря, ими была занята вся ширина. Разбившись по цепям нестройной массой они вели путь по узкому равнинному коридору в общем-то называемому дорогой, которой можно было назвать так с большой натяжкой, но важен был сам факт того, что невысокие внутренние сицилийские горы протянулись по обе стороны на отдалении. Признаться никому не хотелось сворачивать с наезженного пути и торить новый, через ряды казалось непрерывных стен холмов с разрушающимися, обнаженными макушками, выветривающимися от известняка и песчаника.

– Vade Retro!...Сатана, – проговорил неожиданно Мачете глядя в подозрную трубу. – Гляньте-ка что!

Ничего особенного д'Обюссон не увидел, разве что едущих навстречу вполне приличных людей... Непонятно только что в этом факте у Мачете могло вызвать столько эмоций? Видя что «встречи на дорогах» шевалье не волнуют бандит-одиночка после минутного всматривания в трубу на ходу коня подал предположение:

– О да, среди них никак едет сам монсеньор Спорادا!? Это его люди.

У д'Обюссона хватило выдержки чтобы дернувшаяся за трубой рука осталась держать вожжу. Рассудив, что ежели едет – то обязательно приедет. И через очень короткое время он получил зрительный прибор, переданный де Гассе.

...Так он и знал!...Карета, столько сопровождающих людей верхом и все ради того чтобы в целостности довести то пестренькое, что потихоньку качалось в седле, разве что не свесив обе ножки по одну сторону, так называемо по-женски, злился он голодно и все не мог хорошо разглядеть лица, повернутого к пожилому всаднику, едущему рядом...

Грузный, седовласый и недобрый лицом старик прищуря глаза вглядывался вперед с видимым недовольством отразившемся в сильном нахмурировании морщинистого лба.

– Что такое??...Неужели марсальцы? – недоумевал он.

Едущая рядом молодая девушка повернулась и сделав паузу улыбаясь, почти смеясь произнесла:

– Разве князь де Бутера со своими марсальцами на дороге не так же любезен как на празднествах и балах-маскарадах у нас в Сан-Вито или во дворце Нормандов?

– Нормандов! – сварливо повторил старик. – На дорогах он хуже всяких нормандов! Поэтому я попрошу займите свое место в карете и задерните занавески.

– Скорее всего прятаться нужно вам! – вообще рассмеявшись звонко отпарировала она, на что пожилому сопровождающему пришлось смолчать, не найдя более приличествующих словесных форм для отдачи повторного приказа, и в любом случае прежде его внимание привлек подъехавший сзади паж, произведенный в этом месяце выше в форейторы, о чем свидетельствовал его новый зеленый костюм и пренаглые манеры, с какими молодец из-за его спины обратился к синьорине.

– Сестричка!

– А-а!? – протянула она игриво томно.

– Прелестненький цветочек, красавица моя ненаглядная как солнышко ясное, отпусти меня, мне срочно нужно в это самое...

Голос Виттили недосказанно осекся на последнем слове, когда он заметил что за странное воинство приближается к ним навстречу... Его же сестричка: элегантная юная особа с величавой осанкой и гордо поставленной головкой, прелестно оформленной внешне, залилась таким звонким задорным смехом, что прическа, убранный корзинкой вверх затряслась бриллиантовыми подвесками с длинными вытянутыми камнями, ставшими мелко дробно стучаться друг о друга. Особенно что ее рассмешило было то, что Виттили, который появился под руку к разговору срочно захотелось в это /...ну как его там! / сразу как только выяснилось с кем им предстоит встретиться, вдобавок к его комичной клянчущей гримаске на лице. Хорошо зная лукавость своего «братца», а вернее мошенническое нутро, она предположила что не скоро его увидит. На всем пути до Сан-Вито можно найти массу причин почему и что ему помешало дослужить этот оплаченный наперед месяц сполна, и почему он вернулся без нового зеленого крепдешинового костюма с полосочками.

– Ну иди, – отпустила она, вволю насмеявшись и вспомнила, что хотела посмотреть на встречаемых мужчин. Однако ее снова отвлек противный старикан-чичисбей.

– Так!! Молодой человек!...Да вы! Коня оставьте! Оставьте, вам же только до первых кустов доехать нужно! Не чаєте же вы скакать от них до самого Алькамо, – опозорил он Виттили, скромно пытавшегося прихватить с собой и коня.

– Ну зачем так, не надо, ему же тоже нужно ездить, – заступилась за братца знатная синьорина, тем томным женским голосом, который звучит обычно под руку и не является чем-то обязательным, даже от столь знатной сеньоры.

– Ничего! Недалеко! И так дойти можно. – твёрдо настоял жёсткий старикан, отлично знавший о всех уловках и проделках юного негодяя, который уже известно как использует причину встречи с незнакомыми людьми, обозванными уже Нормандами наводяще. И осрамленный при всех Виттили под непрерывным наблюдением старика еще более смешался, когда за вожжи цепко ухватился приставленный следить конюх; вынужденно слез с коня, передавая поводья: представившийся случай надо было использовать. Ему бы надо было дожидаться разезда со встречаемыми, тогда бы исправилось дурное положение, которое несомненно за ним возникло в глазах людей из кавалькады, кои и сами побаивались предстоящего; и эту диспозицию он понял, попав в другое прямо-таки дурацкое положение из-за попытки спроедошничать на коня, когда оставшись с одним костюмом на поживу, ему и в самом деле пришлось уйти

с дороги в «кусты» от греха подальше такой встречи в одиночку с этой конной шарагой при пушках, что заметно уже приблизилась.

Шевалье д'Обюссон заметил что Мачете что называется линяет, постепенно затесываясь в самую гущу.

– Приготовьте оружие! – скомандовал он задним, когда как передние вместе с ним обо всем уж договорились. С левого края была оставлена лазейка, но такая чтобы в нее невозможно было проехать, а впечатление о серьезности их намерений раньше времени не создавать. Меж тем оно шло, авангарды отряда и кавалькады сближались и сблизились настолько, что Франсуа сам себя поймал на желании разглядеть обладательницу синего платья из воздушного шелка и кашемирового плаща, перекинутого через руку, но ее не было видно из-за темной фигуры старика с широкой грудью намеренно прикрывавшего ее за собой. Не заметил как наступил момент: масса конных французов являвшая собой невозможность сузиться, заслоня тем самым проезд разбухшей голове кавалькады, заставила приостановиться... и в этот самый лучезарный миг Франсуа увидел подавшуюся вперед на своем коне саму синьорину, ее лицо!...встретилось с ним и пленило светлым нежным видением женской прелести, устремленной к нему... Сколько длились эти светозарные мгновения?... невозможно было почувствовать, но как темная тень навалился, оттеняя ее собой старик чичисбей, заметивший нескромность своей подопечной. Закрывая собой и резко раздраженно придерживая ее коня, процедил сквозь зубы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.